

Pro et Contra

№ 3 (55), май — июнь 2012

ПЕРЕМНЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Социальный капитал
и идеологические ориентации

Лев Гудков

Два народа, две церкви

Светлана Солодовник

Миграционная дилемма России

Ольга Троицкая

Сибирская идентичность
как политическое высказывание

Алла Анисимова, Ольга Ечевская

Символическое единство нации?

Ольга Малинова

Pro et Contra

№ 3 (55), май — июнь 2012

Том 16

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
Издается с августа 1996 г.
Выходит шесть раз в год

Главный редактор

Мария Липман

**Заместитель
главного редактора**

Александр Стариков

Редактор

Наталия Марголис

**Ответственный
секретарь**

Татьяна Барабанова

Дизайн

Лидия Левина

Верстка

Никита Очагов

Проверка и корректура

Ольга Иванова

Консультационный совет

Владимир Барановский

Борис Дубин

Фарид Закария

Томас Карозерс

Эндрю Качинс

Анатолий Ливен

Мари Мендрас

Вадим Радаев

Кирилл Рогов

Дмитрий Тренин

Лилия Шевцова

Константин фон Эггерт

Евгений Ясин

Учредитель

Фонд Карнеги

за Международный Мир
(Carnegie Endowment
for International Peace)

Издание осуществляется
при материальной
поддержке
Фонда Макартуров

Адрес редакции: 125009, Москва, ул. Тверская, 16/2, Московский Центр Карнеги

Телефон: (495) 935-8904. Факс: (495) 935-8906. E-mail: editor@carnegie.ru

Электронные версии: <http://www.carnegie.ru/proetcontra>

ISSN 1560-8913. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28240 от 18 мая 2007 г.

Распространяется бесплатно. Подписано в печать 20.07.2012 года. Формат 60x90¹/₈. Усл. печ. л. 8. Тираж 2 000 экз.

Издательство «ARTCODEX». Москва, ул. Андроньевская Б., д.25/33. Типография ОАО ИПО «Лев Толстой». Тула, ул. Ф. Энгельса, 70. Заказ № 2219

© Carnegie Endowment for International Peace, 2012

Сдвиги в российском обществе ярко обозначились в конце прошлого года, когда рокировка первых лиц и грубые фальсификации на парламентских выборах внезапно привели к массовым акциям протеста. Внезапно — потому что режим и раньше строился на политических манипуляциях и нечестных выборах, но до осени 2011 года граждане считали это само собой раз-

умеющимся и жили, повернувшись к политике спиной. Равнодушие к политике проявляли в одинаковой мере и провинциальные россияне, и их более модернизированные сограждане из крупных городов. К примеру, выборы в Московскую городскую

думу 2009 года отличались особенно высоким уровнем фальсификаций — даже обычно мирные «системные» фракции в знак протеста покинули зал заседаний Госдумы. Что до самих москвичей, то почти сорок процентов еще до голосования (и уж тем более после!) не верили в честность тех выборов, но не выразили никакого желания реагировать на грубую фальсификацию. Тогда казалось, что это в порядке вещей. Спустя два года восприятие изменилось: такой «порядок вещей» стал настолько неприемлемым, что часть российских граждан — отринув привычные равнодушие и цинизм — вышли на массовые акции протеста.

Собственно, отрицательное отношение к действиям властей формировалось давно. Даже на пике популярности Владимира Путина в 2008 году две трети наших соотечественников уверенно говорили в опросах, что чиновники не живут по закону, милиция не защищает граждан, а сама представляет для них угрозу, суд не способен помочь тому, кто пал жертвой произвола властей. Недовольство властью привычно сочетается с отказом от активных действий: власть, конечно, своекорыстная, вороватая и может сделать с нашим братом что захочет, но так было от века и не нам это изменить. Тем более что опыт «хаоса 90-х» научил: политические перемены не прино-

сят ничего хорошего, а значит, вместо того чтобы активничать, куда разумнее приспособиться к имеющимся условиям. Да и условия были не так уж плохи: государство хоть и не обеспечивало ни правосудия, ни справедливости, но зато повышало благосостояние, а более творческим и предприимчивым предоставляло значительные возможности самореализации.

Для режима, который строится на централизованном контроле и распределении ренты, равнодушные граждане — сущее благословение. Власть успешно культивировала политическую апатию, мобилизуя жителей страны исключительно в период выборов, а в остальное время последовательно отодвигая их подальше от принятия решений, отрезая от инструментов подотчетности и выхолащивая институты политического представительства.

Между тем в условиях значительной свободы самовыражения у части граждан — главным образом, в постиндустриальной Москве — менялось мировосприятие. Формировалось сообщество людей с современными профессиональными навыками, открытым взглядом на мир, независимостью суждений, умением самостоятельно принимать решения и добиваться поставленных целей. Эти россияне не разделяли со своими менее модернизированными соотечественниками традиционное российское иждивенчество по отношению к власти. Кроме того, в этой среде накапливался опыт совместного действия и успешных гражданских инициатив. Иными словами, в условиях патерналистской, то есть анти-модернизационной, политической системы и добровольного отказа граждан от политического участия в обществе исподволь, вопреки желанию властей шел процесс гражданской модернизации. Этому процессу в огромной степени способствовало стремительное распространение Интернета, появление популярных блогеров, развитие социальных сетей. Граждане все охотнее вовлекались в коллективные действия, будь то публичные дискуссии и клубная жизнь, помощь слабым и нуждающимся, защита Химкинского леса, солидарные

действия во время летних пожаров 2010 года или участие в РосПиле Навального, — во все, что казалось осмысленным и важным.

Прошлой осенью в сферу осмысленного и важного неожиданно вошла политика. Гражданская активность превратилась в политическую. Активный уличный протест против манипуляций, лжи и злоупотреблений властью означал, что модернизированные россияне, по большей части жители Москвы, разрывают пакт, который негласно действовал между ними и государством и предполагал невмешательство в дела друг друга. В среде протестующих и тех, кто им симпатизирует, власть полностью утратила легитимность — об этом красноречиво свидетельствуют антипутинские лозунги на акциях протеста.

Поддержка постепенно снижается и в менее модернизированных группах, но в целом эта часть общества, как и прежде, остается на позициях иждивенчества. Для нее легитимность власти — пока — по-прежнему строится на традиционных, патерналистских основаниях: кто наверху, тот и легитимен. Соответственно пока сохраняется и контракт: если вы нам относительно благополучие и стабильность, то мы вам — наши голоса. Не потому, что доверяем, а потому, что не видим альтернативы, не верим в нее и страшимся перемен.

Постепенное ослабление массовой поддержки, однако, не означает, что модернизированная часть общества перетасчит на свою сторону других недовольных. Недовольство в разных слоях общества имеет разные корни и вовсе не обязательно расширяет пространство гражданской модернизации. Скорее наоборот: чем активнее и громче звучит голос модернизированной России, тем сильнее выходят на первый план ксенофобия, антизападничество, неприятие всего нового и современного — секуляризма, радикального

искусства, равноправия сексуальных ориентаций, ювентильной юстиции. Государство, опирающееся на консервативные массы, тоже неуклонно сдвигается не только в сторону репрессивной политики, но и в направлении социального и идеологического консерватизма, тем самым углубляя поляризацию общества и его разлом по линии социальной модернизации. Преследование панк-рок-группы «Пусси Райот» — самый яркий, но далеко не единственный пример.

Неуклонно расширяющийся и уже непреодолимый разрыв между властью и наиболее продвинутыми гражданами — реальность сегодняшнего дня. Отношения и взаимодействие между более и менее модернизированными россиянами будут определять развитие России в будущем.

Новый номер *Pro et Contra* посвящен общественным сдвигам в России последних лет. **Лев Гудков** пишет о том, что в среде крупных городов «складываются условия для альтернативных общественных структур», однако радикальные изменения в обозримом будущем маловероятны, поскольку «в обществе пока не выявлены силы, способные предложить новые формы организации». Материал **Светланы Солодовник** свидетельствует о том, что разлом, наблюдаемый в обществе в целом, происходит и в церковной среде. **Ольга Троицкая** исследует отношение граждан к трудовым мигрантам и то, как оно влияет на миграционную политику государства. Статья **Аллы Анисимовой** и **Ольги Ечевской** посвящена росту регионального самосознания в городах Сибири. **Ольга Малинова** анализирует дискуссию, развернувшуюся вокруг попыток власти сформулировать представление о коллективной идентичности. В центре внимания **Алексея Миллера** — изобретение национальных символов и то, как меняется их восприятие под влиянием политических факторов.

Мария Липман, главный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА

ПЕРЕМЕНЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

6 Социальный капитал и идеологические ориентации

ЛЕВ ГУДКОВ

«Материальные интересы тех, кто так или иначе зависит от власти (бизнес, особенно крупный; средний состав чиновничества, академическая и научная среда, деятели культуры и т. п.), тяготеют к сохранению статус-кво, принуждая других адаптироваться к существующему социальному порядку. Обычно “идеологи” недоучитывают интересы тех, кто стоит за сохранение существующего положения вещей, и переоценивают потенциал изменений. Организационная слабость оппонентов господствующих групп вынуждает большинство населения сопротивляться переменам или принимать их пассивно».

32 Два народа, две церкви

СВЕТЛАНА СОЛОДОВНИК

«В патриархии, кажется, понимают, что нельзя бесконечно поощрять отставание от политической культуры, которая существует во всем мире. Но очень страшно остаться в многополярном политическом пространстве “неприкрытыми”. Оснований для беспокойства пока вроде нет: в правление патриарха Кирилла государственная бюрократия стала еще лояльнее к бюрократии церковной, но в патриархии всегда рассматривают вероятность потерять благоволение власти. Если благоволение власти вдруг будет утрачено, да еще и в условиях запрета на религиозные партии, кто возьмет на себя защиту интересов церкви?»

47 Миграционная дилемма России

ОЛЬГА ТРОИЦКАЯ

«Несмотря на то что в 2000-е годы характер и динамика миграционных процессов на постсоветском пространстве изменились, принципы управления ими остались по сути прежними. Безвизовый порядок перемещения со странами СНГ сохранился, а для того чтобы решить проблемы трудовой миграции, правительство принялось за реформирование

внутрироссийских механизмов управления — правил проживания и трудоустройства мигрантов. В ответ на растущее недовольство населения высоким уровнем иммиграции со второй половины 2000-х эти правила постепенно ужесточались».

62 Сибирская идентичность как политическое высказывание

АЛЛА АНИСИМОВА, ОЛЬГА ЕЧЕВСКАЯ

«В медийном пространстве все чаще встречаются трактовки сибирской нации как нации политической, которая имеет свои специфические интересы и готова декларировать и отстаивать их в рамках многонационального федеративного государства. При этом культурное и языковое своеобразие как основа нациестроительства отходит на второй план, а на первом плане оказываются социально-экономические, экологические и культурные проблемы сибирского региона, осознание и проблематизация существующих несимметричных отношений между федеральным Центром и сибирским регионом».

76 Символическое единство нации?

ОЛЬГА МАЛИНОВА

«Хотя начавшийся общественный подъем обнаружил острейший дефицит предложения на идеологическом рынке, возникновение протестного ядра, сплотившегося вокруг “негативной повестки”, уже само по себе требовало корректировки прежнего символического курса, который был нацелен на демонстрацию “единства”. Правящая элита оказалась перед выбором: либо сосредоточить усилия на адаптации прежней стратегии “солидарности большинства” в расчете на маргинализацию протестующего меньшинства, либо сделать ставку на раскол в его рядах, частично перехватив лозунги оппозиции и применив более адресный подход к мобилизации поддержки».

94 Изобретение традиции

АЛЕКСЕЙ МИЛЛЕР

«Весьма интересная ситуация возникла в последние месяцы, с появлением в политическом

ландшафте России белой ленточки как символа протеста против фальсификации на выборах и в целом оппозиции режиму. Создатели символа, по крайней мере, косвенно вдохновлялись успехом георгиевской ленточки. В это же время лидеры государства, которые стали главной мишенью критики протестного движения, активно используют георгиевскую ленточку. Пока еще не ясно, как люди, использующие белую ленточку, решат для себя вопрос о ее совместимости с георгиевской».

РЕЦЕНЗИИ

101 *Brian D. Taylor. State Building in Putin's Russia: Policing and Coercion after Communism*

ИВАН ГРИГОРЬЕВ

106 *Григорий Голосов. Демократия в России: инструкция по сборке*
ФИЛИПП ЧАПКОВСКИЙ

110 *Daron Acemoglu, James A. Robinson. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty*
ФРЭНСИС ФУКУЯМА

114 *David C. Engerman. Know Your Enemy: The Rise and Fall of the America's Soviet Experts*
ПЁТР ЧЕРЁМУШКИН

120 Наши авторы

121 Contents and Summaries

Социальный капитал и идеологические ориентации

В российском обществе ярко обозначились принципиальные расхождения между условной «Москвой» как социокультурным Центром и иными типами поселений, уже как антиподами Москвы, представляющими другие варианты эволюции страны | **ЛЕВ ГУДКОВ**

Массовые демонстрации и акции протеста, начавшиеся в Москве в декабре 2011 года и продолжающиеся до сих пор, равно как и ответные, пропутинские митинги, сделали очевидной разнородность социального пространства России. Сегодня еще неясно, как будет развиваться протестное движение, сможет ли оно повлиять на структуру государственного управления. Трудно оценить как социально-политические ресурсы протестующих, так и силу сопротивления им со стороны власти и поддерживающих ее групп. Очевидно, однако, что интересы сторон принципиально различны, причины для массового недовольства не устранены (и неустранимы), готовность высшего руководства к диалогу отсутствует. Это означает, что ситуация будет неизбежно становиться все более конфликтной. Развертывание этой коллизии определит социально-политические сюжеты предстоящего десятилетия в России и — тем самым — коридор возможностей для продолжения курса на модернизацию страны.

Векторы эволюции основных сегментов российского общества существенно различны: одни из них движутся в направлении европеизации, другие стагнируют, третьи медленно, но необратимо деградируют.

Успешная эволюция системы предполагает, что идеи вестернизации и демократии (ценностные представления, задающие направление развития, тяга к изменениям) отвечают характеру групповых и институциональных интересов влиятельных кругов. Новые социальные формы — партии, движения, организации, иницилирующие процессы институционализации изменений, — возникают именно благодаря подобному соединению идей и интересов. Однако такая институциональная «завязка» в истории авторитарных или посттоталитарных режимов случается редко и всегда в ситуации раскола интересов политической и поддерживающей ее интеллектуальной элиты, с одной стороны, и бюрократии (как было, например, во время горбачёвской перестройки) — с другой. Гораздо чаще группы интересов и «идеологи» (интеллектуалы и политики, предлагающие программы преобразований) индифферентны по отношению друг к другу. Материальные интересы тех, кто так или иначе зависит от власти (бизнес, особенно крупный; социальные группы, включенные в процессы интенсивной вертикальной мобильности; средний состав чиновничества, академическая и научная среда, деятели культуры и т. п.), тяготеют к сохранению статус-кво, принуждая других (индивидов,

группы) адаптироваться к существующему социальному порядку. Обычно «идеологи» недоучитывают интересы тех, кто стоит за сохранение существующего положения вещей, и переоценивают потенциал изменений. Организационная слабость оппонентов господствующих групп вынуждает большинство населения сопротивляться переменам или принимать их пассивно, приспосабливаясь к ним, не меняя своих основных представлений, моральных норм, образа жизни.

Идея перехода от авторитарного или тоталитарного режима к открытому обществу была идеальной «дорожной картой» представлений о будущем страны в 1990-е годы¹. Но в настоящее время подобная схема представляется неадекватной для понимания положения дел, сложившегося к концу 2000-х, и еще менее продуктивной в качестве метода сценарного прогнозирования развития страны на ближайшие 10–12 лет.

Это заключение может быть подкреплено следующими аргументами:

- реформаторы (или «модернизаторы», если обозначать их на языке поздних 2000-х) оказались отеснены от инструментов власти, изолированы от СМИ и других каналов влияния на общество;
- они потеряли связь с материальными интересами больших масс населения (обеспечение существования, безопасности и рост потребления) или не сумели достойно их представлять в публичном поле;
- надежды (или иллюзии) большинства населения на улучшение жизни перехвачены властью.

После того как завершилось формирование путинского режима, Центр не просто сменил символический вектор политики — произошла стерилизация потенциала модернизаторов, в массовом сознании была дискредитирована сама идея необходимости трансформации институциональной системы (а значит — вытеснены из него все мысли о буду-

щем страны, направленности ее развития). Представления, присущие Периферии, были приняты Центром как системообразующие символические структуры; тем самым функциональные отношения Центр — Периферия оказались радикально перевернуты: провинциальные, вторичные по своей идеологии лидеры, институты и политические программы (исполнительная власть, полицейский контроль, распределение) оказались символами целого, определяющими характер, приоритеты и цели для всей общественной системы (возращение к прошлому, восстановление великой державы). При этом собственно функции Центра — артикуляция ценностей и целеполагание (а также их механизмы: открытые дискуссии, политические партии, парламент) — были подавлены и остались в рудиментарном, недоразвитом состоянии.

В каждой такой ситуации вынужденного социального перелома или разлома прежних структур происходит отбор худших по своим социальным (человеческим) качествам людей во власть; худших в том смысле, что их ресурсом является способность к нарушению прежних норм или свобода от моральных ограничений. В ситуации дезориентированности (в пространстве возможностей), без моральных авторитетов и направляющих, всегда идет выравнивание по худшему из вариантов.

Интересы путинского режима (самосохранение, с одной стороны, и присвоение государственных доходов — с другой) потребовали — в соответствии с массовыми ожиданиями — усиления прежних перераспределительных функций бюрократического государства. Легитимность господства в этой новой ситуации обязана уже не идеям изменения и интеграции с Западом, а «стабильности» и «социальному государству», дополненным великодержавным традиционализмом и «консервативной модернизацией» (а по существу — идеологией антиреформизма).

Популистская демагогия путинского «социального государства» (национальные программы, систематическое повышение социальных выплат, помощь молодым и многодетным семьям и т. п.) стала важнейшим фактором, обеспечивающим доверие к власти среди больших групп населения, ее социальным капиталом.

Доверие к институтам и типы социального капитала

Остроумная типология Натальи Зубаревич («Четыре России»²) среди прочего указывает на одно чрезвычайно важное свойство российского социума: отсутствие или крайнюю слабость единых (сквозных, пронизывающих все социальное пространство) институциональных структур, которые определяли бы условия и нормы поведения большей части людей в России. Самоочевидность «единства социального пространства» — это иллюзия или утопия централизованного административного контроля. Подобная точка зрения характерна лишь для высшего руководства страны, централизованной бюрократии и экспертного сообщества, ориентированного на интересы правящей элиты. Если же исходить из «реальности» (которую могут представлять, например, материалы этнографических, демографических, социологических или экономических исследований), то Россия предстает как рыхлое, слабо структурированное и слабо интегрированное сообщество, которое правильнее было бы считать агломератом разных локальных сообществ, существенно различающихся по своим ориентациям, жизненным запросам, стратегиям адаптации и образам жизни.

Само это условное единство удерживается лишь тремя тотальными социальными институтами: силовыми или *репрессивными органами*, механически интегрирующими всю страну, *федеральными каналами ТВ*, которые подчинены задачам пропаганды и политиче-

ского контроля, включая целенаправленную политику развлечений, и *всеобщей средней школой*, обеспечивающей первичную социализацию и воспроизводство коллективной идентичности постсоветского человека.

Этих трех институциональных подсистем явно мало для органической интеграции российского общества. Российская институциональная система связывает общество лишь по самому нижнему, содержательно бедному уровню общности, к которому относятся система общих полицейских ограничений плюс минимальный состав символической, государственно-сертифицированной культуры, без которого оказываются невозможными коммуникативные и управленческие взаимосвязи, да массовый развлекательный «телемассаж». Этого минимума недостаточно для инициирования процессов развития, то есть структурно-функциональной дифференциации общества (или, по-другому, процессов «модернизации»). Развитие означает постоянный процесс прогрессирующего формирования специализированных, а потому относительно автономных и независимых от власти областей социальной жизни (экономика, наука, культура, образование, суд, политика, общественность и т. п.), связанных между собой через обмен ресурсами, правовыми нормами или моральными принципами, механизмами солидарности и общими ценностными представлениями.

Путинское государство, вторгаясь в эти области, разрывает сложные функциональные связи между ними (и без того довольно слабые), подавляя тем самым источники и стимулы самоорганизации общества. Эволюционный процесс в результате не останавливается, но резко замедляется. Институциональные дефициты компенсируются патрон-клиентскими отношениями (как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях). В отсутствие тотальной идеологии и практики массового террора

и репрессий государство в конечном счете неизбежно вырождается в децентрализованную структуру коррупционных или мафиозных связей и отношений, которые используют государственную монополию на легальное применение насилия как инструмент защиты и обеспечения материальных интересов правящей клики и бюрократии.

То, что создает общность институциональной системы в современных развитых странах, а именно *общее экономическое пространство* (внутрироссийский рынок, в том

семейных бюджетов, третьи — на иные структуры полунатуральных обменов и взаимозачетов, «эквивалентность» которых не может быть генерализована, а потому ограничена конкретной ситуацией взаимодействия. Тем более нельзя говорить о едином правовом или политическом пространстве, а соответственно, о значимости универалистских норм, правил, ценностей и институтов. Апроприация власти, отсутствие обратной связи между институтами власти и обществом неизбежно оборачиваются разрывами

“Россия предстает как агломерат разных локальных сообществ, различающихся по своим ориентациям, жизненным запросам, стратегиям адаптации и образам жизни”.

числе общий рынок труда, универсализм денег), *органы представительской власти* (демократия), *правовое поле или правовое государство* (независимый суд, законодательство, нацеленное на обеспечение гражданских прав и равенство сторон в судебном процессе), *транспортно-коммуникационные системы* (дороги, инфраструктура, связь, Интернет³), — сегодня в России отсутствует и не может в обозримое время возникнуть. Социальное пространство представлено в виде агрегата частных, местами даже изолированных, партикулярных зон, в которых действуют различные нормы и неформальные предписания, не всегда открыто выраженные конвенции и соглашения, механически соединенные между собой полицейским надзором.

Даже деньги здесь не играют роль универсального посредника, поскольку разные группы населения располагают разными типами денег (хотя сегодня их и не так много, как было в советское время). Одни группы ориентированы на валютный курс, другие — на рубли текущей зарплаты, не имея стратегических ресурсов для планирования

социального и правового пространства. Существование «общества» как системы отношений, основанных на взаимных интересах и солидарности (а не на господстве и подчинении), крайне затруднено или даже практически невозможно, поскольку авторитарная власть последовательно проводит политику стерилизации любых попыток «воссоздания его снизу» — через локальные выборы, через организации гражданского общества, через независимые СМИ, — устанавливая множество барьеров и препятствий для свободной инициативы и волеизъявления граждан⁴.

Когда говорят, что «пространство — проклятие России», то под этим подразумевают, что общество не в состоянии преодолеть специфический тип социальной структуры — территориально-пространственную организацию как агломерацию отдельных анклавов со своими вертикалями, иерархиями авторитарной власти (президента, губернатора, мэра). Такая организация — признак примитивности социокультурной системы общества, неразвитости (или деградации — как посмотреть) ее институциональной системы.

Пространственные метафоры общества, представленные в типологии Зубаревич, при всей их эвристичности и продуктивности обладают некоторыми внутренними ограничениями — жесткой привязкой социальной организации к территориальным образованиям. С социологической точки зрения было бы правильнее или корректнее говорить о том, что выделенные ею типы обществ — Россия-1, Россия-2 и т. д., или типы социально-культурных структур, представляют собой модели («идеальные типы» — вспомним Макса Вебера), характеристики которых

с разными сетями общения и взаимодействия, с разными образами жизни (а значит, и потребления). У их обладателей разные горизонты ожиданий и оценки событий, разные модели политического поведения. Иначе говоря, специфика социального капитала обусловлена характером институционального контекста.

Условия, благоприятные для быстрого развития (усложнения социальной структуры), возникают только в зоне притяжения крупных городских агломераций (мегаполисы и крупнейшие города России с численностью

“Даже в условиях авторитарного режима медленно и трудно, но все же складываются предпосылки для формирования другой системы институтов”.

можно обнаружить во всех поселениях, но их удельный вес будет существенно различаться в структурах разной сложности. Несомненно, Москва может служить примером зоны или анклава модерности, поскольку по своим характеристикам, по уровню европеизации она в наибольшей степени приближается к западным обществам. Но и в Москве существуют пласты архаической и традиционалистской культуры и соответствующего ей поведения⁵, равно как и социальные слои, отмеченные всеми признаками России-2 или России-4, но функциональная значимость и распространенность таких пластов будет сильно различаться в зависимости от типа поселения⁶.

Для наших целей представляется более адекватной типология Ричарда Роуза, руководителя исследовательской программы *New Russia Barometer*, который выделял *домодерные, модерные и антимодерные* основания для фиксации и описания социального капитала в России⁷. Различные виды социального доверия, образующие институционализированный «социальный капитал», соотносятся

населения около миллиона человек и выше). Только здесь в силу ряда факторов — концентрации населения, высокой специализации занятости, обуславливающей дифференциацию институтов и групповое многообразие, — возникают не просто новые, а более сложные формы социальной регуляции, требующие, в свою очередь, новых посредников в виде рыночной экономики и более развитой, в сравнении с тоталитарным социумом или авторитарным режимом, коммуникативной инфраструктуры. Социальный, экономический, информационный и культурный плюрализм оказывается, таким образом, фактором «принуждения» к появлению новых отношений, для которых характерны анонимность, безличность, надстраивание над личными и групповыми отношениями корпуса формальных (универсалистских) норм и императивов поведения, будь то правовых или моральных, а также ценностных механизмов регуляции. С их появлением постепенно возникает и тип личности (который мы называем «современным, или европейским, человеком») — более свободной от непосредственного окружения

и прямого социального контроля, более мобильной, ориентированной на обобщенные, «идеальные» образцы социального доверия, признания и GRATIFICATION. В отличие от родственно-семейной, соседской или этнообщинной взаимосвязанности здесь действует избирательная солидарность, руководствующаяся императивами этики ответственности, а не предписаниями традиции или коллективного заложничества, характерного для советских «рабочих коллективов». Другими словами, на фоне доминирующего в российском обществе типа «советского человека», сотканного из множества ограничений (а не стимулов к действию), иерархического, лукавого, испытывающего разнообразные фобии (нового, чужого, сложного), сознающего себя заложником коллектива, а потому пассивного и терпеливого, постепенно выделяется новый тип индивида. Этот индивид в меньшей степени зависит от власти, поскольку исходит из того, что собственным благополучием он обязан не «отечески заботливому» государству, а себе самому, своей более высокой профессиональной квалификации и образованию, интенсивным усилиям. Такой человек оказывается менее фрустрированным и более свободным от идеологических комплексов, не испытывая по отношению к российской власти априорной лояльности или благодарности. Его социальный капитал основан на сложной системе генерализованных социальных правил и отношений, построенных на знании того, как работают социальные институты, на развитом социальном воображении, позволяющем понять других людей, и на возникающем из этого упреждающем доверии к малознакомым людям, а не только к принадлежащим к близкому кругу друзей и родственников. Это доверие и составляет каркас современного, современного общества.

Эта новая институциональная среда, возникающая в мегаполисах, опосредованно связана с гораздо более высоким уровнем

жизни (средняя зарплата в Москве в 2,5 раза превосходит аналогичные показатели по России). Более высокий уровень жизни связан с освоением новых производственных навыков и с повышением профессиональной квалификации, которые отвечают запросам и требованиям постиндустриальной экономики (по Зубаревич) информационного, сервисного и высокотехнологического общества, готовностью к переобучению, мобильности и смене сектора занятости. Образ жизни в крупнейших мегаполисах близок — или, скажем более осторожно, приближается по своим характеристикам к образу жизни в европейских развитых странах, который мы называем «модерным»⁸. Сами по себе эти явления говорят о том, что даже в условиях авторитарного режима, ограниченной политической свободы, цензуры в СМИ и деформированной публичности медленно и трудно, но все же складываются предпосылки для формирования другой системы институтов. Однако из этого следует, что даже когда подобные институциональные «завязи» «принимаются» и начинают «расти», они могут существовать и функционировать исключительно как анклавные структуры современной организации жизни внутри немодерного общества. Изолированный характер этих явлений, усиливая влияние каждого из перечисленных факторов и сил, создает специфическую атмосферу российской модерности, не выходящую за границы столицы и других крупнейших городов.

Иной тип социального капитала, условно говоря, «домодерный», традиционный или примордиальный, представлен в большей степени средой малого города и села. Социальное доверие здесь базируется на непосредственно личных, неформальных связях, групповых и соседских отношениях, этнической или этноконфессиональной солидарности и не выходит за пределы рутинных повседневных обязательств и под-

держки, а также за пределы общности интересов, отстаиваемых перед лицом произвола местных властей, ничем, кроме обычая, не ограниченного. Это зона в лучшем случае инерционного, в худшем — деградирующего существования людей, озабоченных более всего сохранением сложившегося образа жизни и потребления. «Физическое выживание» выступает здесь как жизненная стратегия, как императив частного и семейного существования. В этой среде идея последовательного улучшения жизни, повышения ее качества не возникает; речь может идти

врагов и т. п.) возникли еще в советские времена и устойчиво воспроизводятся в качестве символов национального единства и легенды власти. Других общих представлений в этой среде и быть не может из-за отсутствия альтернативных каналов информации и интерпретации происходящего. Поэтому периферия оказывается хранилищем представлений предшествующей эпохи¹⁰.

Самым важным для понимания перспектив эволюции России сегодня следует признать антимодернизационный тип социального капитала. От изменений этого типа институ-

“Крупному бизнесу руководство страны отдает предпочтение, спасая за его счет технологически отсталые, но в сознании властей ключевые отрасли”.

лишь об удержании того, что есть. Горизонт запросов определен возможностями пассивной адаптации к изменениям, навязываемым извне. Крайняя ограниченность ресурсов (материальных, образовательных или связанных с профессиональной квалификацией) обуславливает низкую социальную мобильность и тем самым застойный характер бедности и нищеты.

Особенностью этой среды является скудность информационных источников и ограниченный горизонт событий. Фактически речь может идти лишь о двух-трех каналах федерального ТВ, местном радио или районной (как правило, еженедельной) газете, которые и задают общие рамки понимания событий и процессов, происходящих в стране и мире. Не будучи связаны с повседневными интересами, проблемами и нуждами этих людей, централизованные СМИ превращаются в систему воспроизводства рутинных коллективных мифов, доступных для понимания таких людей, но не проверяемых их практическим опытом⁹. Подобные мифы (образ враждебного окружения страны, внутренних

ционального доверия зависит будущее всего целого, ибо в силу большей численности этого массива голоса именно этих людей оказываются решающими в ситуациях смены или передачи власти.

Антимодернизм как уклад жизни представляет собой смесь опыта существования и инерции советского образа жизни (приспособление к репрессивному государству с его практиками уравнительной, распределительной экономики) с новыми идеологизированными формами, которые активно использует путинский авторитаризм (к последним можно отнести сформировавшийся за прошедшие десять лет религиозный фундаментализм, компенсаторный русский национализм, политический консерватизм). Сам по себе этот образ жизни уйти не может, так как такой уклад жизни (и соответствующий тип социального капитала) обусловлен существующей территориально-отраслевой структурой экономики, отражающей характер советской военно-промышленной и репрессивной модернизации (1930—1970 годы), а значит, и специфику расселения, которая мало изме-

нилась с советских времен. Его обладатели составляют социальную базу путинского авторитаризма, они хранители советского прошлого, его символов, ценностей, праздников и ритуалов. По существу, эта резервация социализма определяет основной вектор эволюции России. Высокое доверие к персоналиям высшей, но авторитарной власти представляет собой перенос на «национального лидера» представлений, характерных для сферы доиндустриальных отношений, что, естественно, парализует низовой уровень институциональной организации и тем самым блокирует модернизационное развитие целого. Низкое доверие в социальной сфере (к «незнакомым людям») свидетельствует об отсутствии формальных институциональных норм регуляции — права, морали, гражданских институтов. Поэтому низовое доверие к «своим» компенсирует институциональные дефициты, но одновременно стерилизует потенциал универсализма и модерности.

Реформы начала 1990-х способствовали консолидации лишь крупного бизнеса, который связан в первую очередь с добывающими отраслями и отраслями неглубокой переработки сырья, работающими на экспорт. (Малый и средний бизнес, оказавшись под прессом коррумпированной бюрократии, борется за выживание и развивается крайне медленно.) Именно крупному бизнесу руководство страны отдает предпочтение, спасая за его счет технологически отсталые, но в сознании руководства страны ключевые, стратегически важные с точки зрения геополитики и статуса «великой державы» отрасли промышленности (машиностроение, ВПК и проч.). Перераспределительная политика государства при Путине спасала эти отрасли от полного краха, но одновременно лишала их потенциала самостоятельного развития, поскольку при таком вмешательстве государства в экономику свободная конкуренция и переток капитала были невоз-

можны. Правительственная политика консервировала технологическую и социальную стагнацию, поскольку отсталым технологиям и оборудованию соответствовала низкая производственная квалификация работников, а значит, и сохранение низкого уровня жизни населения, закрепленного за этими предприятиями. Социальная среда в малых и средних городах, сложившаяся как результат советской планово-распределительной экономики (в том числе как следствие принудительной структуры расселения), характеризуется сильнейшей инерцией, низкой социальной мобильностью и ярко выраженным хроническим недовольством и рессентиментом, фрустрацией, высоким уровнем социальной дезорганизации и аномии¹¹. Эти социальные группы выступали и выступают против приватизации крупной частной собственности, настаивают на доминировании государства в экономике (или, как минимум, контроле правительства над рынком, ценами, ответственностью). Но вместе с признанием приоритета интересов государства над частными и индивидуальными интересами, негативным отношением к частной собственности, беспокоемством из-за усиления социального неравенства, завистью к богатым и многому другому, что предопределяет неприятие новых моделей отношений, возникает стойкое массовое сопротивление рецепции индивидуалистических ценностей и представлений, которое закрепляет социальный консерватизм и поддержку режима, защищающего якобы простого человека от власти «олигархов» или алчности Запада.

Социальное доверие в контексте авторитарного режима

Опросы общественного мнения показывают, что доверие к институтам власти совпадает с массовым признанием их символической роли — функциональной значимости в воображаемой картине реальности, их важности

для поддержания социальной структуры и организации российского общества. Структура институционального доверия воспроизводит характернейший разрыв: символическая значимость авторитарных институтов (президент — персонифицированная суверенная власть, церковь — ведомство «веры», армия), с одной стороны, и недоверие к институтам, определяющим возможности политического участия граждан, которые способны артикулировать взгляды гражданского общества, коллективные мнения и интересы (сюда относятся профсоюзы, партии, НКО, парламент) — с другой. Отрицательные, хотя и не столь низкие, оценки получают также институты, контролирующие нормы повседневного социального поведения: местная власть, полиция, суд (см. таблицу 1 на с. 15).

За подобным распределением институционального «доверия» у россиян можно видеть сохраняющиеся радикалы когда-то единой структуры тотального государственного идеологического и террористического господства. От той модели государственного управления сегодня остался лишь фантом патерналистской власти, имитирующей некоторые черты «партии-государства». Лишенный коммунистической идеологии, режим утратил характерную для советской эпохи легитимацию «светлым будущим», важнейшей частью которой был социальный оптимизм, заботливо поддерживаемый пропагандой. Когда в результате череды социальных и экономических кризисов и потрясений 1990-х годов у населения исчезла эта иллюзия обеспеченного будущего, уверенность, если не в «лучшем», то хотя бы в гарантированном неухудшении повседневной жизни, институциональная система предстала в своем обнаженном виде авторитарного и коррумпированного режима, опирающегося главным образом на силовые структуры (прокуратура, суд, полиция, армия и т. п.). Схожий процесс

падения доверия и легитимности власти повторился осенью 2008-го и стал в конечном счете причиной массовых протестов 2011–2012 годов.

Абсолютное большинство социальных институтов, вне зависимости от их формально-правовой природы, по инерции воспринимается россиянами как продолжение прежних органов государственной власти — репрессивной, бесконтрольной, коррумпированной бюрократии, предназначенной исключительно для защиты режима или обслуживания интересов высшей власти. Органы государства, по мнению большинства населения, не ориентированы на удовлетворение запросов и интересов населения страны. Поэтому «неполное» или частичное доверие, точнее, смесь вынужденного, принудительного «доверия» с настроенностью (к другим людям, к формальным институтам, а также — с сильнейшим, но латентным, практическим недоверием — ко всему сложному, новому, субъективному, непонятному, вызывающему страх и агрессию) является социальной доминантой поведения абсолютного большинства россиян в постсоветское время. Структура подобных установок очень стабильна и мало меняется на протяжении всего времени наблюдений (более 20 лет).

Показатели институционального доверия распределяются в социальном пространстве следующим образом: степень доверия к институтам снижается от самых молодых респондентов (а также низкообразованных), демонстрирующих наибольшую поддержку власти в целом и конкретно Путину, к 30-летним россиянам, более зрелым и более образованным; от жителей средних и малых провинциальных городов (максимум доверия) к москвичам (максимум недоверия к власти); от неинформированных групп — к самым информированным гражданам, использующим все каналы получения информации и доступа к Интернету; от депрессивных

Таблица 1

ДОВЕРИЕ К ОСНОВНЫМ СОЦИАЛЬНЫМ И ПОЛИТИЧЕСКИМ ИНСТИТУТАМ					
СТРАНА	Полное доверие	Неполное доверие = частичное недоверие	Полное недоверие	Затруднились ответить	Индекс доверия
Премьер-министр (Путин)	52	31	9	8	42
Президент (Медведев)	50	34	9	7	41
Церковь, религиозные организации	49	25	10	16	39
Армия	37	36	13	14	24
СМИ	30	47	16	7	14
Правительство	30	45	17	8	13
Органы госбезопасности, спецслужбы	26	37	16	21	10
Региональные власти	28	40	22	10	6
Российские банки	24	39	18	19	6
Малый и средний бизнес	23	39	18	20	5
Совет Федерации	22	44	17	17	5
Прокуратура	22	37	21	20	1
Госдума	21	47	22	10	-1
Местные власти	23	41	26	10	-3
Суд	19	43	22	16	-3
Милиция	20	40	29	11	-9
Крупный бизнес	16	37	26	21	-10
Профсоюзы	16	31	26	27	-10
Политические партии	10	44	30	16	-20

Индекс доверия построен по формуле: ответы «полное доверие» плюс $\frac{1}{2}$ «неполного доверия» минус $\frac{1}{2}$ «неполного доверия» плюс «полное недоверие».

Ранжировано по индексу доверия; жирным шрифтом выделены институты с преобладающим «доверием». Октябрь 2011; в % к числу опрошенных. N=1600

групп — к социальным группам, обладающим наибольшими ресурсами (образование, профессиональная квалификация, социальные навыки общения, интеллектуальные средства интерпретации реальности, наконец, опыт жизни в сложной и комплексной социальной среде). Хотя различия в ответах опрошенных из разных социальных категорий не слишком велики, они устойчивы и статистически значимы, а кроме того, с течением времени углубляются. Другими словами, опорные, символически наиболее значимые институты социального порядка в России (национальный «лидер», плебисцитарный президент,

церковь, армия, политическая полиция) держатся на антимодернистском патернализме, посттоталитарном или остаточном великодержавном традиционализме. Институты насилия и принуждения составляют главный ресурс и доминантный тип социального капитала авторитарного режима. Результат работы этих институтов — отчужденное отношение, безразличие и индифферентность основной массы населения к органам государства, которое не зависит от воли и желаний людей, не подчиняется им и не контролируется ими. Эта специфическая «апатия», или «аполитичность» (массовое терпение), явля-

Таблица 2

ИНДЕКС МЕЖЛИЧНОСТНОГО ДОВЕРИЯ ¹²				
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «С КАКИМ ИЗ СУЖДЕНИЙ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ?»				
А — «Людам почти всегда следует доверять»				
В — «Людам обычно можно доверять»				
С — «С большинством людей в отношениях следует быть осторожными»				
D — «Почти всегда в отношениях с людьми надо быть осмотрительным, людям нельзя полностью доверять»				
Страны	A + B	C + D	«доверять» / «не доверять»	Ранг
<i>В среднем по 24 странам</i>	42	58	0,73	-
Норвегия	81	19	4,26	1
Швеция	74	26	2,84	2
Новая Зеландия	69	31	2,22	3
Швейцария	68	32	2,12	4
Финляндия	67	33	2,03	5
Австралия	64	36	1,77	6
Япония	61	39	1,56	7
Фландрия (Бельгия)	48	52	0,92	8
Чехия	48	52	0,92	9
Южная Корея	46	54	0,85	10
Израиль	43	57	0,75	11
Словения	39	61	0,63	12
Тайвань	39	61	0,63	13
Франция	39	61	0,63	14
ЮАР	37	63	0,58	15
Латвия	34	66	0,51	16
Польша	30	70	0,42	17
Уругвай	29	71	0,40	18
Россия	28	72	0,38	19
Доминиканская Республика	27	73	0,36	20
Мексика	26	74	0,35	21
Хорватия	19	81	0,23	22
Филиппины	17	83	0,20	23
Чили	13	87	0,14	24

В % к числу опрошенных

ется несущей конструкцией всего «авторитарного» персоналистского режима Путина.

Функционирование полицейского государства, апеллирующего к коллективным ценностям и символам целого, к приоритету «государственных интересов», означает систематическое ограничение индивидуальной и групповой свободы (пространства

субъективной — индивидуальной или групповой — инициативы и активности). Контроль над гражданским обществом нацелен на то, чтобы стерилизовать любые возможности появления групповой социальной солидарности и автономности общественных образований, независимых от режима. Присутствие репрессивного государства в различных

сферах социальной жизни — будь то налоговый прессинг малого и среднего бизнеса или враждебность судебной системы по отношению к любым проявлениям частных интересов, особенно если они сталкиваются с интересами бюрократии, административный произвол, безальтернативный характер массового высшего образования, искусственный патернализм социальной сферы, непрекращающиеся попытки государственного регулирования частной повседневной жизни и морали и т. п. — порождает массовое ощущение уязвимости и незащищенности обычного человека и отсутствия социальных гарантий. Транспонирование государственного принуждения и насилия в сферу повседневного существования оборачивается диффузной агрессией, а потому хронически низким уровнем социального доверия в обычных человеческих связях и отношениях. Межличностное доверие фиксируется лишь в малых группах, где особенно значимы семейные, родственные, иногда соседские связи, тесные отношения между коллегами по работе или дружеские компании. Однако эти нормы и правила регулирования поведения апеллируют к партикуляризму частных этических обязательств, форм социального контроля и взаимной ответственности, что становится препятствием для принятия универсальных норм права, морали и формирования гражданской политической идентичности. Такие качества или такой тип «социального доверия» отчетливо проявляются при международных сравнительных исследованиях «доверия», то есть при сопоставлении российских данных с распределением ответов в других странах, которые получены в ходе социологических опросов, проведенных по общей согласованной методике (см. таблицу 2 на с. 16).

В России низкое межличностное доверие («большинству людей доверять нельзя, к ним следует относиться с осторожностью») коррелирует с низким уровнем признания инди-

видуальной ответственности, гражданской солидарности, с недоверием к политике или общественной деятельности, с отчуждением, дистанцированием от политики, негативным отношением к правительству и местной власти, депутатскому корпусу. Россияне признают, что не могут влиять на принятие решений властями разного уровня и не готовы участвовать в общественных делах или акциях, выходящих за рамки проблем повседневной жизни или партикуляристских связей (семья, родственники, друзья, коллеги, соседи).

Поэтому нерационализируемое, табуированное привычным страхом репрессий отношение к государству как квазисакральной сущности, представленное в виде остаточного патернализма и доверия к «вождям», руководителям высшего ранга, сочетается со стойким недоверием к тем властным институтам, которые определяют повседневную организацию практической жизни большинства людей, — к суду, региональным и местным властям, милиции, а также профсоюзам или политическим партиям, казалось бы призванным представлять и защищать интересы граждан¹³. Частный бизнес, гражданские организации или иные негосударственные социальные новообразования последних двадцати лет, выпадающие из привычной картины планово-распределительной, централизованной государственной экономики, наталкиваются на сильнейшее недоверие населения (прежде всего бедной и депрессивной периферии, где новые рыночные отношения не сформировались или представлены еще в своем примитивно-хищническом виде) и воспринимаются как нелегитимные, мошеннические и полукриминальные, даже если они формально не преступают закон¹⁴. Особенно это касается крупного бизнеса, тесно связанного с высшими кругами руководства страны, в меньшей степени — среднего и малого бизнеса¹⁵. Иначе говоря, наибольшие сомнения вызывают новые

Таблица 3

ОТНОШЕНИЕ К ПУТИНУ (ВОПРОС: «КАКИМИ СЛОВАМИ ВЫ МОГЛИ БЫ ОБОЗНАЧИТЬ СВОЕ ОТНОШЕНИЕ К В. ПУТИНУ?»)											
2001—2012 годы	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2010	2011	2012
Восхищение	4	5	4	4	4	6	9	9	4	3	3
Симпатия	34	37	38	30	32	32	38	40	31	28	20
Не могу сказать о нем ничего плохого	38	37	39	35	36	36	34	31	38	36	33
Нейтральное, безразличное	11	9	10	14	11	13	9	10	11	18	19
Настороженное	8	6	4	7	5	4	4	3	7	4	10
Не могу сказать о нем ничего хорошего	3	3	3	7	8	5	2	3	6	5	8
Антипатия + отвращение	1	1	1	3	2	1	2	1	2	3	10
Сумма ответов «безразличное» + без негатива	49	46	49	49	47	49	43	41	49	54	52
+/-	3,2	4,2	5,2	2,0	2,4	3,8	5,9	7,0	2,4	2,6	0,8

N=1600, в % к числу опрошенных

структуры власти, лишённые традиционной либо привычной советской идеологической легитимности.

В самом отношении к Путину (носителю высшей власти) нет признаков признания личностной «харизмы»; он не национальный лидер, каким его поспешили провозгласить придворные льстецы из «Единой России», а продукт бюрократической интриги, сомнительной — с правовой точки зрения — комбинации с целью передачи власти. Здесь важно, что сами механизмы отбора кандидатов на посты высшей власти имеют принципиально не политическую природу, они не предполагают свободную конкуренцию, массовую оценку политических качеств кандидата и публичные, то есть партийные, критерии отбора. Поэтому в образе Путина отсутствуют признаки «политического» деятеля.

Признание такого авторитета предполагает безальтернативность занимающего эту позицию, а следовательно, свободу от ответственности перед обществом, его суверенность в качестве обладателя данного символического статуса. Экспликация

этого консервативного смысла очень важна, поскольку вся область государственных отношений, тем более отношений к носителям титулов высшей власти, сильнее всего образом мистифицирована. В общественном сознании она окружена множеством табу, которые не только препятствуют рационализации и пониманию функций этой роли, но и через множество негласных, «обычных» запретов делают крамольной и даже безумной саму мысль о возможности воздействия на власть или контроля над ней, тем самым подавляя саму возможность личного участия обывателя в политике.

Как видим (таблица 3 на с. 18), позитивные установки по отношению к Путину имеют не слишком высокую степень «интенсивности». Максимум выражения этих «теплых» чувств (отнюдь не горячего энтузиазма или эйфории, что следовало бы предполагать со стороны подданных подлинного харизматического лидера) приходится на предкризисные 2007—2008 годы. После этого симпатии к нему быстро снижаются и, напротив, растёт потенциал неприязни и неприятия.

Таблица 4

ПОДДЕРЖИВАЕТЕ ЛИ ВЫ ЛОЗУНГИ "РОССИЯ БЕЗ ПУТИНА", "ПУТИН ДОЛЖЕН УЙТИ"? (БЕЗ ЗАТРУДНИВШИХСЯ С ОТВЕТОМ)			
	определенно поддерживаю+ скорее поддерживаю	скорее не поддерживаю + совершенно не поддерживаю	+/-
В среднем	19	65	0,29
Социально-профессиональный статус			
Предприниматель	36	50	0,72
Руководитель	30	62	0,48
Специалист	21	69	0,30
Военнослужащий	0	100	-
Служащий	10	65	0,15
Рабочий	19	64	0,30
Учащийся	23	64	0,36
Пенсионер	18	69	0,26
Домохозяйка	21	67	0,31
Безработный	19	56	0,34
Место жительства			
Москва	28	46	0,61
Большой город	15	67	0,22
Средний город	22	62	0,35
Малый город	20	66	0,30
Село	17	73	0,23

Апрель 2012, в % к числу опрошенных, N = 1601

Однако даже после волны антипутинских демонстраций доминанта массового отношения остается практически той же самой, что и раньше. Колебания суммы ответов «относятся безразлично» не превышают статистически допустимых пределов (в среднем 48% +/- 3,4%). Среди «недовольных» Путиным (их доля, бывшая на протяжении десяти лет сравнительно небольшой – в среднем 10–11 проц., в 2011–2012 году увеличилась до 28 проц.) выделяются лишь москвичи, а также две специфические категории занятых: предприниматели и менеджеры средней руки (хотя даже в этих группах недовольные не составляют большинства), которым противостоят силовики и пенсионеры (см. таблицу 4 на с. 19).

Тот же эффект безальтернативности (отчужденности, пассивности) мы видим в отношении к политическим фигурам и ко всей политической системе. Рейтинг первых лиц в государстве (с наведенной телевидением «харизмой» и с навязанным пропагандой «доверием») превышает в три раза рейтинг следующих по списку персонажей – лидеров политических партий или влиятельных министров. Данный показатель (рейтинг) не опирается ни на прагматическую оценку результатов деятельности руководителей государства (она довольно низкая), ни на одобрение, ни на доминирование личной симпатии, ни на какие-то другие позитивные чувства. Этот эффект обусловлен влиянием статуса, высшей социальной позиции в бюрократической иерархии. (Его можно считать

Таблица 5

ИНТЕРЕСЫ КАКИХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ ВЫРАЖАЕТ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ВЛАДИМИР ПУТИН?												
Годы	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2009	2010	2011	2012
“Силовиков”: работников спецслужб, армии, МВД	32	36	33	30	32	41	34	39	27	34	31	37
“Олигархов”, банкиров, крупнейших предпринимателей	21	18	25	16	24	23	23	18	22	26	26	36
“Среднего класса”: людей с доходами выше среднего	18	23	23	23	16	21	24	31	24	27	26	27
Государственных чиновников, бюрократии	12	19	23	14	22	22	21	19	16	24	24	26
“Директорского корпуса”: руководителей крупных предприятий	11	16	18	11	13	13	12	13	14	18	18	21
“Простых людей”: служащих, рабочих, труженников села	21	18	17	17	15	18	18	24	21	20	20	18
Бывшего ближайшего окружения Ельцина, “семьи”	24	22	21	17	18	14	13	13	9	11	10	15
Культурной и научной элиты	8	9	7	8	6	8	7	10	8	10	10	9
Интеллигенции	10	9	6	10	6	6	7	10	7	10	10	8
Всех без исключения	10	11	10	13	8	10	10	11	10	7	10	7
Затрудняюсь ответить	19	14	12	16	13	11	12	13	13	13	13	9

Ранжировано по 2012 году, в % к числу опрошенных, N=1600

проявлением «сакрального» отношения к власти, которое по-прежнему сохраняется даже притом, что в последнее время оно подверглось некоторой эрозии¹⁶.)

Технология самосохранения нынешнего российского режима основана на систематическом блокировании процессов функциональной дифференциации социальной структуры общества (институциональной и групповой). Автономность ведущих социальных групп и институтов (суд, университеты, СМИ, искусство, наука, бизнес, НКО и т. п.) постоянно подавляется, в частности, им административно отказано в праве обладать собственными ресурсами. Тем самым идет принудительное «замораживание» наи-

более активных групп, которые обладают интеллектуальным, квалификационным, продуктивным потенциалом, а значит — независимостью от власти, способностью к поддержанию представлений о сложности окружающей реальности или к рецепции чужих идей. Напротив, делается упор на слои и группы «пассивного терпения», не выдвигающие особых запросов к качеству и уровню жизни. Соответственно, у последних не возникает и моральных претензий к власти, к политическим целям и средствам, тем более не возникает сама идея партийной или персональной ответственности политиков и функционеров за принимаемые ими решения. Сохранение этого режима означает, что в

любой ситуации, требующей решения, выбора целей, власти принимают всегда «самый простой» и «очевидный» вариант политики, оказывающийся в перспективе наихудшим из возможных, но отвечающий консервативным интересам верхушки власти. Общественное мнение вполне осознает эту репрессивную и консервативную природу нынешнего режима, но таковая не вызывает особого сопротивления из-за навязанного чувства безальтернативности и сознания невозможности что-то сделать, каким-то образом повлиять на власть (см. таблицу 5 на с. 20), защищающую интересы лишь олигархической и клановой «верхушки», «начальства», а не общества.

Сознательно и последовательно проводимая кремлевской администрацией политика примитивизации общественной жизни, вытеснения из нее той проблематики, которой озабочено само общество, закономерно вела к деградации сферы политики. В интеллектуальном плане последствиями этого стала реанимация давно отработанных и самых стертых клише советской идеологии. Одновременно это укрепило позиции Русской православной церкви, чей публичный дискурс и практика еще беднее в ценностном и психологическом плане, включая в себя призыв к антизападной и антииндивидуалистической, антилиберальной и антимодернистской политике государства. Благодаря откровенной поддержке патриархом и высшими иерархами режима Путина, апологии любых его действий, включая войну на Кавказе или преследование оппозиции, РПЦ получила более широкие возможности для влияния на общественную жизнь, в том числе и сферу образования. Сегодня церковь, рассматривающая себя как «государствообразующий институт», навязывает обществу крайне консервативную идеологию «русской православной цивилизации», опирающуюся на идеи исключительности русского народа, его превос-

ходства над другими. За ней стоит не только враждебность к западной культуре (а значит, и дискредитация идеи модерности и модернизации), но и подчеркнутое неприятие принципа «прав человека», а значит, и демократии, и правового государства. При этом РПЦ проявляет равнодушие к собственно религиозной миссии — евангелизации, задачам этической рационализации современной жизни, моральной работе с населением. Вместо этого насаждается практика магического обрядоведения, подчиняющего прихожанина воле священника и церковной иерархии. Агрессивный обскурантизм РПЦ стал подходящим суррогатом коммунистической идеологии в области просвещения, культуры и навязываемой обществу традиционной «нравственности»¹⁷. Поэтому быстрее всего распространение влияния РПЦ шло в социальной среде, характеризующейся антимодернизационным социальным капиталом. (См. статью Светланы Солодовник в этом номере *Pro et Contra* на с. 32–46.)

Идеологические ориентации

Поскольку возможности публичных дискуссий и условия критической рационализации политики власти существенно ограничены, происходит консервация политических и идеологических представлений населения, особенно заметная среди носителей антимодернизационного социального капитала. Так, если брать сферу представлений о предпочтительной модели экономики или политической системы, с которыми россияне связывают свои интересы в настоящем или будущем, то основная масса населения высказывалась и высказывается за хорошо знакомый ей вариант государственно-распределительной экономики (в среднем на протяжении десяти лет путинского правления эту систему одобряли 54 проц. опрошенных). Она не слишком отличается от советской, хотя сторонников реставрации советского

Таблица 6

КАКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАЖЕТСЯ ВАМ БОЛЕЕ ПРАВИЛЬНОЙ: ТА, КОТОРАЯ ОСНОВАНА НА ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЛАНИРОВАНИИ И РАСПРЕДЕЛЕНИИ, ИЛИ ТА, В ОСНОВЕ КОТОРОЙ ЛЕЖАТ ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И РЫНОЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ?												
Год, месяц опроса 2001–2012	2001 V	2002 I	2003 III	2004 III	2005 XI	2006 XI	2007 XI	2008 III	2009 II	2010 II	2011 I	2012 I
Государственное планирование и управление	56	53	56	53	51	55	54	51	58	57	54	49
Рынок и частная собственность	30	36	34	34	36	31	29	31	28	30	30	36
Затруднились ответить	14	11	10	13	13	12	17	18	14	13	16	15

В % к числу опрошенных, N=1600 во всех случаях, кроме опроса 2002 г. (N=4500)

Таблица 7

КАКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАЖЕТСЯ ВАМ ЛУЧШЕЙ: СОВЕТСКАЯ (ТА, КОТОРАЯ БЫЛА У НАС ДО 1990-Х ГОДОВ), НЫНЕШНЯЯ СИСТЕМА ИЛИ ДЕМОКРАТИЯ ПО ОБРАЗЦУ ЗАПАДНЫХ СТРАН													
Год, месяц опроса 1996–2012	1996 III	1997 II	1998 XII	2000 II	2003 III	2004 III	2005 XI	2006 XI	2007 XI	2008 II	2009 II	2010 II	2011 II
Советская	39	45	43	45	48	41	42	39	35	24	34	34	35
Нынешняя	8	9	5	13	18	19	23	27	27	36	19	27	26
Западная	28	26	32	29	22	24	20	18	19	15	23	20	20
Другое	7	7	7	5	6	5	5	6	7	7	8	7	6
Затруднились ответить	18	13	13	8	6	12	10	10	12	18	16	12	13

В % к числу опрошенных, N = 1600

стройка сегодня насчитывается чуть больше трети (см. таблицы 6 и 7 на с. 22).

Важно подчеркнуть не только поразительную устойчивость этих мнений, но и ретроспективный характер образцов для оценки и интерпретации происходящего. Изменения государственно-политических или, точнее, политико-идеологических установок отличаются менее жестким или более эластичным характером (поскольку они не в такой степени обусловлены привязкой к производственной структуре и образу жизни): во второй половине 1990-х годов на фоне общего падения жизненного уровня и разочарования россиян в реформах усилился консервативный, ностальгический тренд массовых настроений, желание вернуться назад к привычным формам советского социализма (с 39 до 48 проц. в 2003 году), но затем, по мере роста заработной платы и общих доходов, значи-

тельная доля населения стала более лояльной к власти и более склонной принимать наличный государственный порядок, символизированный Путиным, как оптимальную модель государственного устройства, ранее отвергаемую большинством населения. Путинизм достиг пика своего признания – вместе с длившимся в течение 5–7 лет повышением уровня жизни – к концу эпохи «стабильности» (до начала финансово-экономического кризиса). В феврале 2008-го эту систему выбрали 36 проц. опрошенных. Одновременно при этом снизилась привлекательность как «советской системы», так и «западной демократии» (в первом случае с 48 до 35 проц., во втором с 28–32 до 15 процентов).

Кризис заставил подвергнуть сомнению путинскую систему «управляемой демократии» (к 2011 году она все еще казалась привлекательной для 34–35 проц. респондентов,

Таблица 8

КАКОЙ ПАРТИИ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИЛЕ ВЫ СЕЙЧАС СИМПАТИЗИРУЕТЕ?													
Год, месяц опроса, 1997—2012	1997 IV	1998 IV	1999 IV	2000 IV	2001 IV	2002 IV	2003 IV	2004 IV	2005 IV	2006 IV	2007 IV	2012 I	2012 IV
Коммунистам	24	28	27	27	27	25	20	14	16	14	15	16	13
Демократам	16	17	14	25	16	14	16	17	17	11	16	22	17
Патриотам	4	4	4	4	4	3	3	5	7	5	3	5	5
Партии власти	2	3	1	9	5	9	8	13	14	14	17	18	18
Центристам	2	2	3	1	2	1	3	1	2	1	1	3	1
Другим	3	4	3	1	2	2	2	1	3	2	1	2	3
Никому, ни одной из имеющихся	40	28	36	26	38	37	40	40	35	46	37	24	31
Затрудняюсь ответить	10	15	12	7	8	10	8	9	6	8	10	11	11
Сумма «Никому» + «затруднились ответить»	50	43	48	33	46	47	48	49	41	54	47	35	42

В % к числу опрошенных, N=1600

но при этом увеличилось и количество растерянных, затруднившихся с ответом), одновременно несколько повысив и ценностный ранг западной демократии (особенно – видимо, по контрасту – сразу после начала кризиса: с 15 проц. до 23 в 2009-м и 20 проц. в 2011 году).

Рутинность институционального контекста, а стало быть, неизменность типа потребления и самого уклада жизни в провинции объясняет слабую дифференциацию идеологических ориентаций и взглядов большинства россиян. По существу, основные изменения в этом плане можно описывать скорее как эрозию стереотипов коммунистической идеологии, а не появление каких-то новых идей и взглядов. Изменения в этом плане сводятся к частичному замещению ее миссионерской составляющей более давними по происхождению и еще более консервативными великодержавными и националистическими мифами. С другой стороны, можно отметить некоторое смягчение и расширение идеологии государственного патернализма за счет более сложной картины социального государства, посте-

пенного включения в него представлений о рынке и бизнесе, находящемся под контролем государства. Подобная риторика «социальной ответственности бизнеса» частично легитимирует механизмы коррупции и размывает саму суть правового государства. Но такое отступление от советской модели означает, что государство мыслится уже менее репрессивным и как бы более ориентированным на социальные запросы населения.

Именно такой смягченный вариант авторитарного режима (с ослабленным милитаризмом, отказом от идеологической или военной экспансии, без репрессий и «людоедства», без жесткой цензуры) кажется сегодня если не оптимальным, то, во всяком случае, приемлемым для той части населения, которая поддержала его на прошедших выборах.

Вместе с тем подчеркну, самая большая группа респондентов – от 40 до 50 проц. – не идентифицирует себя с какой-либо существующей партией или общественным движением (см. таблицу 8 на с. 23). Другими словами, электоральная поддержка разрешенных

Таблица 9

КАКОГО ТИПА ГОСУДАРСТВОМ ВЫ БЫ ХОТЕЛИ ВИДЕТЬ РОССИЮ В БУДУЩЕМ?		
1	Империей, монархией, подобно той, какой была Россия до 1917 года	3
2	Социалистическим государством с коммунистической идеологией	10
3	Государством с рыночной экономикой, демократическим устройством, соблюдением прав человека, подобным странам Запада, но со своим собственным укладом	34
4	Государством с совершенно особым устройством и особым путем развития	19
5	Мне все равно, какой тип государства будет в России, мне важно лишь, насколько хорошо буду жить я и моя семья	29
6	Затрудняюсь ответить	5

Октябрь 2008, в % к числу опрошенных, N=1600

начальством партий никак не связана с идеологическими установками избирателей или же идеологические ориентации населения очень слабо артикулируются нынешней партийной системой в России.

Более половины опрошенных (см. таблицу 9 на с. 24; сумма ответов № 4, 5, 6 = 53%) вообще не имеют каких-либо представлений о том, в каком государстве — западном, рыночном... они хотели бы жить. Для них эта сфера интеллектуальной или публичной жизни практически не существует.

Более четкими и структурированными оказываются взгляды москвичей и предпочтения образованных слоев, групп, обладающих социальной компетентностью и более широким информационным горизонтом. Предпочтения западной демократии в большей степени артикулированы москвичами, а в целом — людьми более образованными, предпринимателями, менеджерами и специалистами, студенческой молодежью, то есть принадлежащими к тем группам, представители которых участвовали в столичных акциях протеста. Напротив, полная индифферентность к политическому устройству своей страны, равно как и приверженность к советскому социализму (а значит, просто интеллектуальная неспособность сознавать сложность проблем модернизации и перехода к демократии), отличает село и малые

города, рабочих, безработных и пенсионеров, людей с образованием ниже среднего (см. таблицу 10 на с. 25).

Характер массовых протестов

Массовое социальное недовольство, подавляемое административными средствами или полицейским принуждением, скрываемое цензурой, вытесненное из публичной сферы (вплоть до кризиса 2008 года), сегодня стало все сильнее проступать на поверхности общественной жизни. Протестные движения в Москве указывают на рождающийся спрос на совершенно другую институциональную систему, основанную на моральных ценностях, а значит — высоких требованиях к человеческим качествам политиков, а также на социальной справедливости, правосудии, принципах ответственной политики (то есть отвечающей тем социальным критериям, которые выдвигает общество, а не корпорации или самодостаточная власть), на нежелание более терпеть произвол этой власти.

Дело не только в публичном признании противоречий между более продвинутой частью общества и режимом или в новых формах его выражения. Хроническое недовольство, фиксируемое в провинции, периодически прорывалось и ранее в разнообразных локальных конфликтах провинциального населения с местной администрацией или

Таблица 10

КАКОГО ТИПА ГОСУДАРСТВОМ ВЫ БЫ ХОТЕЛИ ВИДЕТЬ РОССИЮ В БУДУЩЕМ?			
	Социалистическим государством с коммунистической идеологией	Государством с рыночной экономикой, демократическим устройством, подобным странам Запада	Мне все равно, какой тип государства будет в России, мне важно лишь, насколько хорошо буду жить я и моя семья
В среднем	3	34	29
Москва	5	57	18
Большой город	12	40	18
Средний город	9	34	26
Малый город	10	28	36
Село	12	28	34
Предприниматель	2	44	17
Руководитель	7	57	18
Специалист	8	43	23
Военнослужащий	15	27	19
Служащий	8	36	29
Рабочий	10	31	35
Учащийся	11	42	12
Пенсионер	18	21	27
Домохозяйка	2	44	29
Безработный	3	35	37
Высшее образование	9	45	21
Среднее образование	8	38	27
Образование ниже среднего	15	22	35

Приводятся распределения социально-демографических характеристик тех респондентов, которые выбрали варианты ответа 2, 3 и 5 в таблице 9 на с. 24

руководством предприятий, на которых занята большая часть жителей, но этот вид протестов и неудовлетворенности был вызван, как правило, отказом государства от выполнения своих социальных обязательств и накопившимися социально-экономическими проблемами, которые остались от советских времен и которые власти так и не смогли решить.

Сами по себе эти обязательства, вне зависимости от того, как они формулируются в официальных программах, представляли собой (и представляют в настоящее время) определенный минимум социальных гарантий (обеспечение работы, жилья, медицинского обслуживания, образования, социальных

пособий и прочего), компенсирующих привычно низкий уровень частного существования — доходов, зарплаты, пенсий и т. п. Общераспространенная бедность или принудительный аскетизм запросов повседневной жизни были терпимыми при советской власти, поскольку, с одной стороны, «так жили все», а с другой — значительная часть потребностей покрывалась государством, «проявлявшем заботу о людях». Сегодня этой «заботы», по мнению абсолютного большинства российского населения, проявляется все меньше и меньше.

Причины такого восприятия социальной политики государства заключаются не только в абсолютном сокращении объема

социальных услуг, предоставляемых государством в соответствии с законом¹⁸. Другая проблема состоит в резко выросшей социальной дифференциации доходов у разных групп, вызывающей острую социальную зависть, рессентимент у большей части населения, с трудом готовой мириться с благополучием «новых русских» (не олигархов!). Противоречие здесь заключается в том, что социальные обязательства государства (наряду с идеологией великой державы) входят в качестве важнейших компонентов в общую легенду легитимности власти (образ патерна-

До некоторой степени эти напряжения в массовом сознании снимались путем переноса ответственности за исполнение подобных обязательств с представителей высшей государственной власти, персонифицированных хозяев «государства» (президента, премьер-министра) на администрацию более низкого уровня — «государевых бояр», «олигархов», местных чиновников, руководство предприятий. Канализация этого недовольства в безопасные для режима формы определяет устойчивость путинского авторитарного режима, поскольку, не меняя природы массовых ожи-

“То, что ранее казалось составной частью процесса модернизации, теперь выступает как ресурс антимодернизационных сил”.

листской власти или — в более современной форме — социального, социально ответственного государства). Поэтому социальная справедливость является условием массовой лояльности населения к действующему руководству страны. Неуклюжие попытки трансформировать эти патерналистские отношения и снизить размеры социальных обязательств, предпринятые правительством в январе 2005 года, как известно, вызвали протест социальных низов такой силы («восстание слабых», как назвал эти события Юрий Левада в одной из своих статей), что власти, испугавшись, не только отказались от самой идеи «монетизации» социальных льгот и привилегий, но и резко увеличили их объем, положив тем самым начало росту необеспеченных социальных расходов, которые теперь грозят углубляющимся дефицитом госбюджета.

Однако этот тип массового недовольства не представляет острой угрозы сложившейся политической системе, поскольку не затрагивает символических оснований ее конструкции, доверия к ее опорным институтам.

даний, она вводит в действие механизмы коллективного терпения, углубляя привычную для советских людей атмосферу безальтернативности, беспомощности и апатии.

В отличие от таких акций протеста, как забастовки или перекрытие дорог, конфликты в Пикалево или на шахте «Распадская», нынешняя волна демонстраций не имеет непосредственно экономического характера. Выборы 2011-го, столь же нечестные и несвободные, как и предшествующие им электоральные кампании 2003–2004 и 2007–2008 годов, оказались поводом для выражения массового недовольства принципиально нового типа. То, с чем российское общество мирилось все годы путинского правления — политическая безответственность и неподконтрольность государства, отсутствие политической конкуренции, административный произвол, коррупция, цензура на телевидении, ограничение доступа к СМИ для оппонентов режима, масштабные фальсификации при подсчете голосов избирателей и т. п., — все это сегодня стало предметом ожесточенной критики и обсуждения в прессе и в Интернете.

Хотя митинги и публичные выражения протеста имели место в более чем 140 городах, в большинстве случаев это были малочисленные акции, собиравшие, как правило, не более нескольких сотен активистов оппозиционных партий или неформальных объединений. Москва в этом ряду представляет собой редкое исключение: в московских демонстрациях протеста, которые с каждым разом все отчетливее приобретали оппозиционный по отношению к режиму характер, принимали участие десятки тысяч человек. На общем фоне столица резко выделяется явным антипутинским голосованием на парламентских и президентских выборах, отказом признать легитимность этих выборов, а значит, и непреходящими сомнениями в праве действующей власти на управление страной. От настроений жителей других городов столичные отличаются отсутствием социально-экономических претензий к руководству страны при ярко выраженном моральном характере протеста против узурпации власти и требований реформы политической и судебной системы.

Долгие годы Москва рассматривалась как острое эволюционного процесса или перехода от советского тоталитаризма к демократии, как город-лидер, за которым с некоторым отставанием следуют города-миллионники, региональные центры с меньшей численностью, периферийные поселения и т. д., перенимающие модели поведения и стандарты столичного образа жизни, потребления, моды, образцы интерпретации действительности. Такая схема модернизационной диффузии, заимствования новых образцов, возникающих в зонах социокультурного многообразия, обычно описываемая в теориях урбанизации или концепциях социальной антропологии как механизм «спуска образца», была понятной и убедительной. В Москве фиксируется самая высокая концентрация групп с наивысшей профессиональной ква-

лификацией (более половины экономически активного населения — люди с высшим образованием) и, соответственно, с самыми высокими среднедушевыми доходами. Москва — средоточие финансовых и информационных потоков. Это город, обладающий наибольшими в стране социальными и культурными ресурсами, развитой рыночной инфраструктурой, ценностным и культурным плюрализмом, потребительским экспрессионизмом. Она является сильнейшим магнитом, притягивающим жителей провинции, она вбирает в себя самых динамичных и дееспособных людей (17–18 проц. городского населения — это люди, сравнительно недавно живущие в городе, то есть приехавшие в столицу не более чем 10 лет назад) и т. п.

Но сегодня такая схема центр-периферических отношений, в которой столица является локомотивом модернизации, в значительной степени утратила свою эвристическую способность объяснения и прогнозирования социальных процессов. На поверхность вышли принципиальные расхождения между условной «Москвой» (как социокультурным Центром) и другими типами поселений уже как антиподами Москвы, то есть представляющими в определенном смысле другие варианты (а не фазы!) эволюции страны. То, что ранее казалось составной частью единого процесса модернизации, в том числе социальные, городские или слободские образования, относимые к предшествующим — индустриальным — стадиям советской модернизации, теперь выступает как ресурс антимодернизационных сил, по крайней мере в политическом плане.

Прогноз (вместо заключения)

Прогнозный сценарий развития российского общества можно делать, опираясь на данные имеющихся социологических исследований. В силу характера этих данных (выделение массовых, а значит, неизбежно консервативных

тенденций общественного мнения и закономерностей его изменения) выводы могут быть надежными только в той мере, в какой достоверен сам социологический анализ этих тенденций или рамок предстоящей эволюции.

1. Коридор возможного течения событий определяется сочетанием неизвестных обстоятельств (социальные последствия возможного мирового экономического кризиса, неожиданные события, способные вызвать острую реакцию в России) и структурами организации российского социума, прежде всего опорными институтами насилия, мало меняющимися на протяжении жизни последних двух поколений. Как видно из приведенных выше данных, идеологические изменения в характере массовых установок и в понимании реальности незначительны, что свидетельствует о рутинном функционировании нынешней институциональной системы и социализации в ней новых поколений. По крайней мере, этот вывод относится к социальному капиталу большей части населения. И интересы, и идейный багаж основной массы россиян связывают ее с нынешней системой власти, противодействуя изменениям.

2. Эволюция российской политической жизни будет по-разному протекать в анклавах с разным типом социального капитала, а значит, с разными политическими установками и с разным уровнем зрелости институциональной системы. Соотношение массивов населения, обладающих выраженными признаками какого-то из указанных типов социального капитала, можно — приблизительно — представить следующим образом: 20 проц. всего населения принадлежат к типу наиболее модернизированной и развитой среды крупных городов, 35—40 проц. — к антимодерному типу и 20—25 проц. приходится на домодерную, традиционалистскую Россию.

3. Никаких позитивных изменений не следует ожидать в зоне домодерных социальных отношений: здесь нет мотивов и ресур-

сов для самостоятельного движения, а все изменения являются отражением событий и импульсов, возникающих в других регионах и социальных группах. Фактически масштабы изменений в этой зоне будут определяться явлениями деградации и оттока населения в среды с другими типами социальных отношений, с одной стороны, и возможной политикой Центра и его готовностью стимулировать частичную модернизацию в отдельных застойных анклавах, если это будет соответствовать целям Центра (например, проведению Олимпиады в Сочи), — с другой.

4. Прямо противоположными по характеру развития будут процессы в наиболее модернизированных зонах и анклавах российского общества — в Москве и близких к ней крупнейших городах (включая зоны мегаполисных агломераций). Здесь, несмотря на все препятствия и усилия авторитарного режима подавить процессы эмансипации общества от власти, будет быстро идти аккумуляция современного социального капитала и нарастание недовольства и протеста против действующего режима. Основной проблемой для носителей современного капитала окажется состояние самого общества — необходимость преодоления политического инфантилизма и апатии населения. Переход от аморфных общественных движений к планомерному партийному строительству «снизу» и институциональным реформам может начаться лишь с создания предварительных альтернативных коммуникативных структур, с разработки автономной (и альтернативной по отношению к власти) повестки дня, создания «параллельного правительства» и управленческих структур, необходимых для накопления альтернативного кадрового потенциала, людей, обладающих опытом и достаточной компетентностью для того, чтобы в ситуации острого кризиса и раскола власти быть в состоянии взять на себя управление страной. Без подобного

опыта и необходимых кадров управленцев и специалистов, даже в (маловероятной) ситуации честных выборов и победы оппозиционного кандидата, власть довольно быстро вернется к прежней бюрократии, поскольку реформаторскому правительству будет крайне трудно удержать завоеванные позиции. Учитывая поколенческие циклы трансформации, можно полагать, что к 2024 году (гипотетический конец путинского срока) такой опыт будет приобретен и организационные структуры в этой зоне сложатся. Но пока признаков соответствующей работы в этом направлении нет.

5. Самые драматичные события будут происходить не в Москве и городской среде, подобной московской, а среди носителей антимодернизационного капитала. Именно там нарастающие социальные противоречия будут, с одной стороны, решаться благодаря появлению множества частных адаптивных механизмов самой разной природы — от альтернативных структур бизнеса и гражданского общества до распространения теневого криминального структур, снимающих напряжение через коррупционные или мафиозные системы отношений. Умножение этих форм, с другой стороны, будет блокировать возможности эволюционного развития страны, поскольку такое партикуляристское «большинство» подавляет и стерилизует условия для институционализации правового общества с универсалистской моралью и

общими правилами для всех. Вместе с тем увеличивается опасность крупномасштабной конфронтации в обществе, поскольку путинский режим все более открыто стремится возвести в общий закон собственные нормы нелегитимного господства (избирательное судопроизводство, коррупционное распределение государственного бюджета, полицейский «правовой» порядок и т. п.).

6. Фазы и типы политической эволюции в России будут определяться календарем электоральных кампаний, в первую очередь региональных выборов. Ожидаемые события вокруг этих выборов будут более важны для крупногогородского населения, и прежде всего Москвы, где складываются условия для альтернативных общественных и политических структур. Но какие-либо радикальные изменения в обозримом будущем — революционная смена или раскол элиты, перехват власти какой-то одной фракцией власти и инициирование ею радикальных реформ демократического толка — маловероятны, поскольку в обществе пока не выявлены силы, способные предложить новые формы организации.

7. Сам по себе мировой кризис не способен инициировать появление новых социальных форм или новых идей, он может лишь стимулировать или ускорить эволюцию уже существующих сил (групп интересов) в желаемом направлении и способствовать их консолидации. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Отчасти она жива еще и сегодня в разнообразных гипотезах и сценариях кризиса и краха путинского режима, которого, дескать, следует ожидать уже в самое ближайшее время. Возможно, так оно и будет, но твердых рациональных оснований для подобных расчетов (а не надежд) у нас пока нет.

² *Зубаревич Н.* Перспектива: Четыре России // Вестник. 2011. 30 дек. № 248 (3014) (http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/273777/chetyre_rossii).

³ Интернет — не тотален, он охватывает лишь 37–40 проц. взрослого населения. Причем социально или политически ангажированная часть

всего Интернета составляет лишь одну пятую от всех его пользователей.

⁴ Хорошим примером этого служат новые законы о выборах глав регионов, в которых множество латентных условий и ограничений делают невозможной победу оппозиции.

⁵ Достаточно вспомнить о поклонении этой зимой поясу Богородицы, привезенному из Афона, который собрал, по разным данным, свыше миллиона богомольцев и паломников, или мусульманские праздники и ритуалы, в которых участвуют десятки, если не сотни тысяч человек.

⁶ Это не значит, что подобные представления не распространены в крупных городах — в обиходе предпринимателей, офицеров или крупнейших чиновников и политиков. Священник, окропляющий святой водой новое оборудование завода, «Мерседес-500» или спускаемый на воду подводный ракетноносец, иконки на приборной панели городской автомашины и т. п. могут служить типичными примерами для подобного магического сознания, сочетания современного, рационального, и архаического знания; общим для того и другого оказывается инструментальное поведение, технологическое в одном случае, колдовское, шаманское — в другом. Как выясняется, между ними нет серьезно противоречия.

⁷ *Rose R. Uses of Social Capital in Russia: Modern, Pre-Modern, and Anti-Modern // Post-Soviet Affairs. 2000. Vol. 16. No 1. P. 33–57.* Типология Зубаревич пересекается и частично совпадает с типологией Роуза. Обе обладают значительной эвристической силой именно потому, что почти две трети населения России живут в малых городах и сельских поселениях, в которых сохраняются традиционалистские представления и модели поведения, не говоря уже о советских стереотипах и образах мысли.

⁸ Можно ли при этом говорить об изменениях в ценностных представлениях, этике, в особенности в морали, или в трудовой этике, о новых стимулах и нормах поведения, растущей потребности в универсальных регуляторах, таких как право и мораль, о развитии социальном воображении как условия для взаимодействия в сложноустроенном, дифференцированном обществе с автономными институтами — вопрос открытый и пока вызывающий большие сомнения.

⁹ Для сравнения: в Москве или других крупнейших городах среднестатистический житель регулярно (не реже раза в неделю) использует

от 13 до 15 видов информационных источников, среди которых все большую роль играет Интернет. В Москве к Интернету подключены 69 проц. москвичей, что полностью разрушило монополию федерального телевидения. Даже учитывая, что лишь 27–30 проц. жителей Москвы регулярно обращаются к информационным сайтам, а большая их часть использует Интернет в деловых целях или для развлечения, чатов, скачивания фильмов и музыки, все равно речь идет о принципиально иной ситуации, нежели в стране в целом. Интернет ограничен пока главным образом крупными и средними городами (60 проц. пользователей Сети — жители Москвы и Санкт-Петербурга) и как социальное явление (сетевое сообщество) не проникает в среду малых городов и сел, где живет большая часть населения.

¹⁰ В зоне домодерного социального капитала внутренних изменений быть не может, но можно представить себе отдельные случаи внешнего стимулирования развития (как, например, в кадоровской Чечне при Путине), правда, с невысокими шансами на изменение культуры и ценностей, скорее даже — с высоким риском возвращения к архаичному фундаментализму.

¹¹ Об этом более убедительно говорят данные социальной и криминальной статистики. Распад социальных связей и отсутствие перспектив оборачиваются в провинции гораздо более высоким уровнем социальной патологии — преступности, самоубийств (а также общей смертностью как от внешних причин, так и от сердечно-сосудистых заболеваний), чем в зонах интенсивного развития и модернизации. Так, например, в экологически не слишком благополучной Москве заболеваемость ниже, чем во многих провинциальных промышленных городах, по той только причине, что люди здесь в силу более высокого образования и организации жизни рациональнее и ответственнее относятся к своему здоровью. Число самоубийств в Москве (в расчете на 100 тыс. населения) составляет 8 случаев, тогда как в Башкирии — 48, а в регионах Дальнего Востока или Крайнего Севера эти показатели поднимаются до 80–110.

¹² Международный проект *ISSP «Доверие»*, реализованный по общей программе и согласованной анкете в 2007 году консорциумом исследователей из 24 стран. В России опрос был проведен Аналитическим центром Юрия Левады по общероссийской репрезентативной выборке (N=1000).

¹³ См.: Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Российская судебная система в мнениях общества // Вестник общественного мнения. 2010. № 4 (106). С. 7–43.

¹⁴ Стойкое недоверие российского обывателя к организациям гражданского (третьего) сектора и практически полный отказ от их поддержки, может быть, в какой-то степени объясняется идиосинкразией населения, вызванной практикой государственного принуждения к участию в псевдобровольных («добровольно-принудительных») институтах тоталитарного режима, к выражению лояльности власти через имитацию добровольности и к демонстрации «народного волеизъявления» — к участию в пионерских, комсомольских организациях, в обществах ДОСААФ, Красного Креста, пожарников, спасения на водах и т. п. Скептически россияне относятся и к деятельности суррогатных организаций типа Общественной палаты и иным формам государственной имитации самоорганизации общества. Несмотря на признанный авторитет некоторых НПО, таких как, например, «Солдатские матери» или «Мемориал», большая часть организаций гражданского сектора дискредитирована властью и воспринимается населением явно негативно. Поэтому систематически участвует в той или иной общественной организации менее одного процента населения, хотя формально числятся членами какой-либо общественной организации или союза около 10 проц. взрослого населения.

¹⁵ Основными препятствиями для развития бизнеса в начале 1990-х были не отсутствие кредита или доступа к новым технологиям, даже не административный произвол и коррупция, а дефицит доверия к партнерам по бизнесу, несоблюдение договоров, нечестность, необязательность при выполнении условий контрактов (см.: Общественный договор: Социологическое исследование / Под ред. Д. Драгунского. М.: Институт национального проекта «Общественный договор», 2001).

¹⁶ В ответ на предложение назвать «5–6 политиков, которым вы более всего доверяете», в 2012 году 42 проц. назвали Путина (в 2008-м 60 проц.) и 28 проц. — Медведева (в 2008-м 42 процента)

(<http://www.levada.ru/25-04-2012/aprelskie-reitingi-odobreniya-doveriya-i-polozheniya-del-v-strane>).

¹⁷ Как результат, более половины респондентов (из тех, кто называет себя «православными») никогда не посещают религиозных служб. От 80 проц. крещеных в 2001 году до 65 проц. их в 2011-м никогда не причащаются; 86–87 проц. никогда не принимают участия в деятельности православных церковных общин или мероприятиях церкви, не считая церковных служб (Общественное мнение 2011. М., Левада-центр. С. 171, табл. 13.3 и 13.4). Лишь 21 проц. опрошенных верит в «вечную жизнь», но в существование ведьм, ангелов и дьявола верят от 31–35 до 45 проц., в приметы — 58–63 проц. всех опрошенных. По существу, это полужызычное сознание, которое использует религиозные обряды или образы как обереги, талисманы и прочие магические или колдовские инструменты воздействия на духов, судьбу и тому подобные стихийные или злые силы, неподвластные обычному человеку. И, надо сказать, церковь устраивает такая ситуация.

¹⁸ Так, например, по сравнению с поздними советскими годами к концу нулевых годов коэффициент замещения (доля средней пенсии по отношению к средней зарплате) упал примерно с 68–70 проц. до 30–39 проц. и в ближайшие годы будет опускаться, несмотря на все популистские программы нынешнего правительства. Социологические опросы фиксируют растущее недовольство, связанное с деградацией советской системы здравоохранения и переходом к коммерческой медицине, ростом стоимости лекарств и услуг в этой сфере, делающих их недоступными для значительной массы населения, особенно в провинции, несмотря на введение страховой медицины. То же самое можно сказать о неудовлетворенности положением дел в детских учреждениях, их остром дефиците, недоступности жилищного строительства для основной массы населения, росте тарифов ЖКХ, постепенного обветшания жилищного фонда из-за ограниченности ресурсов населения на его содержание после резкого сокращения государственных субсидий.

Два народа, две церкви

После митингов за честные выборы и в поддержку режима многие заговорили о том, что в России два народа: один — на Болотной, другой — на Поклонной. Теперь встал вопрос: не две ли в России церкви? | **СВЕТЛАНА СОЛОДОВНИК**

Прошлый, 2011 год стал переломным для всего российского общества, в том числе и для православной его части. До сих пор, несмотря на постоянные уверения иерархов Русской православной церкви, что церковь — часть общества, православные не осознавали себя гражданской силой вне рамок четко очерченной сферы социального служения. Надежды довольно широких слоев населения на то, что церковь поможет России двинуться по пути демократизации, по большей части не оправдывались. Христианско-демократические партии, во множестве возникшие в стране в конце 1980-х — начале 1990 годов XX века и изначально имевшие размытую демократическую ориентацию, не пользовались ни церковной, ни электоральной поддержкой¹ и в большинстве своем сгинули к 1994-му или же превратились в маргинальные политические секты (некоторые — с явно фундаменталистским уклоном). Поражение было столь оглушительным, что на долгое время все разговоры о возможности их возрождения были оставлены — принятый же летом 2001 года федеральный закон «О политических партиях»² вообще запретил создание партий по религиозному признаку.

Вопросы политической свободы и гражданских прав, религии и права, казалось,

перестали занимать верующих. Во всяком случае, православные СМИ в массе своей не уделяли им практически никакого внимания, строя свою информационную политику вокруг внутренней жизни религиозных общин (редкие же «политические православные» в своих изданиях высказывались против каких бы то ни было «свобод», ориентируясь на «державность»). Демографический кризис, алкоголизм, рекордное число аборт в России — вот немногие «светские» темы, предлагавшиеся к обсуждению. И даже когда священноначалие в середине 2000-х, вслед за Владимиром Путиным³, развернуло кампанию против светских правозащитников⁴, заявив о намерении Церкви создать свою собственную концепцию прав человека, ситуация почти не изменилась. И тогда обсуждение приняло формальный соглашательский характер.

Епархиальные СМИ в основном перепечатывали выступления и заявления на эту тему тогда еще председателя Отдела внешних церковных связей (ОВЦС) митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла⁵, главного идеолога кампании, не комментируя их. В центральной церковной прессе можно было встретить попытки анализа, однако и здесь мысль двигалась исключительно в направлении, предложенном патриархийными

ныосмейкерами: в дискуссии о правах человека защита индивидуальных прав часто приводит к игнорированию прав групповых, поэтому для религиозных сообществ (от местной общины до объединения единоверцев в разных странах мира) проблема защиты групповых прав сегодня выходит на первый план⁶. Было понятно, что либо церковные издания по этому вопросу подвергаются жесткой цензуре, либо проблема воспринимается православными журналистами только в рамках корпоративных интересов и слабо осмыслена по существу.

Из православных авторов, пожалуй, только богослов игумен Вениамин Новик (1946–2010) регулярно обращался к теме построения в России демократического общества, христианского понимания прав человека⁷, отстаивая мысль, что «демократическая система, если и не является политическим коррелятом христианства, то менее всего противоречит последнему»⁸. Изредка статьи на эти темы появлялись в православном журнале для интеллектуалов «Альфа и Омега», но их можно пересчитать по пальцам одной руки⁹.

Официальная же церковь открыто заявляла об отказе принять демократию как выражение общественного идеала, отдавая предпочтение богоустановленной монархической власти. Так, собственно, и записано в «Основах социальной концепции Русской православной церкви» — документе, выражающем позицию в социально-политических вопросах и принятом на Архиерейском соборе РПЦ в 2000 году. С демократией приходится так или иначе мириться, поскольку «формы и методы правления во многом обусловлены духовным и нравственным состоянием общества. Зная это, Церковь принимает соответствующий выбор людей или, по крайней мере, не противится ему»¹⁰.

Выступая на международной конференции «Религия и гражданское общество» в Российской академии госслужбы при президенте РФ в феврале 2006 года, отец Всеволод

Чаплин, бывший тогда заместителем председателя ОВЦС МП, дал понять, что России совсем необязательно ориентироваться на западные формы демократии. Он отметил, что наша страна и так богата представительскими традициями: в Московской Руси проходили Земские соборы, кроме того, цари советовались с разными группами населения. У нынешней власти, по мнению Чаплина, также сохранился инстинкт внутренней ответственности за народ — именно поэтому, для того чтобы учесть интересы всех граждан, и была создана Общественная палата РФ¹¹.

Почему, как считает отец Всеволод, Общественная палата в большей степени, чем, скажем, парламент, учитывает интересы граждан? Во-первых, современный парламент предполагает многопартийность — выдумку все той же чуждой нам демократии. А во-вторых, в российском парламенте нет и не может быть, по установленным самой же Русской православной церковью правилам, ни священноначалия, ни клириков, которым запрещено участвовать в политической деятельности¹², а в Общественной палате они есть. Корпоративные интересы снова оказываются на первом месте.

Официальная церковь против православной общественности

Итак, церковное начальство старательно демонстрировало, что не разделяет идей народовластия, немногочисленное политическое крыло православного сообщества по-прежнему отставало в основном националистические (как этнонационалистические, так и имперские) или монархические взгляды, а «простые верующие» предпочитали помалкивать о своих политических пристрастиях. Однако резкая смена общественных настроений осенью 2011-го подтолкнула к политической активности и их.

Впрочем, еще годом раньше стало ясно, что у православных появились относительно неза-

висимые СМИ. Не настолько независимые, чтобы критически разбирать деятельность Московской патриархии (хотя она все активнее обсуждается в православной блогосфере), но достаточно вольные, чтобы допускать на своих страницах широкий спектр мнений по самым разным, церковным и нецерковным, вопросам. Почин взяли на себя возникшие в начале 2000-х годов журналы «Нескучный сад» и «Фома»¹³ (первый посвящен делам милосердия, второй — миссионерский), которые постепенно вышли за рамки заявленной тематики и главной своей задачей ставят ответ

Выяснилось, что не только «простые верующие», но и некоторые молодые священники Русской православной церкви ощущают себя частью гражданского общества и как таковые готовы участвовать в политике. Один из них, Дмитрий Свердлов, даже стал наблюдателем на выборах и написал на том же портале «Православие и мир» подробный отчет о фальсификациях «Выборы. Как это было на самом деле»¹⁸. Священник Федор Людоговский в первой статье «выборного цикла» рассуждал о том, почему идти и голосовать — христианский долг каждого человека¹⁹, а позже подытожил резуль-

“Не только «простые верующие», но и некоторые молодые священники Русской православной церкви ощущают себя частью гражданского общества”.

на вопрос «Как быть православным в современном мире?». Обсуждения «политической текучки» они, впрочем, сознательно избегают (хотя в конце концов и «Нескучный сад» «дал слабину» — его номер за март 2012-го был посвящен теме «Церковь и власть»).

Другое дело интернет-портал «Православие и мир», который был создан в 2004 году как приходской сайт храма Всемилоостивого Спаса бывшего Скорбященского монастыря, однако со временем стал популярной дискуссионной площадкой, чья среднесуточная аудитория на нынешний момент достигает 70 тыс. человек. Это, пожалуй, единственное православное СМИ, не аффилированное ни с какой из политизированных церковных группировок, которое сделало предметом своего обсуждения в том числе и политику. Портал довольно подробно освещал парламентские выборы в декабре 2011 года и обсуждал послевыборную митинговую активность (А. Зубов. «Зачем религии политика»¹⁴, А. Десницкий. «Что мы искали на болоте»¹⁵, М. Журиная. «Что это было»¹⁶, иерей Дм. Свердлов. «Пойти нельзя остаться»¹⁷).

таты в материале «Выборы по-фарисейски»²⁰. На портале устроили дискуссию на тему «Митинг: за или против?»²¹. О «мирской покорности», которая на деле часто оказывается пошлейшей «банальной конъюнктурой», написал протоиерей Игорь Перекуп.

Многие православные, возмущенные подтасовками, участвовали в митингах «За честные выборы». По данным исследовательской службы «Среда»²², больше всего членов РПЦ пришло на марш от Калужской площади до Болотной 4 февраля 2012 года (выборка небольшая, 204 человека, и точность наблюдений можно поставить под сомнение, но какие-то выводы опрос позволяет сделать). Из собравшихся на акцию людей 28 проц. сказали, что исповедуют православие и отождествляют себя с Русской православной церковью (на акциях 5 и 10 марта — 19 процентов). Чуть больше трети участников марша (32 проц.) назвали себя неверующими (на акциях 5 и 10 марта — 38 и 30 проц. соответственно). Основными ценностями опрошенные на митингах считают свободу (от 29 до 47 проц.) и семью (от 44 до 47 процентов).

Патриархия отнюдь не пришла в вос-торг от гражданской активности право-славных и общества в целом. Хотя первые высказывания церковных ньюсмейкеров были достаточно осторожными. «Церковь всегда выступала и выступает за правду», — заявил «Интерфаксу» глава Синодального информационного отдела Владимир Легойда 9 декабря 2011 года²³, когда волна протестов только набирала силу. Поэтому «предельно важным сейчас является доказательное уста-новление истины, уважение к людям и к их выбору». Председатель Отдела по взаимоотношениям церкви и общества протоиерей Всеволод Чаплин тоже выразил надежду, что власть «адекватно и честно» ответит на задан-ные ей «очень серьезные вопросы, пусть и неудобные»²⁴.

Патриарх Кирилл почти две недели после выборов хранил молчание. Православные блогеры тревожились: «А где Патриарх Кирилл? Это уже становится какой-то злой традицией. Как в стране проблемы — Патриарх исчезает...»²⁵. Наиболее активные участники протестов предлагали провести в Сети акцию «Попроси Патриарха обличить ложь выборов»²⁶. Только 17 декабря, после богослужения в храме Христа Спасителя, глава Русской православной церкви выступил с речью, которую облек в форму пропове-ди²⁷. Патриарх эмоционально осудил борьбу людей за «человеческие правды, с маленькой буквы правды», противопоставив им «Божью правду» и высказав опасение, что на самом деле выплеснувшееся на улицы недовольство есть «лишь гордыня и желание власти», под-стегиваемые «информационными технологи-ями». «Что еще нужно сделать и как громко следует сказать, чтобы остановить народ наш от действий, которые могут разрушить жизнь людей, а вместе с ними — Божию правду?» — вопрошал патриарх.

И хотя в выступлении главы РПЦ были призывы к руководителям государства

«вступить в реальный гражданский диалог», которые позволяли говорить о попытках сохранить «равновесие», тем не менее весь пафос проповеди ясно свидетельствовал о том, что фальсификации на выборах волну-ют церковную верхушку гораздо в меньшей степени, чем необходимость показать свою лояльность власти.

Уже 23 декабря Епархиальное собрание города Москвы приняло постановление²⁸, где одним из пунктов значится: «Полагать недопустимым самочинное вмешательство священнослужителей в организацию голосо-вания и контроль за его ходом». А решения Синода РПЦ 27–28 декабря²⁹ коснулись даже не собственно внутрицерковной жизни, а православной общественности. Отныне организациям, позиционирующим себя как православные, вменено в обязанность полу-чать официальное церковное одобрение: шаг в сторону от официальной церковной пози-ции — и одобрение отберут.

Поляризация православного сообщества

Последовавшие решения, и особенно речи патриарха, в которых ложь — серьезный грех в понимании христианина — не полу-чила достойного осуждения, послужили спусковым крючком для резкой поляризации православного сообщества. Часть людей без-оговорочно одобрила позицию предстоятеля и даже пошла дальше: например, секретарь Ивановской епархии и член Ассоциации православных экспертов игумен Виталий (Уткин) призвал³⁰ дать благословение вну-тренним войскам на подавление народных протестов, пугая, вслед за патриархом, рево-люцией. «Нужно в полный голос говорить о недопустимости никаких революционных действий, — написал он в Twitter. — Любой нормальный человек должен отстаивать принцип государственности... Довольно революций, да здравствует порядок».

Митрополит Рязанский и Михайловский Павел (Пономарев) заявил, что оппозицию спонсирует Запад, и пригрозил этому самому Западу средствами массового уничтожения, которых «в России сейчас существует огромное количество»³¹.

Но из-за церковной ограды были слышны и другие голоса. «...Общество знает Церковь через нас, через ее человеческую природу. И эта человеческая природа очень часто непривлекательна, — сказал на исходе 2011 года протоиерей Алексей Уминский³². — И то, что на это реагируют, что это вызывает

«Православие и мир» объезжавший избирательные участки на президентских выборах 4 марта 2012-го (священник Дмитрий Свердлов после начальственных постановлений уже не решился «вмешиваться в организацию голосования»), так объяснил свой поступок³³.

«Не раз и не два на тех участках, что мы посетили, — едва я показывал удостоверение и задание от “Правмира” — у меня происходил с этими молодыми людьми (наблюдателями. — С.С.) примерно такой разговор (не везде в этих словах, но везде с этим смыслом):

“В патриархии, кажется, тоже понимают, что нельзя бесконечно поощрять отставание от политической культуры, которая существует во всем мире”.

у людей неприятное ощущение от Церкви, говорит только о том, что от нас очень много ждут, несмотря ни на что, на нас продолжают надеяться и ждут какого-то голоса, хотят от нас услышать что-то настоящее, человеческое, правильное, то, что волнует людей сегодня, сейчас. Услышать это слово на понятном им языке, в понятных им категориях — о справедливости, о человеческом достоинстве, о жизни сегодняшнего гражданина этой страны в обществе в контексте политической жизни, экономической жизни, социальных проблем, которые нас окружают. <...> И сегодня обществом выражается не политический протест, а, как мне кажется, протест нравственный. И слышать о том, что люди, выходящие сегодня на митинги, — это те, кого купил гнивающий Запад, которые проплачены режиссерами оранжевых революций, — это слишком упрощенно и очень несправедливо по отношению к этим людям».

Заведующий кафедрой библеистики общецерковной аспирантуры Михаил Селезнев, по заданию редакции портала

— Так Вы что, от Церкви?

— От Церкви.

— От РПЦ?

— РПЦ.

— А что, разве РПЦ у нас за честные выборы?

— Как видите.

— Ну, у нас про РПЦ была другая инфа...

Хорошо, что я пошел наблюдателем именно от христианского интернет-портала. Чтобы христианство ассоциировалось у этих людей не только с призывами “отправить сетевых хомячков в Сирию”» (предложение главы Синодального отдела по взаимоотношениям церкви и общества протоиерея Всеволода Чаплина³⁴).

Главный редактор RussiaProfile.org Андрей Золотов поделился разочарованием церковных людей от встречи религиозных лидеров с Владимиром Путиным³⁵ перед президентскими выборами, на которой патриарх Кирилл воздал хвалу³⁶ президенту и согласился со многими заявлениями его предвыборной кампании:

«Это было большим разочарованием для тех церковных людей, кто сочувствует поли-

тическим реформам, и большим облегчением для тех, кто рад вернуться к комфортному, проверенному монархическому взгляду на власть и опасается либералов, среди которых действительно многие настроены против Церкви. Это было разочарованием для меня. Но брожение все еще продолжается. Многие россияне, которые, возможно, впервые осознали себя и гражданами, и православными христианами одновременно, с трудом пытаются понять, как соотнести свою гражданскую позицию с христианством и нужно ли это делать в контексте новой демократической или традиционной самодержавной ментальности. Как можно выступать против власти, если ты — православный христианин? Можно ли это делать вообще? Возможна ли в России христианско-демократическая партия? Являются ли все оппозиционеры антирусскими и, следовательно, антицерковными и антихристиански настроенными? Можно ли красть голоса, если Церковь в конце концов извлечет из этого пользу? Это вопросы, над которыми думают люди. В некотором смысле, пересматриваются изнутри глубочайшие, вековые вопросы об отношении Православной Церкви к государству и обществу»³⁷.

В патриархии, кажется, тоже понимают, что нельзя бесконечно поощрять отставание от политической культуры, которая существует во всем мире. Но очень страшно остаться в многополярном политическом пространстве «неприкрытыми». При потере благоволения власти (оснований для беспокойства пока вроде нет: в правление патриарха Кирилла государственная бюрократия стала еще лояльнее к бюрократии церковной, но в патриархии всегда рассматривают такую возможность) и запрете на религиозные партии кто возьмет на себя защиту интересов церкви?

Церковные ньюсмейкеры начали осторожно зондировать почву на этот счет. Ответственный за общество протоиерей Всеволод Чаплин предложил «начать серьез-

ный общенациональный диалог об основах политического и экономического устройства страны»³⁸. Более того, призвал в очередной раз задуматься о создании в России «православной» или «христианской» партии. В коллективном блоге «Православная политика» он заявил, что церковь положительно воспринимает перспективу создания таких партий либо внутривнутрипартийных групп, «но не будет оказывать им эксклюзивной поддержки или давать благословения», поскольку церковь — «для всех, а не для сторонников одной политической силы»³⁹.

«Создания партий по религиозному признаку не допускает закон, но никто не запретит формировать “православную” или “христианскую” партию без формального упоминания об этом в названии — вспомним, что христианские демократы в Европарламенте именуют себя Европейской народной партией, а умеренные политические мусульмане в Турции — Партией справедливости и развития», — отметил он.

Протопартии и протополитика

Призыв о. Всеволода был воспринят буквально: оргкомитеты всевозможных народно-православно-социал-христианских партий посыпались в публичное пространство как из рога изобилия. Первыми, еще до выступления о. Всеволода, о намерении создать Православную социалистическую партию России заявили Сергей Житинский и Андрей Карпов, которые ставят своей целью построение «нравственного государства»⁴⁰. Для этого, как им кажется, достаточно «поощрять всё то, что несёт добро и благо людям». Государство «должно выстроить механизм доброкачественного отбора везде, где только имеет для этого полномочия. Безнравственное в публичном пространстве должно законодательно пресекаться».

Очень скоро в строй встали ветераны российской христианской демократии. Лидер

Российского христианского демократического движения в 1990-е (в плане идеологии умеренный православный националист) Виктор Аксютин и политолог Валерий Расторгуев создали оргкомитет Народной партии большинства⁴¹. Для начала оргкомитет ограничился выдвиганием требований к будущему президенту РФ. Он должен быть государственным, демонстрировать уважение к чувствам верующих, сотрудничать с «культурообразующими конфессиями», следовать принципу построения социального государства, вернуть национальной политике ее особую роль в жизни России и пр.

Автор монографии о христианской демократии⁴² и один из лидеров Христианского общественного движения «Благодатная Россия» Сергей Мезенцев выступил с идеей создания Партии десяти заповедей⁴³, которая должна быть консервативной (опираться на «вечные ценности»), народной (отвечать запросам всех граждан) и демократической («включать ценности христианской и исламской демократии, объединять представителей различных религий и неверующих, сторонников республиканской и конституционно-монархической форм правления»).

Бывший член молодежного совета «Справедливой России» Никита Слепнев тоже подумывает о новой партии, идеологию которой он видит как «синтез православия и нового социализма»⁴⁴ (отметим, что летом прошлого года Слепнев стал членом ультраправого православного общественного движения «Народный собор»). В сущности, Слепнев хочет возродить Советский Союз с общенародной собственностью на средства производства и плановой экономикой, только коммунистическую идею он предлагает заменить «заповедями православия и учения Христа», а три ветви власти преобразовать в Совет управления, Совет справедливости и Совет по общественной морали.

И Никита Слепнев, и Сергей Житинский с Андреем Карповым вскоре после своих заявлений встречались с протоиереем Всеволодом Чаплиным⁴⁵, советовались по вопросам выработки партийной идеологии. Это явно говорит о том, что они готовы работать в тесной сцепке с патриархией и надеются на церковную поддержку.

Последним возник Российский христианский общественно-политический союз (РХОС), который определяет свои цели так: это «общественно-политическое объединение христиан, созданное представителями трех христианских конфессий (православные, протестанты и католики. — С.С.) на условиях взаимоуважения и равноправия, для совместного решения нравственных, социально-экономических и политических вопросов и активного участия в общественной и политической жизни страны»⁴⁶. Первым шагом союза стало создание антикоррупционного портала «Не кради» (www.nekradi.ru), аналога «Роспила» Алексея Навального, в поддержку представителей малого и среднего бизнеса. Члены движения намерены выявлять факты злоупотреблений чиновников, делать их достоянием общественности, следить за ходом и результатом проверок и оказывать предпринимателям юридическую помощь.

Итак, «практики», готовые тотчас начать партстроительство, взыскуют в основном или социализма с православным лицом, или национального государства все с тем же православным лицом. Исключение составляет разве что Сергей Мезенцев с Партией десяти заповедей, которая по декларируемым целям и задачам ближе всего подходит к традиционной европейской христианской демократии, возникшей во многом как контрответ на социалистические идеи и в первую очередь — отрицание частной собственности. (РХОС все-таки скорее не партия, а движение в поддержку предпринимателей.)

Других заявок на «христианскую» партию нет. И если перспективы «христианского социализма» в России видятся некоторым православным экспертам вполне благоприятными⁴⁷, то в отношении будущего традиционной, «цивилизованной» христианской демократии экспертное сообщество не питает особых надежд. Во всяком случае, политологи, журналисты и ученые, обсуждавшие эту тему на «круглом столе» в клубе «Завтра»⁴⁸ — собственно говоря, те самые христиане, которые и могли бы возглавить потенци-

патриархии. Сейчас новая ситуация, и новая сила может быть только гражданским объединением христиан.

Другая выявленная проблема — отсутствие языка, на котором можно было бы говорить о христианской демократии. До сих пор, когда начинаются разговоры о демократии, — в дискурсе нет ничего православного. Если же начинают говорить на православном языке — то нет ничего демократического, что, собственно, и продемонстрировало большинство заявок на партийное строительство.

“Когда начинаются разговоры о демократии, в дискурсе нет ничего православного. Если же говорят на православном языке — то нет ничего демократического”.

альные «религиозные» партии, поскольку некоторые из участников встречи безусловно являются лидерами общественного мнения, или хотя бы могли составить электорат таких партий, — пришли к пессимистическим выводам. Основополагающая проблема России с этой точки зрения, как им представляется, — отсутствие в стране христианской интеллигенции: православные интеллектуалы есть, а христианской интеллигенции, которая обладала бы критической массой, нет. Хотя уже сформировался слой людей демократических убеждений, которые исходят в своих взглядах из христианских ценностей, он не настолько многочислен и силен, чтобы начать в полную силу действовать в политике — на это требуется время. Поэтому следует ждать создания не партии (тем более что в России авторитет политических партий сейчас вообще низок), а скорее неформального клуба, движения, попытаются они. Создание неформальной структуры ценно еще и тем, что позволит существовать независимо от Московской патриархии. Ранее, в 1990-х годах или в начале нулевых, подобные христианские организации всегда становились лоббистами

Еще более определенно о необходимости для мирян дистанцироваться от Московской патриархии в своем политическом действии высказался священник Феодор Людоговский в статье «К вопросу о христианской партии»⁴⁹. Во-первых, «многие наши сограждане (прежде всего интеллигенция) воспринимают РПЦ как организацию, которая скомпрометировала себя активным сотрудничеством с государственной властью», а во-вторых, «надо защищать и отстаивать интересы (в самом широком смысле этого слова) именно людей, а не организации. А иногда — мы знаем, что бывает и такое, — защищать людей от РПЦ как хозяйствующего субъекта».

Ориентация партии мирян на христианство как на концепт представляется ему «единственно правильным выбором». Ведь православие для многих — не мировоззрение, а мироощущение, которое в общем-то ни к чему не обязывает. А христианство — «строгое слово». Это вполне определенные «морально-этические ценности. Это постоянная проблема духовного, совестного выбора. Это требование цельности и честности. Это неприятие лукавого византиниз-

ма». Христианская партия призвана внести в политику нравственное измерение, и это единственное, считает о. Феодор, что может решить первоочередную задачу «сбережения народа». (Впрочем, сам тут же признается, что, наверное, грешит идеализмом.)

Примечательно, что ни в одной из заявленных стратегий совсем не прозвучала тема права. Между тем христианские демократы Европы едва ли не главное свое оружие видели в расширении правовых позиций как в церкви, так и в обществе в целом. Значение права как политической нормы там постоянно возрастало, ибо без исполнения закона не может быть не только никакого христианства, но и никакой демократии.

Однако тему права обходят стороной как православные социалисты (что не очень удивляет, ибо многие из нас еще помнят времена «социалистической законности»), так и те, кто хотел бы строить в России христианскую общественно-политическую традицию. Возможно, это объясняется тем, что дебаты о христианской демократии в России еще только начинаются, а может быть, и тем, что о необходимости реформирования правовой системы говорят практически все политические силы; возможно, это проблема все того же дискурса.

В любом случае создание православных, христианских и т. п. партий в России, судя по всему, не является насущной потребностью для верующих масс — скорее это потребность для отошедших от дел или только приступающих к делу политиков, которые видят в идее пусть призрачный, но шанс реализоваться. Иначе тема возникла бы в общественном пространстве без всяких понуждений со стороны о. Всеволода Чаплина, который, впрочем, и сам признает, что при создании таких партий в 1990-х годах главными проблемами стали «раздробленность, мелкий вождизм и взаимная отчужденность, если не вражда»⁵⁰.

Об этом же говорят результаты близопрса на сайте «Религия и право»⁵¹. Читателям был предложен вопрос: нужны ли России партии и движения, основанные на религиозных принципах? Большинство, 25 проц., выбрало ответ: общественные движения нужны, а партии пусть остаются чисто светскими, защищающими интересы всех. Тем не менее некоторые политологи, например, Ольга Крыштановская в интервью радио «Вести ФМ»⁵², утверждают, что запрос на христианскую/православную партию, «партию честных, партию людей, которые занимаются добром, которые считают, что политика — чистое дело... безусловно, запрос такой есть».

Pussy Riot, или Раскол по нарастающей

Брожение в православном сообществе, которое охватило большие группы людей и отчетливо артикулируется в публичном пространстве, заставило патриарха Кирилла призвать паству к единомыслию. «Все те, кто пребывает в корабле Церкви, должны быть единомысленны, — сказал он в своей проповеди в храме Христа Спасителя 14 марта⁵³. — Мы вместе плывем в одном Богом созданном корабле, образуя некую единую команду, которая должна быть особенно сплоченной, дружной, единомысленной в то время, когда корабль попадает в шторм».

Однако призывы патриарха остались втуне. К тому времени акция феминистской панк-группы *Pussy Riot* «Богородица, Путина прогони» в храме Христа Спасителя и все, что последовало за ней, еще больше раскололи православных. 21 февраля 2012 года исполнительницы в масках устроили на солее храма выступление, назвав его «панк-молебном»⁵⁴. Сведения о выступлении расходятся. Одни утверждают, что девушки спели песню, в которой содержались оскорбительные слова в адрес Владимира Путина, патриарха Кирилла и вообще всех верующих; другие — что девушки исполнили что-то

вроде пантомимы, с прыжками и поклонами, а слова и музыка были наложены на запись выступления уже позднее, и в таком виде ролик был выложен в Сеть.

Перформанс, который сами участницы считают антиклерикальным и антивластным, но никак не «богохульством»⁵⁵, в чем их тут же обвинили, спровоцировал вал сообщений во всех социальных сетях и привел к настоящему столкновению внутри церкви. С самого начала скандала вокруг «панк-молебна» новостные ленты полнились противополож-

ых, способных взорвать ситуацию в стране. Убежден: эту норму нужно перенести в Уголовный кодекс». По его словам, те, кто не осудит участниц перформанса у главного алтаря страны, «могут перестать рассчитывать на поддержку православных»⁵⁷.

В тот же день, 22 февраля, в Генеральную прокуратуру РФ поступило обращение от Дмитрия Пахомова, проректора Школы православного миссионера при столичном храме Апостола Фомы (основана священником Даниилом Сысоевым, который был застрелен

“Тему права обходят стороной как православные социалисты, так и те, кто хотел бы строить в России христианскую общественно-политическую традицию”.

ными заявлениями от лица православных. Даже представители патриархии отреагировали на акцию по-разному.

«Когда речь идет о выходе этих девушек, в качестве обстоятельств, смягчающих их вину, стоит учесть два факта: сейчас все-таки Масленица. Это время, когда, по канонам православной, древнерусской культуры, норма нарушается, рушится социальный космос: человек одевался зверем, зверей обряжали в человеческие одежды, мужика — царем, пьяницу — попом и так далее», — заявил профессор Московской духовной академии протоиерей Андрей Кураев⁵⁶.

Он разделит нравственную оценку и правовую. «В правовой оценке я, конечно, некомпетентен, — сказал отец протоиерей. — Но, мне кажется, для Церкви гораздо в большей степени будет хуже, если мы сейчас начнем требовать всех к ответу — “наказать по всей строгости закона” и так далее».

Совсем иначе на события отреагировал протоиерей Всеволод Чаплин. Существующая «норма, конечно, крайне мягкая, — написал он в блоге “Православная политика”, — потому что речь идет о действи-

ях, с просьбой провести проверку по факту совершения «панк-молебна» в храме Христа Спасителя, оскорбляющее его «чувства как верующего человека»⁵⁸.

С аналогичным прошением в Генпрокуратуру и прокуратуру Москвы обратился сопредседатель православного общественного движения «Народный собор» Олег Кассин⁵⁹. (Напомним, что в 2006 году ультраправый «Народный собор» выиграл дело в суде против организаторов выставки «Запретное искусство-2006» экс-директора Общественного центра им. Сахарова Юрия Самодурова и бывшего заведомо новейших течений Третьяковской галереи Андрея Ерофеева.)

Кассин назвал произошедшее в храме «грубой провокационной хулиганской выходкой, совершенной группой лиц по предварительному сговору, кощунственным актом, направленным на возбуждение религиозной вражды», и попросил привлечь ее участников к уголовной ответственности, а также провести проверку «в отношении присутствовавших в момент совершения провокации в храме журналистов и блогеров, снимавших происходящее и затем распространивших фото и видео

произошедшего, на предмет возможного их соучастия в данной провокации».

После этого правые радикалы организовали в Интернете настоящую травлю предполагаемых участниц перформанса. В блогах появился «разоблачительный список» членов группы, с фамилиями, фотографиями и адресами девушек, а также призывы к расправе над ними. Комментарии пестрели высказываниями типа «за осквернение храма — сжечь... ПУБЛИЧНО! ...это твари...»⁶⁰. Однако встречались и более взвешенные рассужде-

сказал в интервью журналу «Большой город» отец Владимир Архипов⁶⁴.

В Сети появилось открытое письмо патриарху, которое написала прихожанка храма Успения в Газетном переулке и менеджер детской программы Фонда помощи хосписам «Вера» Лидия Мониава, с просьбой «проявить христианское отношение к участницам группы *Pussy Riot* и ходатайствовать перед судом о закрытии этого уголовного дела» (письмо подписали 5739 человек, в том числе 23 православных священнослужителя)⁶⁵.

“Споры об акции феминисток и правомерности их судебного преследования **разделили православных отчетливее, чем митинговая активность**”.

ния: «Есть преступления, ответ общества на которые должен быть максимально жестким. Потому что это покушение на нашу душу. Выходка тех, кого сложно назвать людьми, не говоря о том, что называть их музыкантами невозможно, заслуживает максимально возможного наказания. Те, кто, назвав себя группой *Pussy Riots*, пришел в Храм Божий, чтобы устроить там панк-молебен, то есть шабаш, — не заслуживают никакого снисхождения»⁶¹.

На протяжении марта месяца три участницы группы были задержаны и оставлены в СИЗО до 24 апреля, против них было возбуждено уголовное дело по части 2 статьи 213 — хулиганство⁶². Не одобряя действий феминисток, многие православные тем не менее сочли меру пресечения чрезмерной: арест почти на два месяца, в дальнейшем еще продленный, притом что у двух подозреваемых есть маленькие дети, суровая статья, которая грозит им лишением свободы на срок от 2 до 7 лет, — не все эксперты согласились с тем, что выбор статьи правомерен⁶³. С ними согласны и некоторые священники. «На мой взгляд, проступок этих девочек не заслуживает наказания тюремным сроком», —

Но патриарх опять взял паузу. Его подчиненные между тем, что ни день, инициировали возмущенные письма «православной общественности» (отметились и казачья молодежь⁶⁶, и Совет православных общественных объединений⁶⁷, не собравший под своим письмом ни единой подписи), одновременно раздавая интервью прессе с уверениями, что церковь ни в коем случае не хочет «оказывать давление на суд»⁶⁸.

Апофеозом «невмешательства» стало письмо Генпрокурору РФ Юрию Чайке и прокурору столицы Сергею Куденеву от имени анонимного «члена инициативной группы», которое распространили по московским храмам 18 марта. В письме содержалось требование «установить и привлечь к уголовной ответственности по ст. 282 УК РФ всех лиц, частных к организации, проведению акции и распространению в СМИ и Интернете материалов и информации о кощунственной акции с целью возбуждения религиозной ненависти и вражды...». Священники на условиях анонимности рассказывали СМИ⁶⁹, что письмо было составлено в патриархии и разослано по храмам с формулировкой «читать по желанию». Им предложили собирать подписи под пись-

мом, выдавая это за инициативу прихожан, и отчитываться о выполнении перед архиепископом Истринским Арсением, викарием Московской епархии. Некоторые священники под собственными именами сообщали в блогах⁷⁰, что за отказ участвовать получили предложение «написать рапорт благочинному».

Патриарх Кирилл наконец откликнулся на все эти события 24 марта. Ни словом не обмолвившись о письме (официальные представители патриархии вообще утверждали, что ничего о нем не знают⁷¹), он выразил сожаление, что некоторые православные «оправдывают это кошунство, минимизируют его, стараются представить как некую забавную шутку». Патриарх призвал к ответственности, которая, по его словам, выражается у верующих в молитве: «Я призываю всех вас усилить молитвы о стране нашей и о народе нашем. Ибо нет у нас будущего, если мы начинаем глумиться перед великими святынями и если это глумление кому-то ложится на душу как некая доблесть, как некое выражение политического протеста, как некое уместное действие или как безобидная шутка»⁷².

История с *Pussy Riot*, какой бы кошунственной ни называла ее часть православных, была использована патриархией сполна. Когда церковная тематика больше месяца держится в топах СМИ (за месяц ролик с выступлением *Pussy Riot* посмотрели более миллиона человек⁷³) — это ли не свидетельство влияния церкви в обществе, даже если «воцерковленность» некоторых оказалась недостаточно глубокой? Поэтому и нагнетались страсти вокруг этого в общем-то незначительного события. Впрочем, несмотря на все старания, как показали исследования Левада-Центра, проводившиеся через три недели после выступления, 66 проц. россиян так ничего и не слышали об акции, а узнали о ней только в ходе опроса или слышали, но не знали, в чем, собственно, суть. Только 4 проц. россиян внимательно следили тогда за развитием событий, что, по мнению директора Левада-

Центра Бориса Дубина, близко к статистической погрешности⁷⁴. Понадобились еще две недели отчаянного пиара, Всекубанская акция протеста⁷⁵ против «адских плясок», на которую людей свозили автобусами, как на Поклонную⁷⁶, чтобы уже 36 проц. населения оказалось хорошо информировано о происходящем⁷⁷.

Как далеко заведут разногласия?

Споры об акции феминисток и правомерности их судебного преследования разделили православных куда отчетливее, чем митинговая активность в первые месяцы нового года. Показательно, что «защитники» панк-группы твердо ассоциируются у «гонителей» именно с поддержкой протестного движения. Вот ответ блогера zouae протодиакону Кураеву, который вместо обличений позволил себе шутовское высказывание об участниках перформанса: «Замечу в скобках, что задолго до произошедшего Кураев открыто симпатизировал Болотному митингу и так же открыто выражал свою неприязнь антиоранжевым, антиболотным силам, поэтому тема песни *pussy_riot* порадовала, видимо, отца диакона...»⁷⁸. При этом сами протестующие, которые были на митингах, вовсе не считают, что *Pussy Riot* выступают «от их имени».

Ту же тему развивал в блоге сообщества *christ_civ* библиист Андрей Десницкий: «Споры православных вокруг “пусек” — они совсем не о “пуськах”, по-моему. Это просто такая критическая точка, в которой становится особенно четко видно: православными себя могут называть люди очень разных взглядов и убеждений. При этом можно сказать, что всех их объединяет общий символ веры и общая Чаша, но если честно, то “в этот храм мы не ходим”, и это давно так, и это с двух сторон. <...> А медийное пространство общее. И в нем, как нетрудно заметить, всякое актуальное и значимое событие приводит первым делом к разделению: “ну нет, в отличие от этих, мы...”. Причем “эти” — в первую очередь православ-

ные. Несвой свои. Оранжевые либерасты, или имперские путиноиды, или еще кто-нибудь. И главная полемическая задача — понадежнее замазать их сами знаете в чем, решительно размежеваться, как говорил великий Ленин. <...> Тут можно долго вздыхать об оскудении любви и падении нравов, но я немного о другом. Как вы считаете, верно ли будет сказать, что фактическое разделение уже состоялось и просто пока не оформлено?..»⁷⁹.

После митингов за честные выборы и в поддержку режима многие заговорили о том, что в России два народа: один — на Болотной, другой — на Поклонной. Теперь встал вопрос: не две ли в России Церкви?

«Пожалуй, мы впервые за последние десятилетия подступились к самым главным вопросам, и это оказались вовсе не вопросы политического устройства страны и уж тем более не персоналий, — размышляет вице-президент “МедиаСоюза” Елена Зелинская⁸⁰. — Что такое милосердие? Сакральна ли власть? Чем отличается гуманизм от любви к ближнему? Нужно ли русскому человеку право или для него важнее инстинкт справедливости?

Пустые прежде слова вдруг снова наполнились смыслом и болью. Оказалось, что нельзя просто так брэнчать о демократии и правах человека — втягиваешься. Принимаешь всерьез. Жизнь наконец стала подлинной, совместилась с политикой. Историю вспомнили, и не как пример из учебника, а как корневую систему, на которой наше шаткое древо качается. Думали, в церкви можно свечкой отделаться — нет. И тут не вышло. Кричим — наверное, потому что больно, а раз больно, значит — живы.

Как далеко разведут нас разногласия — вот в чем главный вопрос».

В 1990 годы церковное сообщество только складывалось; в 2000-е, за исключением редких маргинальных групп, воспринималось как монолит (противостояние «либералы» — «консерваторы» затрагивало весьма незначитель-

ное число верующих, да и границу эту каждый проводил весьма произвольно); в 2010 годы брожение стало ощутимым, хотя православное гражданское поле остается весьма аморфным.

Сейчас в «большом» обществе на одном полюсе авторитарный режим и его сторонники (действительные и «задействованные»), на другом — демократически настроенные граждане. В православном сообществе на одном полюсе церковное руководство со товарищи, которые продемонстрировали свою готовность поддерживать государство с его авторитаризмом и противостоять обществу демократическому движению, на другом — православные граждане, которые только осознают свои политические возможности. Да, православные гражданские силы не торопятся как-то институционально оформляться. Перемены идут в основном на уровне самосознания. Во всяком случае, никто из лидеров общественного мнения, присутствовавших на «круглом столе» в клубе «Завтра», по заверениям шеф-редактора «Русского журнала» Александра Морозова, одного из участников встречи, не мыслит себя во главе христианско-демократической партии или движения⁸¹. Наверное, появление лидеров пока и невозможно — хорошо уже то, что у либеральной части православного сообщества появилась своя информационная площадка. Однако демократически настроенные верующие все активнее встраиваются в «большое» гражданское общество.

Когда выносили приговоры организаторам выставок «Осторожно, религия!» и «Запретное искусство-2006», а погромщиков, изуродовавших экспонаты первой выставки, хулиганами не признали⁸², православные либералы не решились публично высказывать свое удивление чудачествами российской Фемиды. Протестная активность и история с *Pussy Riot* показывают, что теперь они уже не позволяют с такой легкостью манипулировать собой и открыто заявляют свою позицию. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Щипков А.* Христианская демократия в России. М.: Издательский дом «Ключ-С», 2004; http://www.religare.ru/25_11.html

² <http://www.rg.ru/2001/07/11/partii-dok.html>

³ <http://ria.ru/doc/20040526/1718319.html>

⁴ <http://www.radonezh.ru/analytic/8849.html>

⁵ <http://www.smi.cerk.ru/nizhegorodskiyediocesan-gazette/1763-Prava-cheloveka.-Konflikt-dvyh-podhodov.html>

⁶ <http://www.tserkov.info/numbers/orthodox/?ID=1897&forprint>

⁷ Православие. Христианство. Демократия. СПб.: Алетейя, 1999; http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/ortodox/novik/index.php

⁸ Актуальные проблемы российского православного церковного сознания // Вопросы философии. 1999. № 2.

⁹ См., например: *Ульянов А.* Православие и демократия: Совместимо ли православное мировоззрение с демократическим устройством общества и государства? // Альфа и Омега. 2009. № 3 (56).

¹⁰ <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422>

¹¹ <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=40343&cf=>

¹² <http://msobor.ru/doc.php?id=50>

¹³ Журнал «Фома» стал издаваться еще в середине 1990-х, но регулярно выходит с 2003 года.

¹⁴ <http://www.pravmir.ru/zachem-religii-politika/>

¹⁵ <http://www.pravmir.ru/chego-my-iskali-nabolote/>

¹⁶ <http://www.pravmir.ru/chto-eto-bylo-2/>

¹⁷ <http://www.pravmir.ru/pojti-nelzya-ostatsya/>

¹⁸ <http://www.pravmir.ru/vybory-kak-eto-bylo-nasamom-dele-chast-1/>

¹⁹ <http://www.pravmir.ru/idti-i-golosovat/>

²⁰ <http://www.pravmir.ru/vybory-po-farisejski/>

²¹ <http://www.pravmir.ru/miting-za-ili-protiv/>

²² <http://sreda.org/opros/33-snezhnaya-oppozitsiya-sostav-emozii-tsennosti>

²³ <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=43419>

²⁴ <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=43421>

²⁵ <http://ort7000.livejournal.com/525471.html?style=mine#comments>

²⁶ <http://echo.msk.ru/blog/otstavnih/837209-echo/>

²⁷ <http://www.patriarchia.ru/db/text/1837473.html>

²⁸ <http://www.patriarchia.ru/db/text/1852219.html>

²⁹ <http://www.patriarchia.ru/db/text/1910405.html>

³⁰ <http://news2.ru/story/333169/>

³¹ http://www.province.ru/ryzan/news/events/vladyka_pavel_zayavil_chno_oppozitsiyu_sponsiruet_zapad/

³² <http://www.pravmir.ru/video-nemolchashhaya-cerkov-2011/>

³³ <http://www.pravmir.ru/edinayanablyudayushhaya-rossiya/>

³⁴ <http://ej.ru/?a=news&id=11075>

³⁵ <http://www.patriarchia.ru/db/text/2005767.html>

³⁶ «Я совершенно открыто должен сказать как патриарх, который призван говорить правду, не обращая внимания ни на политическую конъюнктуру, ни на пропагандистские акценты, о том, что огромную роль в исправлении этой кривизны нашей истории сыграли лично Вы, Владимир Владимирович. Я хотел бы Вас поблагодарить. Вы когда-то сказали, что Вы трудитесь, как раб на галерах, — с той лишь только разницей, что у раба не было такой отдачи, а у Вас очень высокая отдача» (<http://putin2012.ru/events/216>).

³⁷ <http://www.pravmir.ru/kogda-uidite-uznaete/>

³⁸ http://rusnovosti.station.ru/community/blogs/stati_i_dokumenti/archive/2012/01/05/371077.aspx

³⁹ <http://pravoslav-pol.livejournal.com/2030.html>

⁴⁰ <http://subscribe.ru/group/pravoslavnaya-sotsialisticheskaya-partiya-rossii/1352802/>

⁴¹ <http://www.apn.ru/publications/article25771.htm>

⁴² <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&es=3&id=38417>

⁴³ <http://www.sova-center.ru/religion/news/authorities/elections/2012/01/d23517/>

⁴⁴ <http://novayaideya.livejournal.com/>

⁴⁵ <http://www.echo.msk.ru/blog/nikitaslepnev/850833-echo/>

⁴⁶ <http://pxoc.livejournal.com/profile>

⁴⁷ http://www.religare.ru/2_92994.html

⁴⁸ <http://www.pravmir.ru/xristianin-v-politike-obrechen-na-bezdomnost-video-foto/>

⁴⁹ <http://www.pravmir.ru/k-voprosu-o-xristianskoj-partii/>

⁵⁰ <http://pravoslav-pol.livejournal.com/2030.html>

⁵¹ <http://religionip.ru/node/464>

⁵² http://torrent.ru/feed/all_1/tag_3273_1/torrent_5206/

⁵³ <http://www.pravoslavie.ru/news/52229.htm>

⁵⁴ <http://pussy-riot.livejournal.com/12442.html>

⁵⁵ <http://www.sova-center.ru/religion/news/community-media/communities-conflicts/2012/02/d23727/>

- ⁵⁶ <http://www.interfax.ru/news.asp?id=231975>
- ⁵⁷ <http://pravoslav-pol.livejournal.com/8714.html>
- ⁵⁸ <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=44306>
- ⁵⁹ <http://www.vesti.ru/doc.html?id=723754>
- ⁶⁰ <http://namarsh-ru.livejournal.com/6606803.html>
- ⁶¹ <http://nstarikov.livejournal.com/497110.html>
- ⁶² <http://www.rg.ru/2012/03/04/moleben-site.html>
- ⁶³ <http://www.ej.ru/?a=news&id=11215>
- ⁶⁴ Большой город. № 6 [295]. 2012. 4 апр.
- ⁶⁵ <http://moniaa.livejournal.com/1093041.html>
- ⁶⁶ <http://www.interfax-religion.ru/dialog/?act=news&div=44563>
- ⁶⁷ <http://www.patriarchia.ru/db/text/2084470.html>
- ⁶⁸ http://www.religare.ru/2_93134.html
- ⁶⁹ <http://www.openspace.ru/news/details/35208/>
- ⁷⁰ http://www.facebook.com/note.php?note_id=371315179555341
- ⁷¹ <http://ria.ru/society/20120318/599272117.html>
- ⁷² <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=44747>
- ⁷³ <http://www.youtube.com/watch?v=GCasuaAczKY>
- ⁷⁴ <http://www.ej.ru/?a=news&id=11252>
- ⁷⁵ <http://www.yuga.ru/news/257924/>
- ⁷⁶ <http://www.livekuban.ru/image/467286>
- ⁷⁷ <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112690>
- ⁷⁸ <http://zoyae.livejournal.com/?skip=20>
- ⁷⁹ <http://christ-civ.livejournal.com/63877.html?style=mine#comments>
- ⁸⁰ <http://www.pravmir.ru/russo-turisto-obliko-morale/>
- ⁸¹ <http://www.ej.ru/?a=note&id=11804>
- ⁸² http://www.sakharov-center.ru/museum/exhibitionhall/religion_notabene/hall_exhibitions_religion_hyligan.htm

Миграционная дилемма России

Особенности российского миграционного режима на постсоветском пространстве мешают власти контролировать трудовую миграцию | **ОЛГА ТРОИЦКАЯ**

В последние годы Россия неоднократно пыталась реформировать миграционную политику, однако, несмотря на все усилия, не смогла добиться ни существенного снижения нелегальной миграции, ни изменения трудовых потоков в пользу более квалифицированных мигрантов. Количество нелегальных трудовых мигрантов в стране оценивается в три–пять миллионов человек, что как минимум в два раза превышает численность легально трудоустроенных иностранных граждан. Подавляющее большинство мигрантов сегодня — это низкоквалифицированные рабочие из стран СНГ, Турции, Китая и Вьетнама; доля высококвалифицированных специалистов остается незначительной и едва превышает 20 тыс. человек в год¹.

Принципиальная неспособность власти контролировать трудовую миграцию напрямую связана с особенностями российского миграционного режима на постсоветском пространстве. С одной стороны, РФ держит открытыми границы со странами СНГ, стимулируя региональную мобильность; с другой — ограничивает возможности легального проживания и трудоустройства иностранных граждан, пытаясь тем самым компенсировать издержки от свободного перемещения. Как показывает мировая практика, подобный режим, основанный на сочетании либеральных и ограничительных принципов, эффективно действует между развитыми странами, но несостоятелен в условиях серьезного социально-экономического разры-

ва между участниками миграционного обмена. В последнем случае структурные факторы, движущие миграцию, оказываются намного сильнее способности принимающего государства удерживать миграционные процессы в установленных рамках.

В свое время этот урок пришлось усвоить многим развитым странам, которые столкнулись с массовой иммиграцией из развивающихся стран, в том числе из государств — партнеров по региональным интеграционным объединениям. Большинство из них решили эту проблему путем перехода на последовательно ограничительную либо последовательно либеральную миграционную политику. Так, США в рамках Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА) ввели визовый режим с Мексикой, дополнив жесткую политику занятости мигрантов не менее жестким режимом пересечения границ. Ведущие страны Западной Европы продемонстрировали противоположный, либеральный, подход в отношении своих южных и восточных соседей в рамках Европейского союза, не только установив свободное перемещение с этими странами, но и сняв ограничения на трудоустройство граждан Центральной и Восточной Европы в рамках общего рынка труда. В обоих случаях выбор в пользу последовательного режима повысил эффективность миграционного управления, хотя и был сопряжен с дополнительными издержками для принимающих стран.

Опираясь на уже накопленный другими государствами опыт, можно прогнозировать сценарии развития российской ситуации и совершенствовать меры реагирования на миграционные вызовы, с которыми сталкивается наша страна.

Особенности российского миграционного режима

Причина неэффективного управления трудовой миграцией в России кроется в исторически сформировавшемся режиме, который дифференцирует миграционные потоки прежде всего по географическому, а не по квалификационному признаку. В соответствии с этим режимом мигрантам из СНГ предоставляются значительные привилегии по сравнению с мигрантами из других стран. В частности, они обладают правом свободного въезда и проживания на российской территории в течение определенного срока (до 90 дней), что дает им преимущества при поиске и получении работы.

Этот миграционный режим сформировался в начале 1990-х и был обусловлен необходимостью предоставить гражданам некогда единого государства возможность самоопределиваться и выбрать новое место жительства после распада СССР. Действительно, в первое десятилетие после краха Советского Союза миграция в Россию имела характер репатриации и была относительно однородной по этническому составу: из 4,2 млн человек, переселившихся на постоянное место жительства в РФ, 60 проц. составляли этнические русские и еще 10 проц. — представители других народов России. Ухудшение экономической ситуации в результате «шоковой терапии» и кризиса 1998 года естественным образом сдерживало трудовую миграцию².

С начала 2000-х в структуре иммиграции произошли радикальные изменения. В отличие от семейной и более сбалансированной по профессиональному составу миграции

1990-х годов, в миграционных потоках 2000-х стали преобладать временные трудовые мигранты. Подавляющее большинство из них — это мужчины трудоспособного возраста, занятые на низкоквалифицированной работе в сферах строительства, торговли, промышленности, сельского хозяйства и транспорта³. Доля семей, желающих переехать в Россию, сократилась до минимума, о чем, в частности, свидетельствовали результаты государственной программы содействия возвращению соотечественников, проживающих за рубежом. Несмотря на льготы и финансовые поощрения, за 2007–2011 годы в рамках этой программы в Российскую Федерацию въехало на постоянное место жительства всего 68 тыс. человек⁴. Незначительным был и приток высококвалифицированных мигрантов из развитых стран — вследствие как визовых барьеров, так и специфики российского рынка труда⁵.

Несмотря на то что в 2000-е годы характер и динамика миграционных процессов на постсоветском пространстве изменились, принципы управления ими остались по сути прежними. Безвизовый порядок перемещения со странами СНГ сохранился, а для того чтобы решить проблемы трудовой миграции, правительство принялось за реформирование внутрироссийских механизмов управления — правил проживания и трудоустройства мигрантов. В ответ на растущее недовольство населения высоким уровнем иммиграции со второй половины 2000-х эти правила постепенно ужесточались. На мигрантов из СНГ были распространены трудовые квоты, количество которых неуклонно сокращалось: с 6 млн в 2007 году до 4 млн в 2009-м и 1,74 млн в 2011 году. Наказание за нарушение миграционного законодательства было многократно увеличено как для самих мигрантов, так и для их работодателей. С 2007-го стали действовать ограничения на участие иностранных граждан в розничной торговле, а в 2012 году прези-

дент Владимир Путин издал указ в кратчайшие сроки ввести обязательный экзамен по русскому языку, истории и основам законодательства РФ для трудовых мигрантов (за исключением высококвалифицированных специалистов).

Тем не менее усиление ограничительных мер не принесло ожидаемых результатов. С одной стороны, увеличившийся за последнее десятилетие социально-экономический и демографический дисбаланс между странами региона способствовал росту зависимости национальных экономик от

гальных мигрантов. Опросы работодателей 2010 года показали, что труд иностранных работников используют в среднем 14 проц. российских предприятий (21 проц. крупных, 18 проц. средних и 9 проц. малых)¹⁰.

Растущая взаимозависимость стран региона в сфере миграции вызывает высокую сопротивляемость рыночных процессов государственному вмешательству, когда в ответ на любые попытки со стороны государства ввести ограничения рынок рабочей силы стремится перейти в неформальное состояние.

“Иммигранты компенсировали примерно половину естественной убыли населения России, которая за два десятилетия составила почти 13 млн человек”.

импорта/экспорта рабочей силы. В 2000-м ВВП на душу населения в России превосходил ВВП на душу населения таких стран, как Таджикистан, Киргизия и Молдова, в 5 раз, а в 2010 году этот разрыв составил уже 10 к одному⁶. Неспособность развивающихся государств обеспечить экономический рост и занятость населения привела к тому, что в 2000-х за рубежом в поисках работы оказалось примерно 5 проц. экономически активного населения Украины; 10 проц. трудоспособного населения Молдовы, 15–20 проц. – Армении и Азербайджана, 30–40 проц. – Узбекистана, Киргизии и Таджикистана⁷. В беднейших странах СНГ денежные переводы стали составлять от одной пятой (Молдова, Киргизия) до одной трети (Таджикистан) валового внутреннего продукта⁸. Одновременно возросла зависимость от иммиграции и российского рынка труда. Иммигранты компенсировали примерно половину естественной убыли населения России, которая за два десятилетия составила почти 13 млн человек⁹. Сегодня доля иностранных работников среди занятого населения оценивается в 10 проц. с учетом неле-

В то же время неподконтрольность миграционных процессов объясняется слабостью соответствующих российских институтов, на которые были возложены функции регулирования миграции в отсутствие визового контроля, т. е. институтов защиты занятости и охраны правопорядка. Нормы трудового кодекса, профсоюзы, госинспекции по труду, призванные защищать занятость российских работников, предотвращать демпинг зарплат и контролировать соблюдение трудовых стандартов, не смогли выполнить поставленные перед ними задачи в условиях массового притока мигрантов¹¹. Иностранные рабочие пользуются высоким спросом среди работодателей благодаря дешевизне и нетребовательности, что приводит к вытеснению российских работников той же квалификации в ряде секторов. Непрочной оказалась и вторая «опора» внутреннего регулирования – институты охраны правопорядка. Системная коррупция в правоохранительных органах превратила борьбу с нелегальной иммиграцией в источник обогащения для значительной части сотрудников полиции, не способствуя реальному улучшению ситуации¹².

За последнее десятилетие российская миграционная политика доказала свою неэффективность в решении основных вопросов миграционного управления, таких как регулирование трудовых отношений, соблюдение прав человека, обеспечение общественного порядка и безопасности. Один из главных недостатков — это неспособность побороть теневую занятость мигрантов и обеспечить хотя бы равные условия конкуренции с местными рабочими. Опросы мигрантов показывают, что почасовая оплата их труда в среднем на 40–50 проц. ниже уровня российского

около 60 проц. мигрантов столкнулись с обманом при оплате своей работы, из них 15 проц. не получили крупной обещанной суммы или вообще платы за свой труд. Треть мигрантов признались, что им пришлось работать в очень плохих условиях, у каждого десятого работодатель изъял паспорт или ограничил свободу передвижения. Сотрудники правоохранительных органов в таких случаях не только бездействуют, но и сами нередко выступают в качестве субъектов правонарушений, практикуя вымогательство и оскорбительное обращение при

“Миграционный режим России со странами СНГ не способен ни **сдерживать иммиграцию**, ни эффективно удовлетворять спрос на рабочую силу”.

работника, притом что мигрант работает в полтора раза дольше (60 часов в неделю вместо 40). Нелегальные трудовые мигранты в несколько раз превышают численность легально трудоустроенных граждан, притом что последние нередко оформляют легальный статус путем покупки документов и заключения фальшивых контрактов¹³. По оценкам ФМС, ежегодные потери государственного бюджета от неформальной занятости составляют как минимум 40 млрд рублей, и это без учета косвенных издержек, связанных с несоблюдением санитарных и технологических стандартов трудовой деятельности¹⁴.

Нынешний миграционный режим чреват множеством неприятных последствий и для самих мигрантов, поскольку он создает благоприятную среду для массовых нарушений их прав и для коррупции. По свидетельству правозащитных организаций, в России стало обычной практикой принуждать мигрантов к тяжелой физической работе и проживанию в неподходящих условиях. Широко распространено вымогательство со стороны работодателей и посредников¹⁵. Согласно опросам,

проверке документов, применяя насилие при задержании, принуждая работать «на себя» и т. д. С подобными нарушениями со стороны правоохранительных органов столкнулись за время своего пребывания в России не менее трети опрошенных мигрантов¹⁶.

Наконец, данная миграционная политика способствует нарастанию социальной напряженности. Из-за того что деятельность мигрантов по большей части неформальна, трудно составить адекватное представление об их вкладе в развитие общества, а это дает возможность различным политическим силам спекулировать на теме миграции. Чтобы обеспечить себе общественную поддержку и ослабить претензии к качеству управления, стало принято возлагать ответственность за нерешенные социально-экономические проблемы (преступность, безработицу и др.) на «приезжих». Стабильное нарастание националистических и ксенофобских настроений в обществе — это тревожный сигнал. Согласно данным социологических опросов, число сторонников лозунга «Россия для русских» выросло с 43 проц. в 1998 году до 58

проц. в 2011-м, причем доля тех, кто склонен винить в росте национализма «вызывающее поведение национальных меньшинств», увеличилась с 20 проц. в начале 2000-х до 45 проц. в 2011 году¹⁷.

Итак, основной недостаток миграционного режима России со странами СНГ заключается в том, что он не способен ни сдерживать иммиграцию, ни эффективно удовлетворять спрос на рабочую силу. Создавая иллюзию контроля, правительство тем самым вытесняет значительную часть иммигрантов в неформальный сектор. В результате образуется многомиллионный «подкласс» населения, который существует в рамках иного общественного и политического пространства: на него не распространяются элементарные правовые гарантии, но и он, в свою очередь, не несет никаких обязательств перед принимающим обществом. Управляет этим «подклассом» не столько государство, сколько частные лица – работодатели, посредники и представители диаспоры, что способствует закрытости мигрантских сообществ и социальной дезинтеграции. Низкое качество российских институтов, с одной стороны, и сила структурных факторов, движущих миграцию, – с другой, не позволяют повысить эффективность миграционного управления в рамках существующего режима, а значит, можно предположить, что в будущем те негативные явления, которые наблюдались за последние десять лет, неизбежно усилятся.

Уроки ограничительной политики

Россия далеко не единственная страна, которая сталкивается с необходимостью реформировать миграционную политику. В разные времена подобная проблема возникала во многих развитых государствах, притягивающих большое количество иммигрантов из развивающихся стран, и по большей части ее предпочитали решать за счет последовательного усиления ограничительных инструментов.

Выбор в пользу ограничительного подхода сделала, в частности, Великобритания в рамках Содружества наций. После окончания Второй мировой войны Великобритания приняла Закон о гражданстве, согласно которому все жители стран Содружества, составлявшие на тот момент одну четвертую населения земного шара, или 800 млн человек, объявлялись «британскими подданными» и таким образом наделялись правом на въезд, работу и проживание в стране¹⁸. Столкнувшись с резким увеличением иммиграции, особенно из стран Азии и Африки, уже в 1960-е Великобритания приняла два закона, которые требовали оснований для въезда в страну в виде разрешения на работу или родственных связей с британскими гражданами, а в 1971 году полностью отменила привилегии для иммигрантов из стран Содружества¹⁹.

Другой пример ограничительного подхода – политика Соединенных Штатов в отношении Мексики. После того как в 1848 году Мексика потеряла большую часть своей территории в пользу США, на протяжении как минимум столетия она воспринималась как естественный источник рабочей силы для Америки. Мексиканцев не затронули законодательные ограничения, коснувшиеся в 1880–1920-х мигрантов из Европы и Азии. Во время и после окончания Второй мировой войны американское правительство поддерживало специальную программу привлечения мексиканских рабочих для развития сельского хозяйства и промышленности. Тем не менее большие потоки неконтролируемой миграции, превышающие объемы легальной, заставили правительство США в 1964 году прекратить программу и впоследствии идти по пути ужесточения миграционного режима. Принятые в 1986–1996 годах законы об иммиграции последовательно усилили меры внутреннего и внешнего контроля над миграцией. С одной стороны, было введено нака-

зание за нелегальное пересечение границы и наем нелегальных работников, с другой — увеличены расходы на охрану южной границы, к тому же теперь требовалось обязательное разрешение на работу и виза для въезда²⁰.

Несмотря на то что правительство Мексики в течение многих лет активно лоббирует либерализацию миграционного режима в рамках НАФТА, позиция Соединенных Штатов остается неизменной. Единственным послаблением стало облегчение режима перемещения для так называемых профессионалов НАФТА — высококвалифицированных специалистов из Канады и Мексики; в отношении же неквалифицированной миграции правила со временем только ужесточались. Пограничные с Мексикой штаты Аризона и Техас даже предприняли попытки ввести у себя более жесткое миграционное законодательство, чем на федеральном уровне.

Для Америки последствия ограничительной политики были неоднозначными.

Во-первых, в краткосрочной перспективе ограничительная политика не привела к реальному снижению числа мигрантов, поскольку многие из тех, кто прибыл в страну, захотели остаться и перевезти туда свои семьи. До введения ограничительных мер вероятность возвращения мексиканцев на родину составляла в среднем 40–50 проц., а после законов 1986–1996 годов она снизилась примерно до 25 процентов²¹. После закрытия границ с Мексикой количество нелегальных иммигрантов только возросло: с 1990 по 2000 год их численность увеличилась втрое — с 3,5 до 8,4 млн человек, а в 2007-м достигла пика в 12 миллионов²².

Эффект от данной политики проявился спустя двадцать лет после принятия первого ограничительного закона в США: сокращение нелегальных мигрантов с 12 до 11,2 млн человек было зафиксировано лишь в 2010 году. Не в последнюю очередь этому способствовали такие факторы, как экономический

кризис, строительство стены вдоль южной границы Соединенных Штатов, а также активная высылка нелегальных мигрантов: если в 1990 году было выслано 30 тыс. человек, то в 2010-м — 400 тысяч²³.

Во-вторых, введение ограничительных инструментов повлекло за собой резкое увеличение издержек для принимающей стороны. Расходы США на охрану границы выросли с 700 млн дол. в 1986 году до 2,8 млрд дол. в 2002-м и 10,1 млрд дол. в 2010-м; число сотрудников пограничной службы увеличилось с 3 000 человек в 1986 году до 9 100 человек в 2001-м и более 20 000 человек в 2010-м²⁴. При этом задержание одного нелегального иммигранта в 2000-е годы стало обходиться американским налогоплательщикам в пять раз дороже, чем в 1990-е (300 дол. в 1990 году и 1 700 дол. в 2000-м), поскольку перехваты на границе теперь осуществлялись реже.

В-третьих, нелегальная миграция стала принимать новые формы, в том числе использовать другие каналы и маршруты для въезда. По оценкам сотрудников иммиграционных служб США, до 30 проц. браков американских граждан с иностранцами могут быть фиктивными и заключаться с целью переезда в Соединенные Штаты²⁵. Также отмечается, что с конца 1980-х годов количество жертв на мексиканской границе возросло втрое — до 500 человек в год, а стоимость услуг «койотов»-проводников увеличилась в семь раз: с 400 дол. в 1980-е до 1200 дол. в 1990-е и 3000 дол. в 2000-е годы²⁶.

В Великобритании ограничительная миграционная политика имела схожие последствия, изменив структуру, но не объем иммиграции. Хотя в начале 1970-х количество выдаваемых разрешений на работу сократилось до 15 тыс., Великобритания продолжала ежегодно принимать по 50–60 тыс. человек из стран Содружества, в основном в рамках семейной и вынужденной миграции. К концу 1980-х годов более двух третей этих

потоков составляли супруги и дети иммигрантов. К концу 1990-х приток выходцев из стран Содружества увеличился до 100 тыс. человек, а к концу 2000-х — до 200 тыс. человек в год²⁷.

Опыт США и Великобритании позволяет говорить о том, какие условия необходимы для реализации ограничительной политики.

1) Эффективность политики напрямую зависит от того, насколько последовательно проводится ее ужесточение и борьба с нелегальной миграцией. Одной из главных причин высокого уровня нелегальной мигра-

впоследствии Европейский союз. В США в 1965 году был принят Закон об иммиграции, который открыл возможности для въезда иммигрантов со всех континентов мира и дифференцировал потоки по целям приезда (с наибольшим преимуществом для семейной и квалифицированной миграции), а не по географическому принципу.

3) Ограничительная политика способствует тому, что миграция приобретает более постоянный и семейный характер, ставя перед принимающей страной новые

“Условием ограничения иммиграции является наличие альтернативных источников, которые могут восполнить потребности в трудовых ресурсах”.

ции после закрытия границ и в США, и в Великобритании, по мнению экспертов, стала непоследовательность действий и слабый контроль за исполнением законодательства, связанные с давлением этнического и предпринимательского лобби. Так, в США ужесточение наказания за наем нелегального работника в течение многих лет не сопровождалось усиленными проверками рабочих мест, что позволяло работодателям пренебрегать данным ограничением. В Великобритании высокий уровень иммиграции после закрытия границ был связан с тем, что ограничение трудовой миграции не коснулось других каналов въезда (семейного воссоединения и предоставления убежища), которые стали использоваться все чаще.

2) Важнейшим условием ограничения иммиграции является наличие альтернативных источников, которые могут восполнить потребности принимающего общества в трудовых ресурсах, а также механизмов привлечения необходимых стране мигрантов. Для Великобритании и других европейских стран таким источником рабочей силы стало Европейское экономическое сообщество,

вызовы в области социального обеспечения и интеграции мигрантов. В этом случае государство должно обратить особое внимание на то, чтобы обеспечить равные шансы для социального продвижения всех мигрантов, противодействуя тем самым формированию замкнутых анклавов. Показательно, что Великобритания и США пошли на ограничение, уже имея сильнейшее антидискриминационное законодательство. Кроме того, наличие миллионов нелегальных мигрантов в момент закрытия границ может потребовать от государства проведения масштабной легализации, с тем чтобы не допустить развития теневого сектора и криминализации тех, кто предпочтет переход на нелегальный статус возвращению на родину. Так, президент США Рональд Рейган, принимая первый ограничительный закон в 1986 году, объявил амнистию более чем трем миллионам нелегальных мигрантов.

4) Наконец, ограничительная политика требует координации усилий со странами-партнерами, с которыми сохраняется свобода перемещения, чтобы не допустить проникновения в страну нежелательных мигрантов

через слабоохраняемые участки общей границы. Такая координация подразумевает содействие в укреплении границ этих государств, усиленный информационный обмен и техническую помощь в борьбе с нелегальной миграцией на территории стран-партнеров. В случае Северной Америки подобные меры были приняты в рамках Декларации и Плана действий по созданию «умной границы» между США и Канадой. Великобритания вошла в полицейское и судебное сотрудничество со странами Евросоюза в рамках Шенгенских соглашений, а также в сотрудничество в области охраны внешних границ в рамках специализированного агентства *FRONTEX* (Европейское агентство по управлению оперативным сотрудничеством на внешних границах государств—членов ЕС).

Уроки либеральной политики

Альтернативу ограничительному сценарию представляет либеральная миграционная политика ведущих стран Европейского союза в отношении развивающихся стран-членов, которая предполагает не только свободу перемещения, но и снятие ограничений в сфере занятости иностранных рабочих²⁸. При таком подходе принимающее государство утрачивает функции регулирования миграции в пользу общего рынка, однако повышает свои выгоды за счет значительно-го увеличения легальной миграции и более эффективного удовлетворения спроса на рабочую силу.

Формирование общего рынка труда было наиболее спорным вопросом экономической интеграции в Европе и продвигалось с большими трудностями, чем строительство общего рынка товаров, услуг и капитала. Так, пункт о свободе перемещения рабочей силы был включен уже в Римский договор 1957 года о создании Европейского экономического сообщества, однако его реализация затянулась до 1968 года из-за нежелания Франции,

Германии и стран Бенилюкса открывать свои границы для итальянских рабочих²⁹. Какое-то время западноевропейские страны ограничивали доступ к своим рынкам труда для граждан менее развитых Греции, Испании и Португалии: в отношении этих стран был установлен переходный период сроком на шесть лет, в течение которого греки, испанцы и португальцы должны были получать разрешение на работу наравне с гражданами третьих стран. Большинство стран ЕС воспользовались правом устанавливать переходный период и в отношении новых членов из Центральной и Восточной Европы. Тем не менее во всех случаях по окончании переходного периода, который длился от двух до семи лет, развитые страны снимали ограничения на доступ к своему рынку труда и предоставляли гражданам других стран—членов ЕС равные с местными жителями права на трудоустройство.

Несмотря на то что многие опасались неконтролируемых перемещений, либерализация миграционной политики в европейском регионе была проведена. И преследовала она весьма прагматичные цели. Начиная со второй половины XX века негативные демографические тенденции в развитых странах Европы — старение населения и уменьшение доли лиц трудоспособного возраста — требовали большого притока рабочей силы. Испытывая трудности с интеграцией мигрантов из стран Африки и Ближнего Востока, ввезенных в рамках послевоенных программ трудовой миграции, ведущие западноевропейские государства стали видеть в странах Южной и Восточной Европы источник культурно близкой рабочей силы, благодаря которой можно было бы снизить количество мигрантов из третьих стран. Кроме того, отмена контроля над миграцией на внутренних границах Евросоюза позволяла сосредоточить ресурсы на охране внешних границ (с Северной Африкой, Ближним Востоком, странами СНГ и бывшей Югославии), кото-

рые к тому времени вызывали гораздо большее беспокойство с точки зрения безопасности и нелегальной миграции.

Последствия либерализации миграционной политики в отношении десяти стран ЦВЕ также неоднозначны, хотя, по оценкам большинства независимых экспертов, в целом она была успешной и способствовала более эффективному распределению рабочей силы в регионе³⁰.

Во-первых, как и ожидалось, расширение легальных возможностей трудоустройства

роль сыграли такие факторы, как другой язык, признание дипломов и квалификации, стоимость жилья, вопросы пенсионного обеспечения, ограниченная информация о вакансиях и др. В докладе Еврокомиссии 2006 года, посвященном оценке результатов расширения Евросоюза, сообщается, что доля мигрантов из новых стран-членов составила в среднем 1 проц. населения в развитых странах ЕС, что было значительно ниже доли мигрантов из «старых» государств-членов³⁴. По числу граждан, эмигрировавших в другое

“Западноевропейские государства стали видеть в странах Южной и Восточной Европы источник культурно близкой рабочей силы”.

стимулировало миграцию в более развитые страны. Согласно опросам, во вновь вступивших в ЕС государствах число граждан, рассматривающих возможность переезда в другую страну в целях заработка, увеличилось³¹.

Так, например, до присоединения Польши к Евросоюзу в 2002 году за рубежом работало около 450 тыс. поляков; в 2005-м их было уже 1,17 млн, а в 2008-м — 1,8 миллиона³². Вместе с тем отмечается, что иммиграция с Востока на Запад приобрела более временный и возвратный характер. Исследования показали, что большинство мигрантов из ЦВЕ — это молодые трудоспособные мужчины со средним и высшим образованием, приезжающие в ЕС на некоторое время и занятые в основном на менее квалифицированной работе, чем у себя на родине. Основная цель переезда заключается в повышении доходов и возможности временного заработка. Гипотезы об увеличении «социального туризма» (*welfare tourism*) в результате открытия границ не нашли подтверждения³³.

Во-вторых, вопреки опасениям, открытие границ и рынков труда не привело к массовому переселению: сдерживающую

государство ЕС, в 2010 году первые места занимали Румыния (2,2 млн), Польша (1,5 млн), Италия (1,3 млн), Португалия (1 млн) и Великобритания (0,9 млн), что говорит об относительно сопоставимом уровне мобильности среди новых и старых членов Евросоюза³⁵.

В-третьих, распределение иммигрантов происходило неравномерно. Ключевую роль в формировании маршрутов миграции сыграли особенности национальных рынков труда (степень государственного регулирования, спрос на рабочую силу), а также факторы географической и культурной близости. Наибольшие притоки иммигрантов были зафиксированы в странах со слабым регулированием рынка труда — в Великобритании и Ирландии. Так, в 1998—2003-м в Великобритании среднее количество мигрантов из Евросоюза составляло 66 тыс. человек в год, а в 2004—2009 годах — уже 170 тыс. человек. За пять лет после расширения Европейского союза нетто-миграция из стран ЦВЕ в Великобританию составила 300 тыс. человек³⁶. Вместе с тем в Швеции, которая отличается большей жесткостью в регулиро-

вании рынка труда, открытие границ привело к незначительному притоку рабочих из стран ЦВЕ. Фактор культурной близости обусловил миграцию эстонцев в Финляндию, поляков — в Германию, румын — в Италию и Испанию.

Либерализация миграционного управления, как и ограничительная политика, имеет свои преимущества и вместе с тем сопряжена со значительными трудностями, которые следует учитывать, делая выбор в пользу либерального подхода. Вот несколько уроков, которые можно извлечь из опыта реализации либерального сценария в европейском регионе.

“Введение визового режима и отмена привилегий для мигрантов из отдельных стран СНГ может стать альтернативой либеральному сценарию”.

1) Правительства, проводящие либерализацию, должны быть готовы к тому, что в краткосрочной перспективе миграционные потоки станут более интенсивными, а в обществе возможен рост напряженности. Оба явления заметнее всего были в Великобритании, где массовый приток рабочих из ЦВЕ, особенно из Польши и Румынии, вызвал недовольство миграционной политикой и серьезные претензии к действующему правительству³⁷. Следует также учитывать, что в случае эскалации антииммигрантских выступлений правительство сможет ответить лишь более жестким ограничением потоков мигрантов из третьих стран; ограничить иммиграцию из стран, входящих в зону свободного перемещения, оно уже будет не в силах.

2) Очевидный недостаток либерального подхода для крупных принимающих стран заключается в том, что утрачивается гибкость при решении текущих задач управления. Так, попытки Франции в 2010 году выслать цыган на территорию Румынии и Болгарии или в начале 2011-го восстановить пограничный контроль с Италией, после

того как там скопилось множество беженцев из североафриканских стран, вызвали противодействие и критику со стороны других государств ЕС и международных правозащитных организаций. Неслучайно в марте 2012 года французский президент Николя Саркози заявил о возможном выходе страны из Шенгенской зоны, отмечая неэффективность противодействия нелегальной миграции на общеевропейском уровне.

3) Качество институтов принимающего общества играет важную роль в нейтрализации негативных последствий либерализа-

ции. По наблюдению экспертов, в странах Евросоюза с более сильными институтами защиты занятости приток иммигрантов был менее интенсивным, а сама миграция носила в большей степени дополняющий, а не замещающий характер³⁸. Соответственно, в странах со слабыми институтами формальное уравнивание мигрантов в правах с местными рабочими может привести к еще большему перекосу на рынке труда и замещению местных рабочих мигрантами.

4) Для проведения либерализации необходима общественная поддержка большинства населения, которая во многом определяется тем, насколько культурно близкими представляются потенциальные мигранты. Фактор культурной близости, в частности, сыграл определенную роль в решении европейских стран отказаться от приема иммигрантов из бывших колоний и открыть рынки труда для жителей Южной и Восточной Европы. Он же стал одним из главных препятствий к вступлению в ЕС Турции.

5) В условиях свободного перемещения принимающие государства становятся

уязвимыми перед социально-экономическими и политическими проблемами стран-партнеров, поскольку любое потрясение неизбежно приводит к массовому оттоку в более благополучные страны. В идеале либерализацию миграционного управления нужно осуществлять параллельно с программами, направленными на развитие отстающих регионов. В рамках Евросоюза, в частности, примерно 35–40 проц. бюджета (40–50 млрд евро) ежегодно отчисляется в так называемые структурные фонды и Фонд солидарности, содействующие экономическому и социальному сближению государств-членов.

Сценарии для российской миграционной политики

Изменение миграционного режима России с государствами СНГ, не входящими в Единое экономическое пространство, в сторону последовательной либерализации или последовательного ограничения в долгосрочной перспективе помогло бы существенно повысить контроль над миграционными потоками. Вместе с тем оба сценария сопряжены с политическими, экономическими и социальными издержками.

Преимущество либерального сценария для России состоит в том, что уровень теневой занятости мигрантов в этом случае резко сокращается, устраняются основы для коррупции и нарушений в сфере прав человека, более эффективно удовлетворяется рыночный спрос на рабочую силу. Однако, учитывая слабость российских институтов рынка труда и степень разрыва в уровне социально-экономического развития между странами региона, данный сценарий будет иметь и ряд негативных последствий: 1) большой масштаб и одностороннюю направленность перемещения по сравнению с внутриевропейской миграцией; 2) усиление замещающего характера иммиграции, особенно в наименее формализованных секторах, таких

как торговля, строительство, бытовое обслуживание; 3) значительный рост социальной напряженности и обострение конфликтов на почве ксенофобии.

Введение визового режима и отмена привилегий для мигрантов из отдельных стран СНГ может стать альтернативой либеральному сценарию. Преимущество ограничительного подхода в том, что, в отличие от либерального, он позволяет существенно повысить односторонний контроль над иммиграцией и создать базу для количественного и качественного отбора мигрантов. Один из основных факторов, сдерживающих реализацию ограничительной политики, — это высокая вероятность дефицита трудовых ресурсов в России, особенно если учесть демографические прогнозы и слабую привлекательность российского рынка труда для мигрантов из других регионов мира. Кроме того, к недостаткам ограничительной политики относятся: 1) высокие издержки на соблюдение пограничного и визового контроля; 2) неспособность существенно уменьшить уровень иммиграции в краткосрочной перспективе; 3) увеличение постоянной и семейной иммиграции, что влечет за собой дополнительные проблемы в сфере социального обеспечения и культурной адаптации.

Выбор в пользу одного из сценариев затруднен еще и тем, что в нашей стране по-прежнему сохраняется противоречие между стратегическими приоритетами высшего руководства, с одной стороны, и мнением большинства населения — с другой.

Так, в статье «Новый интеграционный проект для Евразии» в октябре 2011-го Владимир Путин заявил, что стратегическая цель России заключается в реинтеграции постсоветского пространства в рамках масштабного наднационального объединения — Евразийского союза, в котором граждане смогут на свое усмотрение выбирать место работы и жительства³⁹. Такая степень свободы

перемещения может быть достигнута только при реализации либерального сценария наподобие европейского. С 2012 года общий рынок труда уже действует в рамках единого экономического пространства России, Белоруссии и Казахстана (ЕЭП). Подписывая в конце 2011-го Декларацию о евразийской экономической интеграции, президент Дмитрий Медведев дал понять, что не исключает возможности присоединения к ЕЭП и других стран СНГ⁴⁰. Эту же точку зрения поддержал в своих выступлениях и Владимир Путин⁴¹. Показательно, что в процессе пересмотра миграционной стратегии в 2011–2012-м возможность визового режима и последовательной ограничительной политики со странами СНГ на официальном уровне даже не обсуждалась.

В то же время рост националистических, антииммигрантских настроений в обществе сдерживает все попытки правительства либерализовать миграционный режим. По данным Левада-Центра, доля сторонников ограничения иммиграции выросла с 45 проц. в 2002 году до 64 проц. в 2011-м, а в столице поднялась до 78 процентов⁴². Подобные тенденции заставляют руководство страны либо тормозить либеральные реформы, либо компенсировать их принятие другими жесткими мерами⁴³. В качестве тактического маневра, для усмирения националистических волнений или усиления собственной поддержки в рамках предвыборной кампании, высокопоставленные чиновники не гнушаются и ограничительной риторикой, выражающей солидарность с умеренно националистическими силами.

Судьба новой Концепции миграционной политики 2012–2025 убедительно демонстрирует эту особенность политического поведения. Весной 2011 года в ходе разработки Концепции директор Федеральной миграционной службы Константин Ромодановский выдвинул предложения по

отмене системы квотирования и либерализации правил проживания мигрантов, которые можно было бы рассматривать как существенный шаг к более последовательной миграционной политике⁴⁴. Однако, когда приверженцы протекционистского подхода в правительстве стали противодействовать этим инициативам⁴⁵, руководство страны не предприняло никаких действий, чтобы отстоять свою линию. Начавшаяся подготовка к парламентским и президентским выборам 2011–2012 годов окончательно сняла с повестки дня вопрос о либеральных реформах. Во время прямой линии с гражданами России в декабре 2011-го и в предвыборной статье «Россия: национальный вопрос» от 23 января 2012 года Путин «отыграл назад» все либеральные инициативы, заявив, что повышения качества миграционной политики Россия будет добиваться путем очередного ужесточения (на этот раз правил регистрации и ответственности за нарушение миграционных правил), при этом неизменно поддерживая открытые границы с государствами СНГ⁴⁶.

Движение в сторону более последовательной и эффективной миграционной политики в России сдерживается противоречием между установками российского руководства, направленными на поддержание либерального режима перемещения в СНГ, и ограничительными настроениями большинства населения. В результате правительство отказывается от последовательного усиления ограничительных механизмов (в частности, введения визового контроля), а мнение большинства блокирует любые попытки правительства либерализовать миграционную политику.

Выход из этого тупика зависит от того, смогут ли руководство страны и общество достигнуть консенсуса относительно конечного результата миграционной политики.

Какая цель является приоритетной для России в долгосрочной перспективе: реальное сдерживание иммиграции и защита национального рынка труда или формирование пространства свободного перемещения и общего рынка труда со странами Содружества?

Для достижения этих целей требуются принципиально различные инструменты. Если цель — сдерживание, то нужно усиливать все доступные механизмы контроля, включая контроль в сфере занятости и визовый контроль при пересечении границ. Введение визового режима в данном случае — необходимый компонент ограничительной политики, который позволяет сдерживать большую часть нелегальных мигрантов уже

на границах и облегчает борьбу с ними внутри страны.

Если же цель — формирование общего рынка, то здесь, напротив, требуются ослабление государственного вмешательства и максимальное упрощение порядка трудоустройства и проживания мигрантов. Любые попытки ограничить иммиграцию в рамках зоны свободного перемещения будут неизбежно приводить к вытеснению миграционных процессов в неформальный сектор и снижению выгод от распределения трудовых ресурсов в регионе.

Пытаясь совместить несовместимое, невозможно выйти из тупика и существенно повысить эффективность миграционной политики. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Доклад директора Федеральной миграционной службы К. Ромодановского на заседании Госдумы 21 марта 2012 (http://www.duma.gov.ru/news/273/140580/?sphrase_id=404099).

² *Зайончковская Ж.* Миграции между Россией и странами СНГ и Балтии: Итоги последнего десятилетия // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2003. № 10 (203).

³ Миграция и демографический кризис в России / Под ред. Ж.А. Зайончковской и Е.В. Тюрюкановой. Баромиг, 2010. С. 17–21.

⁴ *ФМС:* Потенциал госпрограммы по переселению соотечественников не исчерпан // REGNUM. 2012. 21 мар.

⁵ *Троцкая О.* Количество вместо качества: почему иммиграция несет России больше проблем, чем возможностей // Россия в глобальной политике. 2011. Сент. — окт. № 5.

⁶ Данные Всемирного банка (<http://databank.worldbank.org/>).

⁷ Armenia Country Study, ILO, 2009; Kazakhstan Facts and Figures, IOM, 2011; Migration in the Republic of Azerbaijan: A Country Report, IOM, 2009; Migration in Moldova: A Country Report, IOM, 2009; Migration in Ukraine: A Country Report, IOM, 2009.

⁸ Remittances Data, Development Prospects Group. World Bank, 2011.

⁹ Данные Росстата (<http://www.gks.ru/>).

¹⁰ Миграция как фактор развития малого и среднего бизнеса. М.: Опора дружбы, 2010.

¹¹ Подробнее о защите занятости в России см.: *Gimpelson V., Kapeliushnikov R., Lukyanova A.* Employment Protection Legislation in Russia: Regional Enforcement and Labour Market Outcomes // Comparative Economic Studies. 2010. No. 52. P. 611–636.

¹² Подробнее о незаконных видах деятельности сотрудников полиции см.: Экономическая активность работников правоохранительных органов постсоветской России: Виды, масштабы и влияние на общество (на примере милиции) / Под ред. Л. Косалса. М., 2002; Милиция и этнические мигранты: Практики взаимодействия / Под ред. В. Воронкова, Б. Гладарева, Л. Сагитовой. СПб.: Алетейя, 2011.

¹³ Миграция и демографический кризис в России. С. 36–39.

¹⁴ Российская газета: Федеральный выпуск. № 5640 (264). 2011. 24 нояб.

¹⁵ Доклад Международной организации труда «Принудительный труд в современной России: Нерегулируемая миграция и торговля людьми», 2004; Доклад *Human Rights Watch* «Эксплуатация трудовых мигрантов в российском строительном сек-

торе», 2009; Доклад *FIDH* «Таджикистан: Экспорт рабочей силы – какой ценой?», 2011.

¹⁶ Миграция и демографический кризис в России. С. 48–49.

¹⁷ Национализм в России: Пресс-выпуски Левада-Центра. 04.02.2011 и 26.09.2011.

¹⁸ British Nationality Act 1948 (<http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/11-12/56/part/I/enacted>).

¹⁹ *Somerville W. et al.* United Kingdom: A Reluctant Country of Immigration // Migration Information Source. 2009. July (<http://www.migrationinformation.org/feature/display.cfm?ID=736>).

²⁰ *Rosenblum M. R., Brick K.* US Immigration Policy and Mexican / Central American Migration Flows: Then and Now. Wash., D.C: Migration Policy Institute, 2011 (<http://www.migrationpolicy.org/pubs/RMSG-regionalflows.pdf>).

²¹ *Massey D., Fernandez-Kelly P.* Borders for Whom? The Role of NAFTA in Mexico–U.S. Migration // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2007. March. P. 113.

²² Unauthorized Immigrant Population: National and State Trends: 2010. Pew Research Center, 2011.

²³ Yearbook of Immigration Statistics: 2010. Wash., D.C.: U.S. Department of Homeland Security, Office of Immigration Statistics, 2011.

²⁴ *Rosenblum M. R., Brick K.* Op. cit.

²⁵ *Seminara D.* Inside the Green Card Marriage Phenomenon // Center for Immigration Studies. November 2008 (<http://www.cis.org/marriagefraud>)

²⁶ *Massey D.* Backfire at the Border: Why Enforcement without Legalization Cannot Stop Illegal Immigration // Trade Policy Analysis. 2005. No. 29.

²⁷ *Hatton T., Wheatly Price S.* Migration, Migrants and Policy in the United Kingdom // The Institute of Labor Studies Working Paper 81, 1999; Long-Term International Migration Estimates from the International Passenger Survey: 1975–1990, 1991–2010, UK Office for National Statistics, (<http://www.ons.gov.uk/ons/taxonomy/index.html?nscl=Long-term+Migrants>).

²⁸ Римский договор 1957 года ввел пункт о равном доступе всех работников к рынкам труда стран-членов. Шенгенские соглашения 1985 года положили начало формированию зоны свободного перемещения между наиболее развитыми странами. Благодаря введению гражданства Европейского союза Маастрихтским договором 1992 года гражд-

дане стран-членов смогли свободно выбирать не только место работы, но и место жительства, а после включения Шенгенских соглашений в свод европейского права и передачи ряда вопросов миграционного управления на наднациональный уровень согласно Амстердамскому договору 1997 года открытость внутренних границ стала неотъемлемой характеристикой членства в Евросоюзе.

²⁹ Council Directive 68/360/EEC of 15 Oct.

1968 on the Abolition of Restrictions on Movement and Residence within the Community for Workers of Member States and Their Families.

³⁰ *Lundborg P.* EU Enlargement, Migration and Labor Market Institutions // Journal of Labor Market Research, 2006. Vol. 39. Iss. 1. P. 24–34; *Zimmerman K., Kahanec M.* Migration in an Enlarged EU: A Challenging Solution? // European Papers 363. 2009. Mar.

³¹ В 2001 году возможность переезда в страны Евросоюза рассматривали 1,6 проц. граждан стран ЦВЕ, в 2005-м – 5 проц. (в Польше – 7 процентов). См.: *Mobility in Europe*. Analysis of the 2005 Eurobarometer Survey on Geographical and Labour Market Mobility. European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions, 2006.

³² *Iglicka K., Ziolet-Skrypczak M.* EU Membership Highlights Poland’s Migration Challenges // Migration Information Source. 2010. Sept. (www.migrationinformation.org/).

³³ *Zimmerman K., Kahanec M.* Migration in an Enlarged EU: A Challenging Solution? // European Papers 363. 2009. Mar.

³⁴ Enlargement, Two Years After: An Economic Evaluation // European Economy, European Commission, Directorate-General for Economic and Financial Affairs. Occasional Paper. 2006.

³⁵ Около 6,5% населения ЕС – иностранцы, 9,4% родились за границей. (Eurostat: Statistics in Focus. 34/2011).

³⁶ *Vargas-Silva C.* Migration Flows of A8 and Other EU Migrants To and From UK: The Migration Observatory Briefing. Oxford Univ. 2011. 23 Mar.

³⁷ См: Лондон сократит число неевропейских трудовых мигрантов. Русская служба ВВС. 2010. 18 нояб.; Миграция в Великобританию достигла рекордного уровня. Русская служба ВВС. 2011. 24 нояб.

³⁸ *Lundborg P.* Op. cit.

³⁹ *Путин В.В.* Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 4 окт.

⁴⁰ *Медведев*: К новому союзу могут присоединиться другие страны СНГ // *Взгляд*. 2011. 18 нояб.

⁴¹ Выступление Владимира Путина на пресс-конференции по итогам заседания Межгосударственного совета ЕврАзЭС и Высшего органа Таможенного союза, 19 октября, Санкт-Петербург (<http://premier.gov.ru/events/pressconferences/16786/>).

⁴² Россияне об обстановке на Северном Кавказе, национализме, политике и финансировании региона, лозунге «Хватит кормить Кавказ». Пресс-выпуск Левада-Центра, 15.12.2011; Две трети россиян недовольны притоком гастарбайтеров в страну // *Интерфакс*, 22.03.2011.

⁴³ Так, например, упрощение правил миграционного учета в 2006 году компенсировалось новой серией запретов и ужесточений в сфере занятости,

в том числе введением квот на трудовых мигрантов из безвизовых стран и повышением наказания за нелегальную миграцию.

⁴⁴ ФМС готова открыть рынок труда // *Коммерсант*. 2011. 18 апр.

⁴⁵ Главным противником отмены квот стало Минздравсоцразвития, которое заявило, что квоты – это необходимый инструмент защиты национального рынка труда. См, напр.: Минздравсоцразвития возражает против отмены квот на иностранную рабочую силу // *Российская газета*. 2011. 12 мая.

⁴⁶ Стенограмма программы «Разговор с Владимиром Путиным», 15.12.2011 (<http://premier.gov.ru/events/news/17409/>); *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос // *Независимая газета*. 2012. 23 янв.

Сибирская идентичность как политическое высказывание

Рост регионального самосознания сибиряков в значительной мере обусловлен социально-экономическими проблемами Сибири и дисбалансом в отношениях с Центром | **АЛЛА АНИСИМОВА, ОЛЬГА ЕЧЕВСКАЯ**

В последнее время в России наблюдается рост регионального самосознания. Население регионов все активнее пытается привлечь внимание Центра к своим социально-экономическим и экологическим проблемам; все большее число людей обращают внимание на региональные культурные особенности и проявляют интерес к истории своего края. Предварительные результаты последней переписи населения, проведенной в октябре 2010 года, свидетельствуют о том, что в графе «национальность» жители ряда регионов указывали новые национальные самоидентификации¹. Среди них в количественном отношении выделяется национальность «сибиряк». (Более подробно о том, сколько человек записалось «сибиряками», см. подверстку на с. 64.)

Трактовка категории «сибиряк» как национальности имеет неоднозначную природу. С одной стороны, идеологи «сибирской нации»² описывают «сибиряков» как национальную общность, которая существовала

всегда, «отличаясь от русских и говором, и хозяйством, и бытовыми привычками, и мировоззрением, и даже внешним видом», и эти особенности отмечались начиная с XVII века³. В качестве ключевых элементов сибирской нации вышеупомянутые идеологи выделяют следующие: 1) многокомпонентный состав: сообщество сибирских старожилов представляет собой «ядро» нации в том, что касается (традиционного) *мировоззрения и культуры*, но вокруг них собираются люди разных (в том числе смешанных) национальностей; 2) сибирскую нацию составляют люди *смешанного происхождения*, которые путем «сибирского самоопределения» решают проблему самоидентификации. В этом отличие сибиряков от русских, и здесь проходит граница сибирской нации⁴; 3) *сибирский язык* (пока существующий в форме письменного литературного языка, составленного Ярославом Золотаревым на основе традиционных сибирских говоров, но постепенно оформляющийся в «живой» язык).

С другой стороны, в медийном пространстве все чаще встречаются трактовки сибирской нации как нации политической, которая

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОВЕДЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ФОНДА ФРИДРИХА ЭБЕРТА В ТРЕХ ГОРОДАХ СИБИРИ: ИРКУТСКЕ, ОМСКЕ И НОВОСИБИРСКЕ. ПОЛЕВОЙ ЭТАП ИССЛЕДОВАНИЯ: СЕНТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ 2011 ГОДА

имеет свои специфические интересы и готова декларировать и отстаивать их в рамках многонационального федеративного государства. При этом культурное и языковое своеобразие как основа нациестроения отходит на второй план, а на первом плане оказываются социально-экономические, экологические и культурные проблемы сибирского региона, осознание и проблематизация существующих несимметричных отношений между федеральным Центром и сибирским регионом в экономической, социальной и правовой сферах.

Сторонники этой идеи, в частности, сравнивают отношение федерального Центра к Сибири и к Северному Кавказу, который является дотационным регионом. В контексте этого сопоставления звучат идеи о том, что «если власть не хочет покупать русских, то ей придется покупать сибиряков»⁵.

Все это свидетельствует о политизации идентичностей, в частности территориальных и этнических, и о том, что они используются как инструменты политической мобилизации для борьбы за признание, а также за значимые в (со)обществе ресурсы⁶.

Подобные тенденции в целом характерны для современного глобального общества, и с этой точки зрения сибирская идентичность особенно интересна как новый политический проект (в широком смысле слова), поскольку представляет собой один из видов «новой солидарности», способ публичного заявления общности о себе, с тем чтобы добиться признания своих отличий, культурной специфики, социальных и экономических прав.

Понятие «идентичность»: теоретические представления и концептуальное определение

Роджерс Брубейкер и Фредерик Купер в программном тексте о трактовках и способах использования термина «идентичность» в социальных науках⁷ разделяют все существующие определения на пять групп в зависимо-

сти от того, с какими целями используется термин и что с его помощью предполагается подчеркнуть:

- идентичность как глубинное индивидуальное свойство, *ядро «Я» (self)*;
- идентичность как коллективное явление, фундаментальное и последовательное *тождество* между членами одной группы или категории;
- идентичность как *фундамент* социальной или политической активности, не инструментальная, в отличие от «интереса», *основа* социальной и политической практики;
- идентичность как *продукт* социальной или политической активности, процессуальное развитие того вида коллективного самопонимания, которое делает возможным коллективное действие;
- идентичность как случайный продукт многочисленных и соревнующихся *дискурсов*.

В нашей работе «идентичность» рассматривается как **продукт социальной или политической активности**, как *процессуальное, интерактивное* развитие того вида коллективного самопонимания, солидарности или групповой сплоченности, который делает возможным всякое коллективное действие. В то же время «идентичность» здесь одновременно и *продукт*, обусловленный социальной и политической активностью, и *базис*, на котором основываются последующие действия.

По данным нашего исследования, сибирская идентичность, как правило, имеет протестный характер и отражает как особенное отношение сибиряков к родному краю (которое складывается в результате приспособления к сложным жизненным условиям и преобразования среды обитания), так и стремление жителей Сибири добиться диалога с Центром и устранить дисбаланс в отношениях с ним.

Сибирская идентичность (как и любая другая) оформляется в ходе столкновения или соприкосновения с «Другим», когда

собственная принадлежность к социальным группам и сообществам перестает быть «фоновой» и становится социально значимой. Мы придерживаемся деятельностного подхода, в соответствии с которым идентичность не дана изначально (с рождения), не формируется «раз и навсегда» на ранних этапах социализации, а осознается и актуализируется в процессе взаимодействия индивида с окружающей средой и социальной действительностью.

Такой подход предполагает, что идентичность «сибиряк» формируется на протяжении всей жизни, в разных контекстах и ситуациях, и может изменяться во времени. Это

позволяет проследить траекторию (траектории), по которым идет развитие различных вариаций сибирской идентичности, в зависимости от способов взаимодействия индивида с территорией Сибири и от характера включенности индивида в социально-экономические процессы в регионе.

Социально-экономические проблемы региона и формирование сибирской идентичности как протестной

Практически во всех проведенных нами интервью в Омске, Иркутске и Новосибирске⁸ информанты говорили о сходном наборе социально-экономических

Много ли «сибиряков»?

Накануне Всероссийской переписи населения — 2010 стартовала акция «Национальность — сибиряк», призывавшая жителей Сибири указывать «сибиряк» в поле «национальность». Инициатором акции считается житель Красноярска Александр Коновалов. По его словам, «массовое явление сибиряков переписчикам — это не призыв отделяться от России, а попытка привлечь внимание федеральной власти к полукOLONIALному положению территорий, расположенных за Уральским хребтом» (подробнее об этом см. в материале «Русского репортера»: Колония Сибирь // http://rusrep.ru/article/2011/02/22/ot_redakcii). Вскоре после переписи в прессе начали появляться материалы, в которых сообщалось, что сибиряками записались очень многие и, вполне возможно, после публикации итогов переписи встанет вопрос о том, чтобы признать сибиряков новой национально-

стью. На сайте Всероссийской переписи населения даже был опубликован фокус-опрос о возможности и необходимости появления новой национальности «сибиряк» (<http://www.rerepis-2010.ru/news/detail.php?ID=6390>). По разным оценкам, которые приводились до того, как были опубликованы итоги переписи, сибиряками записались от сотен тысяч до нескольких миллионов человек. После публикации предварительных результатов переписи, согласно которым сибиряков оказалось всего лишь 4166 человек (цифра, существенно меньшая, чем предполагали даже самые осторожные прогнозы активистов), последовала волна критических и скептических записей в блогах. Хотя некоторые СМИ с оптимизмом написали о том, что по сравнению с предыдущей переписью сибиряков стало почти в 412 раз больше (см., например, материал издания «Тайга.Инфо» [\[info/news/2011/12/20/~106368\]\(http://news/2011/12/20/~106368\); <http://expert.ru/siberia/2012/01/grazhdanin-s-regionalnyim-ottenkom/>\), доверия опубликованные официальные данные не вызвали.](http://www.tayga-</p>
</div>
<div data-bbox=)

После того как прошла первая волна возмущенных комментариев, идеологи проекта сибирской нации стали предлагать объяснения столь существенному расхождению прогнозов и официальных данных. Основными версиями были недобросовестные действия переписчиков (некоторые из них отказывались писать «сибиряк» в поле «национальность» и записывали сибиряков русскими), а также перегруппировка других национальных категорий. В пользу последней версии свидетельствует тот факт, что численность не указавших свою национальность на последней переписи возросла в несколько раз. (Об этом см., напр., материал Дмитрия Верхотурова «Нас 4 миллиона» (<http://newsbabr.com/print.php?IDE=100804>).

проблем, характерных, по их мнению, для сибирского региона. В числе наиболее актуальных проблем чаще всего упоминались:

- кризис промышленности и связанные с этим проблемы с трудоустройством квалифицированных кадров;
- низкий уровень заработной платы и жизни населения в целом, в результате чего квалифицированные кадры покидают регион и качество человеческого капитала в регионе снижается;
- отсутствие перспектив занятости, в первую очередь для молодежи, вследствие чего молодые люди уезжают из региона;
- несимметричность и слабая урегулированность миграционных потоков (в регион и из региона);
- неразвитость инфраструктуры, особенно транспортной сети и объектов социально-культурного назначения;
- экологические проблемы (загрязнение окружающей среды, бесконтрольная вырубка лесов и т. д.).

Рассуждая о причинах этих проблем, многие высказывали мнение, что они вызваны несимметричными экономическими отношениями между федеральным Центром и сибирским регионом, а также «освоенческой» установкой Центра по отношению к Сибири. Программы освоения составляются исходя исключительно из соображений экономической выгоды, без учета интересов местного населения.

Кроме того, кризис промышленности, начавшийся в 1990-е, привел к краху многих крупных предприятий в сибирских городах, прежде всего это коснулось тяжелой и оборонной промышленности, транспортных предприятий. Кризис промышленности отразился не только на занятости и благосостоянии населения Сибири, но также имел глубокие и тяжелые последствия для образа жизни и самосознания сибиряков. Проведенные интервью показывают, что

закрывшиеся предприятия не только играли огромную роль в социально-экономической жизни сибирских городов, но также обладали в сознании горожан высоким символическим статусом. Они были предметом гордости и придавали сибирским городам, с точки зрения их жителей, особую важность и значимость в рамках всероссийской экономики. Зачастую потеря крупного производства расценивается информантами как снижение статуса города в целом, как отсутствие перспектив дальнейшего развития:

«У нас в городе, у нас погибло будущее, производство разгромлено, а то, что восстанавливается... Вот смотрите, вот завод подъемных машин, он делал лифты на всю страну, он разрушен, и какие-то цехи остались, но это что, это какая-то кустарщина, это ж не индустриальное производство... У Омска нет будущего» (ж., 59, Омск) ⁹.

Многие информанты говорят о том, что с начала 2000-х годов ситуация только ухудшается. Именно с этого времени сибирские предприятия в массовом порядке переходят в руки столичных собственников, в результате чего налоговое резидентство предприятий переносится в столичный регион и, соответственно, сокращаются налоговые поступления в местные бюджеты ¹⁰.

«Нам не принадлежит ничего, все не наше, все создается нами, но это нам не принадлежит, а все принадлежит Москве или Петербургу. Вот даже взять наш нефтяной завод. Он же уже не наш, омский, это конец 1990-х – начало 2000-х. Люди переживают по этому поводу, все возмущены... Это отток денег, конечно же, это же уже не в бюджет региона. Люди переживают, но пока терпят... настолько уже забили людей» (ж., 20, Омск).

Тогда же стали продавать частным собственникам из несибирских регионов и сибирские земли, включая муниципальные. В результате доступ местных жителей к этим землям, зачастую расположенным в рекреационных и курортных зонах, оказался ограниченным.

«Приехал к другу – у него дача по Байкальскому тракту, давно уже. И там турбаза геологов, что ли, была – там минеральный источник... В очередной раз приезжаю, поехали, говорю, воды наберем минеральной. А все, говорит, уже не заедешь туда – все скупили, Москва. Поставили забор, охрану – и все, вход закрыт. И это давно происходит, повсеместно – скупаются берег Байкала... даже к воде уже не так просто подойти, коттеджи строят, например, метрах в двадцати от берега. Но берег тоже огораживают, незаконно, естественно» (м., 50, Иркутск).

Подобного рода факты вызывают у сибиряков недовольство и протестные настроения, которые приобретают характер протеста против политики федерального Центра и приводят к четкой дифференциации и противопоставлению между Москвой и Сибирью, Центром и регионами. При этом роль местных, региональных властей в большинстве случаев также оценивается негативно, но информанты не рассматривают их как отдельную, самостоятельную силу, а воспринимают как людей, которые либо состоят на службе у Москвы, либо вынуждены уступать давлению из Центра. Термины «Москва» и «москвичи» в данном контексте употребляются информантами как синонимы федеральной власти и столичных коммерческих структур.

Наше исследование показывает, что именно это противопоставление нередко служит

основой для формирования сибирской идентичности. Из ответов жителей Сибири отчетливо видно, насколько важен для самоидентификации «сибиряков» контекст осознаваемых ими различий между европейской Россией, Москвой, и «тем, что за Уралом», – азиатской Россией и Сибирью. Эти различия касаются, прежде всего, отношения Центра к сибирской территории, к способам ее освоения, которые часто описываются информантами как отношения между метрополией и колонией:

«Есть Москва, и есть вся остальная страна. Но к провинции европейской части России нет отношения как к колонии. Вроде та же нищета, но такого целенаправленного наплевательского отношения и выкачивания ресурсов не видно. А к Сибири есть отношение как к колонии. Это очень чувствуется» (м., 44, Иркутск).

«Москва дает – лишь бы не потонули, по минимуму, у хозяина свои цели, а хозяин – Москва» (ж., 48, Омск).

Смена собственников и руководства многих сибирских предприятий на столичных резидентов приводит к изменению стиля управления, что также часто оценивается крайне негативно:

«Приезжает мальчик из Москвы, 25–30-ти лет, и у него одна задача – отжать денег. Надо ханнуть в течение двух–трех лет, и что потом будет, его не волнует в принципе. Это колонизаторское отношение в худшем смысле» (м., 44, Иркутск).

Потребительское отношение к региону информанты отмечают и в тех случаях, когда, казалось бы, речь идет о развитии и инвестициях в регион. Однако подобное «развитие»,

с их точки зрения, проводится без учета интересов населения, имеет почти исключительно торговую ориентацию, рассчитанную на быстрое получение прибыли, а не на долгосрочное развитие региона:

«У нас вот недавно открыли новый торговый центр, московский. Я не знаю, кому он нужен, кто там что будет покупать, люди, которые могут себе позволить там одеваться, одеваются где-нибудь в Лондоне, лучше бы детских садов еще построили» (ж., 25, Омск).

«И вот этот завод загибался, загибался и в конце концов умер, а на его месте сейчас построили торговый центр, ну хоть двести человек там работу получили, и то хорошо» (м., 40, Иркутск).

Зачастую чувство несправедливости и несимметричности отношений с Центром усугубляется видимыми противоречиями, несоответствием между богатством региона, имеющимися в нем ресурсами и сравнительно низким уровнем жизни, относительной депривацией жителей региона:

«Так уж природой устроена экономика, что ресурсы у нас, и правильно, что мы их часть отдаем туда, за Урал, но хотя бы часть нам верните, чтобы мы могли тоже жить нормально, с учетом долгой зимы, сурового климата и расстояний... А получается, что регион богатейший, а население бедное» (м., 60, Новосибирск).

«Например, почему-то у нас бензин дороже 28 рублей, а в Красноярске – недавно я ездил – 25.40. Хотя у нас тут своя нефть, нефтеперерабатывающий завод в Ангарске, а цены на бензин почему-то всегда выше» (м., 50, Иркутск).

«Вот Усть-Кут – районный центр, где добывают нефть. Он каждую зиму замерзает. Почему? Да потому что им же продают газ-конденсат, отходы от добычи нефти, слишком дорого для их котельных. Ну, они же видят это все, конечно» (ж., 32, Иркутск).

В сознании информантов социально-экономическое и культурное пространство России строится на противопоставлении «Москва vs. Сибирь» или «Центр vs. регионы». Этим же противопоставлением, по их мнению, обусловлены проблемы сибирского региона. В результате возникает протестная форма самоидентификации «сибиряк», основанная на осознании «колониального» положения Сибири.

Ощущение «колониальности» и несправедливости тем острее, чем ближе человек на собственном опыте столкнулся с проявлениями несимметричных отношений «Центр – регионы»:

«Вот недавно была в поселке, через них проходит эта труба. По ней куда-то утекает нефть. Нефть утекает на восток, деньги – на запад, а они сидят в полуразрушенной деревне, которая вымирает... при этом у них есть телевизоры, они видят, сколько стоит эта нефть, видят, на каких машинах приезжает начальство, и понимают, что что-то здесь не так... Вообще от таких постоянных напоминаний о твоей вторичности может назреть протест» (ж., 32, Иркутск).

Из-за того, что в регионе меньше возможностей и ниже уровень жизни, молодые, образованные, амбициозные люди уезжают, и регион лишается квалифицированных кадров:

«В последние 12 лет – волна отъезда лучших специалистов из города, во все направления – Москва, Питер,

Новосибирск, Екатеринбург, – оценки разные, но на десятки тысяч счет идет. А замещение мигрантами из Казахстана, что сказывается на человеческом потенциале... В последние годы уезжают и врачи, и инженеры, и это вымывает кадровую базу региона» (м., 27, Омск).

Информанты старшего поколения сравнивают современную Сибирь с Сибирью советских времен, при этом советские времена вспоминаются как годы развития и процветания региона, как «золотой век», когда Сибирь занимала достойное место в экономике страны, а сибиряки, как все советские люди, чувствовали заботу руководства страны.

«Советская эпоха была золотым веком по части культуры, науки, образования, а сейчас провал полнейший, и полный цинизм власти – лгут, лгут, лгут» (м., 55, Омск).

«В советское время мы, как говорится, “были всем”, у нас же были в основном оборонные заводы, и самолетостроение... к нам космонавты из Звездного приезжали, а сейчас у нас же ничего не осталось» (ж., 59, Омск).

При этом, по мнению информантов, жизнь в европейской части СССР и в Сибири в те времена не различалась с точки зрения патерналистских установок центральной власти. Везде была «забота о простом человеке».

«Я вот вспоминаю, я детство провела в маленьком городке Тульской области. У нас школа была прекрасная, кабинеты были оборудованы всем, и кабинет физики, и химии... А потом, уже в Иркутске, когда я ушла в декрет и родила двух детей подряд, я такое получала пособие на детей... это были огромные деньги» (ж., 47, Иркутск).

В текстах интервью неоднократно противопоставляется патернализм советского государства, единый для всей страны, и сегодняшние реалии рыночной экономики в колонии. Из этого противопоставления возникает ощущение, что нынешняя Сибирь отделена от центральной части России. Сегодня сибиряки не видят, чтобы Центр заботился об их благосостоянии, а лишь раз за разом оказываются свидетелями того, как эксплуатируются их земля и недра. Именно поэтому они не чувствуют себя равноправной частью единой страны, в результате рождаются чувства ущемленности, отделенности и отдаленности, а из этого вырастает протестная идентичность сибиряков.

«Если Сибирь рассматривается как кладовка Москвы, а сибиряки как люди второго сорта, то идет объединение через негативную идентификацию» (м., 62, историк, Иркутск).

«Если Сибирь долгое время оставлять на положении колонии – когда мы отдаем все, а получаем по остаточному принципу, – протестные настроения могут превалировать» (м., 60, экономист, Новосибирск).

В представлении людей с высоким уровнем образования и рефлексии, занимающих активную гражданскую позицию, формирование сибирской идентичности чаще всего видится как логическая цепочка «осознание проблем региона – ощущение несправедливости и колониальности – недовольство и стремление сигнализировать о них Центру – сибирская национальная идентичность как способ коммуникации с властью». К их числу относятся гуманитарная интеллигенция, журналисты, предприниматели, блогеры.

В интервью с этой категорией информантов критерии, по которым определяется общ-

ность «сибиряки», соответствуют двум типам обоснования сибирской нации, упомянутым во вводной части статьи («собственно национальные» и политические). Так, особенности менталитета, языка, характера, по мнению информантов, вполне могут выступать как основание (большее, чем просто территориальный или региональный признак) для выделения общности «сибиряков»:

«Сибиряк – нормальная дефиниция, она не подразумевает дробления русского народа, но ввиду того, что есть отличия в говоре, есть явное отличие в менталитете, не принципиальное, но оно есть. Значит, определенная общность существует. Раз существует, значит, она должна как-то называться. «Сибиряк» – это название для нее логичное, не нами придуманное, и отрицать его не имеет смысла» (м., 40, журналист, Иркутск).

«Национальность формируется на основе общих стандартов поведения. В США и итальянцы, и ирландцы – члены американской нации, хотя совсем разные культуры, но общие стандарты поведения. Так же у сибиряков: у них стандарты поведения связаны с суровым климатом – более устойчивые к трудностям и более дружные» (м., 27, Омск).

Также отмечается наличие у сибиряков общей культуры и истории, которая в настоящее время забывается. В рамках акции «Национальность – сибиряк» (подробнее об этой акции см. поддержку на с. 64) большое место отводилось изучению истории малой родины сибиряков и «напоминанию» о ней:

«Сейчас в школах дети как изучают историю: знают все про Рим, про Карфаген, но о Сибири не знают ничего, не говоря уже о том, как флаг Сибири выглядит».

Люди не знают истории своего родного края – сибирские песни, сибирский говор...» (м., 33, Новосибирск).

Кроме культурных и «ментальных» характеристик, объединяющих сибиряков, в интервью – в том или ином виде – встречается понимание сибирской общности как новой политической солидарности, основанной на осознании жителями территории своих прав на своей земле.

«Национальность “сибиряк” – я чувствую обоснованность этого... Как социолог, я вижу, что это то, что людям нужно сейчас, это может стать новой солидарностью, важной частью самосознания. Эта земля – это не просто вода или углеводороды. Это не просто территория, это еще и история этой земли, это люди. Я сибиряк, я это чувствую. Это ощущение. Это чувство, что эта земля ценна... Свои права растут из своей земли. Если мы, сибиряки, существуем, то существует и наша земля (выделено нами. – А.А., О.Е.). Не как ресурс – в литрах воды и кубометрах газа, а как земля со своей историей и культурой. Это сигнал...» (ж., 32, социолог, Иркутск).

В интервью иногда встречаются последовательные рассуждения о том, как формирование политической нации сибиряков может способствовать тому, чтобы интересы населения региона реализовывались более эффективно. Однако в этом нет каких-либо сепаратистских намерений:

«Я категорически не согласен с областниками, отделение никаких проблем не решит. У нас жуткая централизация, решения принимаются наверху, если мы что-то и думаем, это никого не интересует, как будто люди наверху работают, а мы им мешаем. Эту проблему не решить, если

не менять структуру, логику управления, если не децентрализовывать. Здесь как раз выход – политическая нация, народ, который живет на этой земле и хочет дальше на ней жить, поддерживая ее в человеческом состоянии, и готов предпринять что-то ради этого» (м., 33, Новосибирск).

Но чаще все же подчеркивается вынужденный характер такой солидарности:

«От хорошей жизни не будешь создавать проекты политической нации... Это же как простого человека нужно достать, чтобы он с утра просыпался и думал о том, что он – сибиряк» (м., 62, Иркутск).

Таким образом, акция «Национальность – сибиряк», по мнению многих наших информантов, возникла как отклик на несправедливость и дисбаланс в отношениях с Центром и не имела целью признание сибиряков как отдельной национальности. На основании проведенных интервью можно сказать, что идея о том, что «сибиряк» – это «национальность», широкой поддержки среди жителей региона пока не находит:

«Но пока [сибиряк] это не национальность. Я считаю, что процесс поиска такой национальной идентичности начнется, когда “припрет”. Национальностью она может стать “от голода”: если у людей возникнет дефицит позитивного проекта, а федеральный Центр не предложит позитивного проекта или то, что предложено федеральным Центром, будет заведомо “мимо”; люди начнут думать... как им чем-то стать» (м., 40, Иркутск).

Проект «Национальность – сибиряк» стал формой политического высказывания,

каналом коммуникации с Центром, благодаря которому люди надеются быть услышанными, надеются обратить внимание на проблемы региона, призвать власти к диалогу и сотрудничеству по поводу их решения:

«Национальность “сибиряк” приветствую. Хоть так сигнал подать» (м., 44, Иркутск).

«Мы хотим, чтобы нас услышали. Мы не хотим никакого развала, мы хотим, чтобы услышали: мы есть, мы существуем и у нас есть свои интересы» (ж., 32, Иркутск).

Почти в каждом интервью звучит противопоставление «мы» и «они» и подчеркиваются различия между этими двумя категориями. Подспудно или открыто практически каждый, с кем нам довелось побеседовать, причисляет себя к общности сибиряков, которая по ряду признаков (характер, интересы, условия жизни) отличается от других общностей. Однако не у всех это перерастает в открытую и осознанную протестность. Еще реже протестность становится основой для активных и солидарных действий.

Региональное самосознание и гражданская активность

Наше исследование показывает, что протестность принимает открытые и деятельностные формы в случаях, когда затронуты жизненно важные интересы либо когда задевается некая особо значимая (сакральная) коллективная ценность.

Примером коллективной солидарности, возникшей на основе жизненных интересов, может служить сообщество «байкальских поморов». Это жители русских и бурятских деревень на побережье Байкала, имеющие исторически общие традиции природопользования. Их образ жизни был поставлен

под угрозу в ходе реализации на побережье Байкала одной из федеральных программ:

«В том же прибайкальском районе строят особую экономическую зону – “Байкальская гавань”, кажется. Дорогу там строят, горнолыжный комплекс, 100-звездочную гостиницу... А местных согнали с берега, и они волнуются, что это только начало... И пошли записались поморами, чтобы защитить свои права, чтобы их услышали, побережье не забирали, дали жить, где они живут... По новым законам о браконьерстве вообще весь их традиционный вылов становится нелегальным, а это существенная часть рациона... То есть они должны заявить о себе как о группе, чтобы получить права просто на то, чтобы жить так, как они всегда жили» (ж., 32, Иркутск).

Из проведенных нами интервью очевидно, что природа края для сибиряков, будучи ключевой составляющей их образа жизни, является особой ценностью и служит еще одним важным основанием для коллективной солидарности. Жизнь в Сибири – это прежде всего жизнь в тесной связи с природой, что в сознании сибиряков исключительно значимо и существенно отличает их образ жизни от образа жизни в других регионах России.

«Сибиряк – житель природы, не столько города, сколько природы... и если вся Москва с 4 вечера до 12 ночи стоит в пробке, потому что все едут на дачи, на природу, то здесь прошел 500 м, и ты уже на природе, практически дикой» (м., 29, Новосибирск).

«Природа [в жизни сибиряка] – для меня очень важно. Это должен быть обязательно снег, лес, валенки... тайга непроходимая, непролазная...» (ж., 32, Омск).

Именно поэтому солидаризация нередко происходит вокруг экологических угроз и проблем, когда природе региона наносится ущерб. В этих случаях протест сопровождается актуализацией локальных и региональных идентичностей, которые становятся основой новых солидарностей. Ярким примером может служить борьба против «трубы» на Байкале.

«Байкал как сакральная ценность объединяет очень разных людей в регионе, людей, которые в других обстоятельствах даже не разговаривали бы друг с другом. Их региональная идентичность строится вокруг Байкала» (м., 62, историк, Иркутск).

Следует отметить, что в таких случаях локальные идентичности выходят на первый план по сравнению с другими:

«Если говорить о приоритетах, то Байкал на первом месте, конечно, а держава потом» (м., 62, историк, Иркутск).

Когда сакральная для многих ценность оказывается в опасности, это дает начало коллективной солидарности с мощным деятельностным и протестным потенциалом:

«В 2006 году у нас были массовые митинги в защиту Байкала, и многие говорят, что для них это было поворотным моментом, когда они поняли, что хотят что-то делать и что это может быть успешным... Это была мощная кампания, которая затронула не только экологическую проблему, но и права живущих здесь людей. В Иркутске даже перестройка началась с экологических митингов, когда трубу Байкальского целлюлозно-бумажного комбината хотели в Воркуту перекинуть, и люди все вышли на улицы, реально как река по улицам текла... То есть люди как-то увязывают свои права со своей землей» (ж., 32, Иркутск).

Другими примерами солидаризации на основе экологических интересов могут служить протесты против вырубки деревьев и точечной застройки в сибирских городах.

«И когда я в городок теперь приезжаю, то меня больше всего огорчает, что вырубил лес, поставили там эти домики, что засоряют пляж этими пакетами. Хотя, казалось бы, что у нас природы этой до черта. Но тем не менее» (м., 29, Новосибирск).

Различия в характере и менталитете людей становятся еще одной «линией водораздела» между Сибирью и европейской частью России, а также основанием, на котором формируется общность сибиряков. В интервью содержатся описания «сибирского характера» и подчеркивается его отличие от характера жителей других российских регионов. При этом отмечаются такие качества сибиряков, как коллективизм, ценность неформальных отношений между людьми и дружеских связей:

«Сибирский характер, в отличие от европейского характера, – это меньшая направленность на успешность социальную, большая ценность неформальных человеческих связей, дружбы, если друг просит помочь, то ему надо помочь, даже если тебе будет плохо» (м., 44, Иркутск).

«В Москве – всеобщая отстраненность, например, в транспорте. Люди вроде здесь, а вроде и нет. А у нас и познакомишься в маршрутке, и обсудишь все» (ж., 20, Омск).

В то же время в числе отличительных черт сибирского характера – упорство, выносливость, надежность:

«Сибиряки более упертые, более выносливые. Опять же сюда следи каторжан, у

них тоже был упертый, сильный характер. Его сюда следи, думали, он загнет, а он выжил» (ж., 45, Иркутск).

«На юге люди более расслабленные, они больше беспокоятся о семье, здоровье, досуге... Сибиряки напористые, упорные, ориентированы на результат» (ж., 20, Омск).

Из интервью видно, что сибирский характер является не только «автостереотипом» или некоторым набором самоописывающих мифов, но также и категорией, имеющей смысл и сходное наполнение для «несибиряков»:

«И вот этот американец меня спрашивает: “А почему вы не похожи на других русских, которых я видел, вы совсем другие?” А я говорю: “Потому что мы из Сибири”» (м., 50, Новосибирск).

Выносливость сибиряков напрямую связана с их терпеливостью. Эта черта сибирского характера также отмечается в интервью:

«Сибиряки – терпеливые люди, очень долго терпят, иногда слишком долго» (ж., 26, Омск).

Во многих интервью отмечалось, что недовольство людей достигло высокого уровня, но протестного взрыва пока не происходит как раз из-за того, что люди привыкли терпеть долго, и потому будут терпеть и дальше:

«Люди, конечно, переживают, но пока терпят... Я думаю, что есть у сибиряков сила, но, может быть, она никогда себя не проявит... хотя... как знать...» (ж., 20, Омск).

Еще одна черта сибирского характера – это «предрасположенность к свободе». В Сибири

не было крепостного права, зато там оказывалось много бунтарей-ссылных, что, по мнению информантов, хотя и в меньшей степени, но ощущается в Сибири и в наши дни:

«Можно говорить о том, что предпосылкой формирования сибирского характера могло бы быть то, что здесь не было крепостного права. После... ситуация стала несколько более размытой – массивные миграции... А до революции – да, это была большая ценность свободы и самостоятельности, чем в центральной России» (м., 27, Омск).

Такая «предрасположенность», казалось бы, может быть дополнительным «катализатором» для протестных настроений. Но у нее есть и другая сторона: свободолюбие зачастую оборачивается неумением договариваться, приматом собственной правоты перед готовностью идти на компромисс и действовать сообща:

«У нас люди несговорчивые... каждый сам за себя. С одной стороны, есть солидарность... а с другой стороны – на два человека три мнения, каждый знает, что точно делать, и бывает сложно договариваться. Все точно знают, что нужно делать, и делают себе спокойно, каждый свое. По отдельности – неплохо, но вместе часто не очень хорошо получается» (м., 33, Новосибирск).

Похоже, что «сибирский характер» как основа для коллективных действий – конструкция противоречивая: с одной стороны, в нем заложена склонность к свободе и некоторый градус бунтарства. С другой стороны, отсутствует привычка договариваться, а также нет навыков коллективных действий. Это зачастую не дает возможности жителям сибирского региона действовать конструк-

тивно и согласованно, с тем чтобы выразить свои интересы и защитить свои права. (Исключение составляют ситуации, когда затрагиваются действительно жизненно важные интересы людей.)

Заключение

Рост регионального самосознания, который в последние годы наблюдается в сибирском регионе, имеет существенную протестную составляющую и в значительной мере связан с осознанием несправедливого отношения федерального Центра к местным жителям. Многие жители Сибири начинают осознавать проблемы региона и воспринимать их как свои собственные, задумываться о том, что каждый человек может сделать для того, чтобы жизнь людей в регионе стала более достойной и благополучной.

Наше исследование показывает, что в настоящее время нет согласованности между самосознанием (которое основано на ощущении несправедливости и зачастую сопровождается желанием и готовностью делать что-то, дабы изменить неблагоприятное положение дел) и собственно гражданской активностью, которая могла бы стать выражением и способом реализации оформляющихся региональных интересов. Подобная несогласованность объясняется как факторами регионального уровня (условия жизни, ментальность, миграция), так и низким уровнем доверия и оптимизма по поводу возможного позитивного эффекта от гражданской активности и коллективных действий в России в целом.

Однако нынешнюю ситуацию нельзя назвать устойчивой. Осознание, актуализация и мобилизация коллективных интересов происходит стремительно. Активисты гражданских движений в Сибири ищут все новые способы, чтобы привлечь внимание властей и широкой общественности к проблемам

региона и пытаюсь призвать Центр к диалогу. В частности, был снят документальный фильм о проблемах Сибири¹¹, предпринята попытка учредить Сибирскую национально-культурную автономию¹². Что же касается населения Сибири в целом, то постепенно накапливаются позитивные примеры того,

как коллективные действия людей заставляют учитывать их интересы. Как будут развиваться события, во многом зависит от того, удастся ли властям и пробуждающемуся гражданскому обществу вступить в конструктивный и плодотворный для обеих сторон диалог о будущем Сибири. ■

ПРИМЕЧАНИЯ¹ В числе новых национальных самоидентификаций появились, в частности, поморы. Подробно о том, как устроена и формируется графа «национальность», см.: *Тишков В.А.* О Всероссийской переписи населения 2010 года: разъяснения для ретроградов и националистов и предупреждения для чиновников и политиков // Этнологический мониторинг переписи населения. Под ред. В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 15–30 (<http://demoscope.ru/weekly/2011/0491/nauka02.php>).

² В настоящее время существует как минимум две организации, активно поддерживающие идею «сибирской нации»: «Сибирская национальная автономия» (зарегистрирована в конце 2011 года) и «Сибирский державный союз». Кроме того, в «Живом журнале» есть сообщество «Настоящие сибиряки», насчитывающее 388 участников.

³ Характеристики сибирской нации приводятся по: *Верхотуров Д.* Что такое сибирская нация? Аудиозапись лекции 13.10.2011 (<http://schriftsteller.livejournal.com/632355.html>).

⁴ Автор отмечает, что основной целью является признание сибиряков как сильной и активной нации внутри многонационального государства, а вовсе не отделение Сибири от России. Важно, что в представлении идеологов сибирского национального движения «сибиряк» — это не просто территориальная или региональная общность, но «полноценная» национальная общность, имеющая общую историю, культуру, традиции, мировоззрение и даже язык.

⁵ *Антитип В.* Гражданин Сибири: Почему русские за Уралом больше не хотят быть русскими // Русский репортер. 2011. 22 февр. № 07 (185) (<http://rusrep.ru/article/2011/02/22/sibir>). В последнее время в прессе появляется все больше материалов, в которых обсуждается «колониаль-

ное» положение Сибири и социальные последствия такого положения. См., напр., серию публикаций в журналах «Эксперт–Власть», «Эксперт–Сибирь», «Русский репортер».

⁶ *Брубейкер Р., Кунер.Ф.* За пределами идентичности // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 61–115; *Тишков В.А.* Межэтнические отношения и конфликты: перспективы нового тысячелетия // *Антропология власти: Хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. Т. 2: Политическая культура и политические процессы*. СПб., 2007. Цит. по: *Акопов С., Розанова М.* Идентичности в эпоху глобальных миграций. СПб. ДЕАН, 2010. С. 34–35.

⁷ *Брубейкер Р., Кунер.Ф.* Указ. соч. С. 73–76.

⁸ Чтобы в определенной мере учесть региональные особенности и локальные различия сибирской идентичности, наше исследование проводилось в нескольких сибирских городах, разных с точки зрения географии, истории и культуры частях Сибири. Новосибирск представляет собой центр «новой Сибири» и отличается высокой политической культурой, развитыми формами гражданского контроля и культурного протеста. Иркутск — исторический, административный и культурный центр «старой Сибири». История его развития уходит во времена царской России (город основан в 1661 году), а его жители имеют более продолжительную — в историческом масштабе — укорененность в регионе по сравнению с молодыми сибирскими городами. Кроме того, Иркутск известен активной гражданской позицией жителей города, а также примерами результативных коллективных действий (один из показательных примеров — это опыт «Байкальского движения» в истории с проектом строительства нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан». Подробнее о движении и его эффективности см. материал БАБР.ру: «Феномен гражданского протеста: опыт

и уроки «Байкальского движения»» (<http://news.babr.ru/?IDE=35255>). Омск сочетает в себе черты как старой, так и новой Сибири. Город основан в 1716 году, в настоящее же время является одним из промышленных и торговых центров современной России и Сибири. «Приграничность» Омска и тесное взаимодействие с Казахстаном оказывает влияние на локальное самосознание. Кроме того, необходимо отметить, что в данной работе речь идет только о городских идентичностях прежде всего потому, что связка «идентичность – региональное самосознание – гражданская активность» работает с большей очевидностью там, где развита публичная сфера и хоть в какой-то мере присутствуют формы гражданского участия, диалога, выражения.

⁹ В ходе исследования проводились интервью с городскими жителями, по-разному включенными в социальную жизнь своих городов (с точки зрения биографии, профессии, социального статуса), а также с «экспертами» – специалистами, профессиональная деятельность которых связана с теми или иными аспектами жизни в Сибири. Здесь и далее в круглых скобках дана минимальная информация об опрошенных. В случае с рядовыми жителями городов – это пол, возраст и город проживания, в случаях же с «экспертами», помимо этой информации, указывается еще и профессия.

¹⁰ Герасименко О. Как колонией была, так и останется // Коммерсантъ Власть. 2012. 16 апр. № 15 (969) (<http://www.kommersant.ru/doc/1907724>).

¹¹ Фильм «Нефть в обмен на ничего», рассказывающий об инфраструктурных проблемах сибирского региона (прежде всего плохие дороги) и об укорененности этих проблем в несимметричных отношениях между Сибирью и федеральным Центром, был снят Артемом Лоскутовым и Дмитрием Марголиным в 2011 году и показан в ряде сибирских и российских городов. Полная версия фильма доступна для просмотра в Интернете. Подробности о фильме – на сайте проекта: <http://oil-for-nothing.ru/>

¹² Конференция по вопросу создания Сибирской национальной автономии прошла в Новосибирске 1 марта 2012 года. Инициаторами выступили Александр Бакаев, председатель правления НРОО «Ассоциация обманутых дольщиков и инвесторов»; Яков Новоселов, директор Сибирского федерального центра оздоровительного питания; Евгений Митрофанов, исполнительный директор новосибирского общественного фонда защиты прав потребителей, а также режиссеры фильма «Нефть в обмен на ничего» Дмитрий Марголин и Артем Лоскутов. Подробнее о конференции и целях создания автономии см. здесь: <http://globalsib.com/13898/>

Символическое единство нации?

Репрезентация макрополитического сообщества в предвыборной риторике Владимира Путина | **ОЛЬГА МАЛИНОВА**

Выборы — это всегда проверка политической системы на прочность: даже если никто не оспаривает правила игры, а фавориты известны заранее, в начале электоральной кампании невозможно знать наверняка, какой расклад сил сложится по ее итогам и каким будет новый политический курс. Что не менее существенно, действия участников электоральной гонки способствуют фрагментации общества: стремясь мобилизовать поддержку избирателей, они не только раздают обещания, но и конструируют виртуальные границы между «своими» и «чужими», чем способствуют «цементированию» сложившихся или наметившихся социальных размежеваний. Таким образом, устойчивость политической системы, вступившей в зону электоральной турбулентности, зависит не только от легитимности правил, которая поможет проигравшим смириться с поражением, но и от того, насколько крепки узы солидарности, связывающие политическое сообщество поверх социальных и идеологических барьеров.

На заключительном этапе электорального цикла 2011–2012 обе «подушки безопасности» оказались недостаточно надежны. После выборов в Думу правила игры были поставлены под сомнение массовыми протестными акциями; требование пересмотра декабрьских результатов стали платформой, на которой впервые удалось сплотиться широкой «внесистемной» оппозиции. Вместе с тем обилие нерешенных проблем, связанных

с формированием коллективной идентичности в постсоветской России¹, давало все основания предполагать, что «национальный вопрос» в различных его измерениях станет одной из ключевых тем избирательной кампании, а неудачные шаги на данном направлении чреваты не только потерей голосов, но и расшатыванием гражданской солидарности. Хотя результат президентских выборов был в общем-то известен заранее, их последствия для политической системы определялись в жесткой политической борьбе, в том числе — и на символическом поле.

Настоящая статья посвящена одному из аспектов этой борьбы — репрезентации коллективной идентичности макрополитического сообщества, стоящего за Российским государством, в предвыборной риторике победившего кандидата — премьер-министра Владимира Путина, и ее «прочтению» представителями отдельных сегментов политического спектра*.

* Выбор в качестве объекта рассмотрения риторики именно Владимира Путина не свидетельствует о невнимании к повесткам других кандидатов: они, безусловно, заслуживают самостоятельного анализа. Однако, поскольку рамки статьи не позволяют охватить картину идейно-символической конкуренции в полном объеме, представляется целесообразным сосредоточиться на кампании Путина и реакции на нее со стороны различных политических сил, тем более что ее сопоставление с идеологическими практиками предыдущих восьми—двенадцати лет позволяет оценить наметившиеся сдвиги.

Принцип «единства» перед вызовом негативной мобилизации

Как известно, символическая политика ²

Путина в период его первых двух президентских сроков заметно отличалась от политики его предшественника. В условиях конфликтного плюрализма 1990-х годов российскому политическому классу не удалось справиться с задачей производства смыслов, способных консолидировать макрополитическое сообщество. В 2000-х был взят курс на установление «согласия сверху» путем ограничения плюрализма в «ядре» публичной сферы; одновременно была предпринята попытка внедрения своего рода «частичной» идеологии, эклектически сочетающей элементы разных дискурсов. Эта стратегия оказалась относительно успешной с точки зрения «замораживания» символических конфликтов и консолидации «путинского большинства» вокруг набора аморфных идей, символов и жестов, оставлявших простор для разных интерпретаций. Однако она не привела — и вряд ли могла привести — к формированию *содержательного* общественного консенсуса относительно системы ключевых ценностей, поскольку не была нацелена на «проработку» различий в их интерпретациях, без которой невозможен критический синтез. Как верно подметили Ирина и Святослав Каспэ, основным посылом путинской символической политики был «призыв к тотальной консолидации», сопровождавшийся «фобией любых разделений внутри пространства консенсуса» ³. Дискурс прокремлевской части политической элиты был сосредоточен вокруг нескольких узловых концептов («сильное государство» (2000), «суверенная демократия» (2005), «модернизация» (2009) и т. п.), которые по-разному интерпретировались разными акторами ⁴. В годы президентства Дмитрия Медведева наблюдалась некоторая «специализация» в том, как использовались элементы ранее сложившегося набора смыс-

лов, и в его дальнейшем развитии, однако оставалась неизменной общая линия на воспроизводство гегемонистского дискурса, эклектически сочетающего идеи, способные импонировать публике. Функционирование власти в режиме «тандема» не предполагало внятной артикуляции различий в определении политического курса.

Описанная выше стратегия может быть успешной только при условии, если отсутствует серьезная конкуренция со стороны альтернативных систем смыслов. Очевидно, что это условие обеспечивалось не только символическими, но и административными средствами, и поддерживалось политической апатией общества. Однако с декабря 2011 года до марта 2012-го в результате протестного движения ситуация изменилась. Власть оказалась вынуждена пойти на частичное ослабление режима цензуры и пообещать политические реформы. И хотя начавшийся общественный подъем обнаружил острейший дефицит предложения на идеологическом рынке, возникновение протестного ядра, сплотившегося вокруг «негативной повестки», уже само по себе требовало корректировки прежнего символического курса, который был нацелен на демонстрацию «единства». Правящая элита оказалась перед выбором: либо сосредоточить усилия на адаптации прежней стратегии «солидарности большинства» в расчете на маргинализацию протестующего меньшинства, либо сделать ставку на раскол в его рядах, частично перехватив лозунги оппозиции и применив более адресный подход к мобилизации поддержки (что так или иначе требовало артикуляции различий). И тот и другой путь таил в себе определенные риски. Первый — потому что в условиях подъема общественной активности технологии, направленные на обеспечение «единства» за счет игнорирования различий, могут не сработать и даже оказаться раздражающим фактором. Второй — потому что

действия правящей элиты могут расшатать хрупкие узы гражданской солидарности и привести к «цементированию» идентичностей, которые могут быть мобилизованы другими игроками. Как будет показано ниже, на практике использовались обе стратегии, причем их роль в ходе кампании менялась.

Избирательная кампания Путина: от мобилизации поддержки к манифестации солидарности

Следует признать, что кандидату Путину удалось совершить резкий тактический поворот: он не только максимально дистанцировался от «Единой России», «запятнавшей» себя победой в думской кампании, которую многие в России сочли нечестной, но и достаточно эффективно использовал печатную прессу — инструмент публичной коммуникации, прежде игравший в битвах за электорат в лучшем случае второстепенную роль. Вдобавок к размещенной на официальном сайте еще в ноябре 2011-го программе, составленной для кандидата от партии «Единая Россия», Путин и его команда подготовили серию из семи программных статей, еженедельно публиковавшихся в ведущих федеральных газетах. Разумеется, кампания сопровождалась каждодневными появлениями Путина на телеэкране, чему немало способствовала премьерская должность кандидата; встречами с различными адресными аудиториями (причем Народному фронту демонстративно отдавалось предпочтение перед «Единой Россией»); беспрецедентно широкой кампанией в Интернете⁵, а также организацией многотысячных митингов в поддержку Путина. Коммуникативные и административные технологии работали в комплексе. Однако публикация статей, которые одновременно с появлением в печати становились доступны в Интернете и были явно адресованы новому «среднему классу», стала решающим шагом, который позволил

Путину захватить инициативу в кампании. Благодаря преимуществам печатного текста, располагающего к анализу, а также сопоставлению и аргументированной критике, статьи оказывались не просто информационными поводами, но объектами обязательного соотнесения для политической и интеллектуальной элиты. Симметричной реакции со стороны конкурентов не последовало⁶, однако в журналистской и экспертной среде опубликованные тексты получили самый широкий резонанс. Отношение к путинским статьям было разным: одни критиковали их всерьез, другие призывали не рассматривать их как «заявление о реальных намерениях», ибо «нет никаких гарантий даже того, что формальный автор текстов их читал»⁷, третьи разыскивали первоисточники, «вдохновлявшие» копирайтеров⁸, четвертые, напротив, уверяли, что, «судя по стилю, текст был написан самим премьером»⁹. Однако сути дела это не меняет: опубликованные от имени кандидата Владимира Путина статьи стали значимым фактором идеологической демаркации, побуждая представителей различных сегментов политического пространства к ответным высказываниям.

Хотя с точки зрения набора обещаний между ноябрьской программой, подготовленной «Единой Россией», и опубликованными в январе–феврале статьями прослеживается определенная преемственность, в том, что касается репрезентации адресата этих обещаний, налицо примечательные различия. За несколько месяцев, разделяющих публикацию данных текстов, российское общество успело заметно перемениться. В программе «Единой России» традиционно¹⁰ практически отсутствуют какие-либо «они» — «наши» партнеры, конкуренты или противники, выступающие в качестве независимых политических *субъектов*, с которыми необходимо выстраивать отношения при реализации собственных планов. Местоимение «мы» (авто-

ры программы употребили его 62 раза) указывает на разные множества, между которыми не проводится четкая дифференциация: иногда это партия «Единая Россия», власть или правящая элита, а иногда союз партии и граждан или вся Россия.

Этот прием вообще часто используется в различных политических программах: предполагается, что избиратель «незаметно» переносит свое отношение с сообщества в целом на партию/кандидата. В качестве «других», с которыми «нам» приходится

русского общества в статьях Путина¹². Местоимение «мы» здесь также упоминается как в широком значении (власть + граждане, страна), так и в узком (правящая элита). Спектр соответствующих ему существительных несколько шире: не только «Россия», «народ», «общество», «россияне», но и — правда, только в одном из семи текстов — «нация» и «русский народ» (см. рис. 1 на с. 80). Если в программе, подготовленной ЕР, для обозначения тех, с кем приходится иметь дело правящей элите, вариант номинации, предполагающий некото-

“В программе «Единой России» отсутствуют какие-либо «они» — «наши» партнеры или конкуренты — выступающие в качестве независимых политических субъектов”.

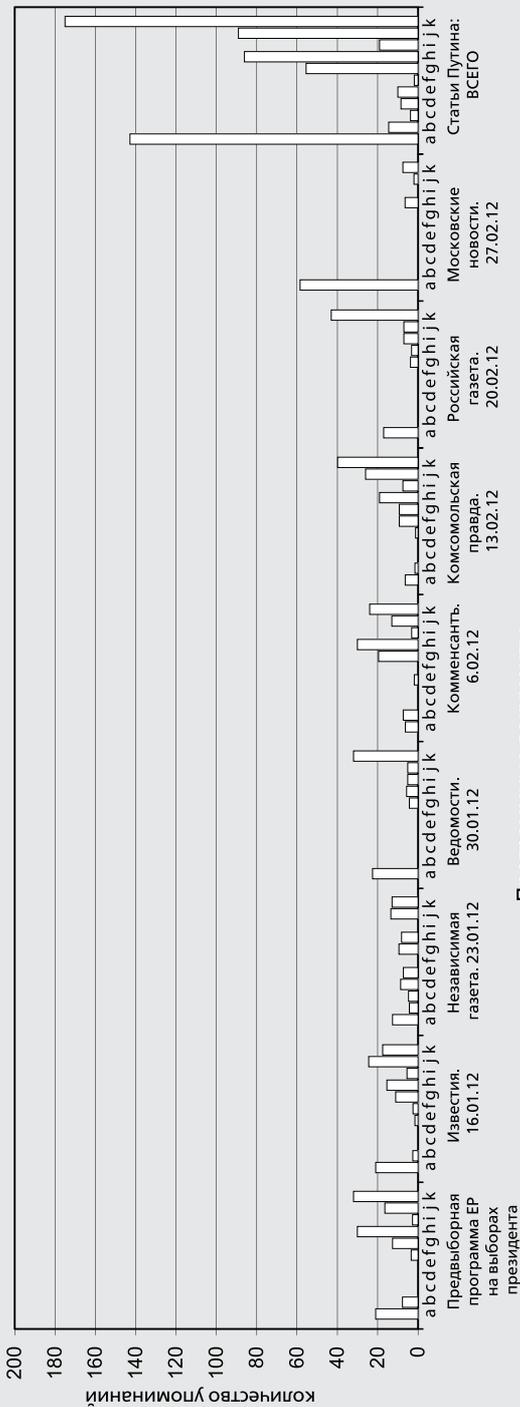
взаимодействовать, лишь единожды упоминаются «наши партнеры» на международной арене, «не учитывающие мнение России и ее интересы»; внутри страны какие-либо «другие», отличные от «нас», отсутствуют¹¹. Вместе с тем «мы» — это сложносоставное целое: для обозначения данного целого в программе не только используются разные существительные (для «нас» в широком смысле: «Россия» — 21 раз, «народ» — 7, «общество» — 12 раз, «россияне» — 3 раза; для тех, кто является объектом забот «нас» в узком смысле: «граждане» — 30 раз, «люди» — 16 раз, «население» — 3 раза) (см. рис. 1 на с. 80), но и выделяются в его составе различные группы: «чиновники»/ государственные служащие упоминаются 5 раз, «предприниматели»/ «бизнес» — 12, «бюджетники» — 2, «средний класс» — 3, «пенсионеры» — 4, «молодежь» — 5 раз, «армия» как часть общества — 1 раз. Таким образом, складывается картина единого и сплоченного общества, в котором власть стремится учитывать интересы не только всех, но и каждого.

Несколько иначе выглядит репрезентация социально-политического ландшафта

ую субъектность («граждане»), неожиданно преобладает над «пассивными» конструкциями («население», «люди») ¹³, то в статьях Путина суммарное соотношение — обратное: «люди» и «население» упоминаются заметно чаще. В некоторых фрагментах «пассивные» конструкции там, где по логике контекста речь должна идти о субъектах — *гражданах* или *народе*, особенно бросаются в глаза. Например, в начале первой из статей объясняется, почему демократия в России потерпела неудачу: «Не может быть реальной демократии без того, чтобы политика принималась бы большинством *населения*... (Здесь и далее в цитатах курсив мой. — **О.М.**) Да, возможно на короткий период увлечь значительную часть *общества*... образами прекрасного будущего; но если потом *люди* не увидят себя в этом будущем — они надолго отвернутся и от политики, и от общественных задач» («Известия». 17.01.12). И тот же понятийный ряд — в рассуждении о современном «среднем классе»: «Сегодня наше *общество* совсем другое, чем в начале 2000-х годов. Многие *люди* становятся более обеспеченными, более образованными и более требовательными» («Коммерсантъ». 6.02.12). Став более

Рис. 1

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ «НАС» В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ КАНДИДАТА ВЛАДИМИРА ПУТИНА

Программные документы

- а) "Россия" (как субъект)
- б) "Народ" (применительно к России в целом)
- с) "Нация" (применительно к России)
- д) "Русский народ"
- е) "Народы" / "народности", входящие в состав России
- ж) "Россияне"
- з) "Общество"
- и) "Население"
- л) "Граждане"
- м) "Люди"
- н) Другое

образованными и обеспеченными, *люди* не превратились в *граждан* — они лишь стали более «требовательными» потребителями поставляемых государством услуг.

Преимущественно в этом качестве «люди» и рассматриваются в путинских статьях. По сравнению с программой ЕР набор целевых групп в них пополнен новыми категориями: наряду с «предпринимателями», «чиновниками», «средним классом», «молодежью», «пенсионерами» и «бюджетниками» в трех статьях из четырех появляется «креативный

знают, что «делать дальше» («Известия». 16.01.12). Это «*популисты*», которые еще недавно «подталкивали нас поскорее потратить то, что приносили нефтяные доходы», а сегодня в ходе президентской кампании раздают обещания, «заведомо не надеясь выиграть» («Известия». 16.01.12). Это те, кто повинен в распаде СССР, а также «*разного рода провокаторы и наши фритивники*», которые сегодня «под насквозь фальшивые разговоры о праве русских на самоопределение» хотят «заставить людей

“В статьях Путина появляются внутренние «другие» — оппоненты, чьи взгляды не совпадают с мнением кандидата в президенты, и политические противники”.

класс» («*новое поколение творческих и ответственных людей*», «*образованные и амбициозные люди*», «*образованные и ответственные люди*» и т. п.), многократно (но почти исключительно в «специальных» статьях) упоминаются армия (не как институт, но как часть общества) и «мигранты»¹⁴. Очевидно, что разработчики новой программы стремились сделать ее более адресной, отвечающей специальным запросам конкретных групп, включая и новый «средний класс». Но общий посыл остался неизменным: власть видит проблемы «людей» и готова о них позаботиться.

Более существенные различия обнаруживаются в подходах к репрезентации «других» (см. рис. 2–3 на с. 82–83). В статьях Путина появляются отсутствующие в программе ЕР внутренние «другие» — оппоненты, чьи взгляды не совпадают с мнением кандидата в президенты, и политические противники, чьи действия он критикует. Это *безответственные оппозиционеры*, которые ратуют за «разные формы обновления политического процесса» и передачу власти «лучшим людям», но якобы не

своими руками уничтожить собственную Родину». Это внутренние и внешние враги, пытающиеся «взломать русский культурный код». Наконец, это те, кто «паразитирует на теме “национального угнетения русских”» и «одновременно по всякому поводу голосит про “русский фашизм”» («Независимая газета». 23.01.12). Это *оппоненты* экономического курса власти, которые утверждают, что России не нужна промышленная политика, и советуют «решать экономические проблемы безответственным печатанием денег» («Ведомости». 30.01.12). Это те, кто «унижал армию», а также те, кто ошибочно полагает, «что возрождение оборонно-промышленного комплекса — это ярмо для экономики, непосильная ноша, которая в свое время разорила СССР» («Российская газета». 20.02.12). Критика конкурентов и полемика с оппонентами — нормальный прием предвыборной коммуникации. Следует подчеркнуть, однако, что применительно к российской политической реальности это стало отступлением от привычной дискурсивной стратегии: до сих пор в высту-

плениях первых лиц преобладал дискурс, нацеленный на демонстрацию «единства» и затушевывание различий.

Нетрудно заметить, что наиболее резкие выпады против внутренних «других» содержатся в двух первых статьях, в последующих же публикациях противопоставления такого рода встречаются реже, и «другие» если и упоминаются, то в модальности «оппонентов», а не «противников»¹⁵. Отказ от артикуляции идеологических различий в пользу демонстрации «солидарности большинства» отчетливо заметен в статье «Демократия и качество государства», опубликованной 6 февраля, после параллельных митингов противников и сторонников Путина 4 февраля, когда стало ясно, что технология «встречной» мобилизации массовой поддержки работает. В статье, посвященной центральному требованию оппозиции – политической реформе, – отсутствуют

какие-либо упоминания о внутренних «других» (нет и критических замечаний в адрес внешних «других» в стиле «суверенной демократии»); оппозиция упоминается лишь однажды, в контексте борьбы с коррупцией, политическую ответственность за которую ей следует нести совместно с властью («Коммерсантъ». 6.02.12). Здесь нет ни попытки опровергнуть обвинения оппозиции, ни критики ее предложений. Видимо, убедившись, что с задачей шельмования протестующих справится «группа поддержки» – организаторы митингов и вставшие на сторону Путина интеллектуалы, – организаторы избирательной кампании приняли решение не педалировать тему внутренних «других» в статьях, публикуемых за подписью Путина. В последующей части предвыборных публикаций Путина основным объектом критики выступают внешние «другие» (анализ их репрезентации – отдельный

Рис. 2

сюжет, который в рамках данной статьи я смогу затронуть лишь отчасти). Очевидно, после 4 февраля в риторике самого кандидата ставка была сделана на манифестацию солидарности «большинства» и мобилизацию поддержки за счет адресных обещаний, а технологии, ориентированные на открытую артикуляцию идеологических различий, поручены «группе поддержки». Идею выборов как «борьбы с врагами», предполагавшую противопоставление «продавшей Западу интеллигенции» и «простого народа», «плохих столиц» и «хорошей провинции» и т. п., реализовывала «группа поддержки». В печатных текстах самого кандидата противопоставления такого рода отсутствовали: хотя проступавшая в них картина социальных водоразделов и отражала наличие в российском обществе внутренних конфликтов, авторское отношение к ним в явном виде не сформулировано.

Формула коллективной идентичности, по Путину

Можно предположить, что в начале кампании Путин и его штаб рассматривали возможность аргументированной полемики, по крайней мере, с некоторыми оппонентами (хотя и заочной — не в публичных дебатах, но в «заменяющих» их статьях). На это указывает решение обратиться к сложному сюжету национального строительства, притом что до сих пор российские официальные лица старались избегать развернутого обсуждения этой темы. При наличии в обществе серьезных разногласий практически по всему спектру вопросов, связанных с интерпретацией коллективной идентичности (нет согласия ни в том, как она соотносится с идеей нации, определяющей современную политическую картину мира; ни в том, кто такие «мы» и каковы критерии принадлежности к этому сообществу; ни в том, как следует выстраи-

Рис. 3

вать его преемственность по отношению к прошлому и будущему и т. п.), правящая часть политической элиты стремится формулировать свою позицию максимально расплывчато, сохраняя пространство для маневра. Поэтому подготовка специальной статьи по «национальному вопросу», имеющей очевидную полемическую направленность (в этом тексте наибольшее количество упоминаний о внутренних «других»), сама по себе выглядит как отступление от прежней символической политики. Ввиду болезненности темы это был рискованный шаг, на который, вероятно,

сийском контексте, в) интерпретация опыта «значимого другого» как средство обоснования данной конструкции.

Вынося в заголовок статьи словосочетание «национальный вопрос», Путин и его копирайтеры сделали выбор в пользу терминологии, сложившейся на рубеже XIX–XX столетий в контексте утверждения этнонационалистического прочтения идеи нации. Усматривая суть «национального вопроса» в достижении «гражданского и межнационального согласия», автор(ы) статьи и дальше в основном придерживаются линии

“Путин возвращается к дискурсу о нациях как сообществах, легитимно конституирующих государства, и использует терминологию русского национализма”.

решились в расчете внести раскол в ряды протестующих.

Так или иначе, 23 января 2012 года статья «Россия: национальный вопрос» появилась в «Независимой газете» и вызвала оживленную дискуссию, охватившую почти все сегменты идеологического спектра (из семи статей именно эта собрала наибольшее число откликов). Нельзя сказать, чтобы содержание данной публикации вносило определенность в позицию кандидата по «национальному вопросу»: напротив, текст выдержан в фирменном путинском стиле эклектики «на грани фола». Тем не менее очевидно стремление автора(ов) текста расставить акценты вполне определенным образом. Не претендуя на всесторонний анализ этого весьма любопытного предвыборного документа, я сосредоточусь лишь на трех аспектах, значимых с точки зрения данного исследования: а) выбор понятий, используемых для определения макрополитической идентичности, б) логика конструкции «полиэтнической цивилизации», призванной продемонстрировать «принципиальную инаковость» «национального вопроса» в рос-

на отождествление национальности и этничности¹⁶, что не мешает ему(им) попутно вспомнить о «дне рождения гражданской нации» в России, связав его с событиями XVII века (которые имели место задолго до того, как соответствующая идея – то есть представление о «нации» как о гражданстве – впервые оформилась во время Французской революции). Однако соотношение между «гражданской нацией» и формулой «полиэтнической цивилизации», обоснованию которой посвящена значительная часть статьи, в тексте не поясняется. И это не случайно: новая «цивилизационная» терминология, видимо, призвана помочь избежать проблем, обусловленных конфликтом между разными интерпретациями слова «нация» в российском контексте.

Как некогда евразийцы 1920–1930-х, Путин и его копирайтеры исходят из того, что европейская практика легитимации политических сообществ на основе идеи нации не подходит для России, а потому для нее они предлагают другой, цивилизационный масштаб. Логика «национального вопроса»

по-российски выглядит следующим образом: 1) наша ситуация — «принципиально иная», чем у испытывающих кризис «национальных государств» Европы и Америки: «историческая Россия — не этническое государство и не американский “плавильный котел”»; 2) наши проблемы связаны с «разрушением СССР, а по сути, исторически — большой России, сложившейся в своей основе еще в XVIII веке»; 3) наша «многонациональность» сложилась «исторически», а потому есть «уверенность, что мы сможем обеспечить гармоничное развитие поликультурной общности»; 4) мы — «уникальная» «полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром», то есть принципиально иной по отношению к нациям Европы и Америки тип сообщества («в нашей идентичности — другой культурный код»); 5) тем не менее нам необходима «стратегия национальной политики, основанная на гражданском патриотизме» (без упоминания о том, что у Европы и Америки имеется немалый опыт реализации именно такой политики).

Правда, описывая модель коллективной самоидентификации, ориентированную на идею цивилизации, автор(ы) не смогли (или не захотели) избежать целого пласта представлений, связанного с «националистической картиной мира», в соответствии с которой человечество мыслится как совокупность герметичных сообществ (народов/наций), выступающих в качестве основных субъектов мировой политики. Непосредственно за пассажем о «другом культурном коде» нашей идентичности следует заявление: «Русский народ является государствообразующим — по факту существования России»¹⁷. Таким образом, Путин в своей статье не только возвращается к доминирующему дискурсу о нациях как сообществах, легитимно конституирующих государства, но и использует терминологию русского национализма (чего до сих пор высокопоставленные российские офици-

альные лица избегали!). Несмотря на слабую структурированность российского идеологического пространства, есть символические маркеры, которые прочно «приписаны» к определенным его сегментам, что делает их переопределение проблематичным. Хотя Путин в обсуждаемой статье, казалось бы, выступал против «попыток проповедовать идеи построения русского “национального”, моноэтнического государства», однако, используя элементы националистического дискурса, он дал последнему важные преимущества в символической борьбе за «номинацию» * (чем участники этого дискурса не преминули воспользоваться — см. ниже). Таким образом, «цивилизационная» модель макрополитической идентичности эклектически дополнялась «национальной», причем понятие нации связывалось то с этнической (в случае Европы), то с культурной идентичностью (в случае России). Путин и его копирайтеры остались верны стратегии, направленной на разные целевые аудитории, используя обтекаемые и порой откровенно непоследовательные формулировки.

Стержнем рассмотренной выше идеологической конструкции является противопоставление (негативного) опыта решения «национального вопроса» «на Западе» (позитивному) опыту «исторического» Российского государства. К сожалению, произвольность аргументов здесь слишком очевидна: хотя модели нацистроительства, реализованные в Европе и США, действительно столкнулись с серьезными проблемами, их «кризис» пока не поставил на грань распада ни одно из государств, в которых мультикультурализм подвергся критике на самом высоком уровне. Вместе с тем российское «историческое государство» дважды на протяжении последнего столетия прекращало свое существование

* Термин Пьера Бурдьё. «Номинация» — это «закрепление» понятий.

в прежних границах, и этот факт едва ли можно объяснить исключительно происками «участников этих процессов». Однако «проблемных» страниц отечественной истории автор(ы) статьи предпочли не касаться¹⁸. Апеллируя к антизападническим настроениям избирателей, он(и) не жалели критических оценок, рассуждая о чужих неудачах. Таким образом, вся конструкция путинской программы держится исключительно на селективных оценках «своего» и «чужого» опыта.

Мировой кризис, сделавший явными многочисленные противоречия современного развития, дает авторам основания для критики «Запада» — но не России. Наши преимущества перед «другими» демонстрируются за счет акцентирования различий в исторических траекториях России и Запада. Эта технология соответствует традиционному «почвенничеству» и свидетельствует об отступлении от подхода к репрезентации «нас» и «другого», который был характерен для риторики Путина в 2000–2007 годах¹⁹. (В будущем нам предстоит узнать, связана ли эта тенденция исключительно с предвыборным контекстом или закрепится в риторике Путина-президента.)

В XXI веке известные до сих пор способы политической адаптации культурного многообразия один за другим обнаруживают несостоятельность перед вызовами глобализации, что создает благоприятную основу для попыток пересмотреть «националистическую картину мира» и сформировать какую-то иную систему норм для легитимации макрополитических сообществ. Очевидно и то, что политические элиты стран, которым не удастся в полной мере вписаться в модели воображения сообществ²⁰, заданные идеей нации, могут быть заинтересованы в выработке и продвижении альтернативных моделей. Однако это задача с неизвестным исходом, требующая серьезных интеллекту-

альных, информационных и материальных ресурсов. Попытка решить ее за счет примитивного противопоставления «своего» и «чужого» опыта годится исключительно «для внутреннего употребления». Для «внешнего предъявления» в обозримом будущем придется использовать «старую» идею нации. Как справедливо заметил Валерий Тишков, «снова называться империей невозможно, а называться неправовой и размытой категорией “цивилизация” — это значит выпадать из мировой системы государственных образований и их коалиций»²¹. Так или иначе, стремление Путина и его спичрайтеров к ситуативному использованию репертуаров национальной и цивилизационной идентичности объясняется не только инерцией по меньшей мере двух веков, в течение которых макрополитическая идентичность конструировалась по «смешанным лекалам», но и стремлением избежать рисков, связанных с выработкой более последовательного курса нациестроительства.

Ненайденное согласие: избирательная кампания и обсуждение статьи о «национальном вопросе»

Как уже отмечалось, статья о «национальном вопросе» вызвала много откликов и комментариев в центральной прессе. Позицию тех, для кого эта тема была главной, подытожил Дмитрий Рогозин, заявив в ответной статье в «Известиях»: «Путин вывел русский вопрос из подполья»²². Впрочем, за «храбрость» Путина хвалили не только националисты, но и либеральные государственники, интерпретировавшие его программный текст как попытку «найти равнодействующую между... национализмом больших и малых наций», которую следовало предпринять, даже если она заведомо безуспешна²³.

В каждом из сегментов российского политического спектра путинская статья о «национальном вопросе» была прочитана на свой лад.

«Имперцы» о статье Путина по национальному вопросу

Статья «Россия: национальный вопрос» интерпретировалась в стане националистов имперского толка как попытка «описать империю, не прибегая к самому термину» (Иванов В. Имперская идеология // Известия. 2012. 24 янв. № 11 (московский выпуск) (<http://www.izvestia.ru/news/512802>). Например, Константин Затулин написал, что признание СССР формой существования большой России носит «знаковый» характер. По его словам, «после статьи в "Независимой газете" не может быть сомнений в том, что кандидат № 1 в президенты Российской Федерации ищет такие решения национального вопроса, которые удовлетворяли бы стратегическому курсу на собиранье земель, на интеграцию распавшегося пространства». Соглашаясь с Путиным в том, что задача имперского строительства несовместима с призывами «Мы за русских» и «Хватит кормить

Кавказ», Затулин предлагал назвать вещи своими именами: «...Никакого особого, уникального пути у России нет. Путь, по которому идет и, даст Бог, с Путиным и после него, будет идти Россия, — это путь, по которому уже шел Рим, Британия, продолжают идти США и Китай. Империи прошлого и настоящего» (Затулин К. Чтобы правильно задать вопрос, надо знать большую часть ответа // Известия. 2012. 25 янв. № 12 (московский выпуск) (<http://www.izvestia.ru/news/512953>). В стремлении Путина представить Россию как государство-цивилизацию, идущую особым путем, некоторые публицисты видели «возвращение к концепции Москвы как Третьего Рима», а в его идее «непрерывности Истории нашей Великой Родины» — «ответ "десталинизаторам"», пытающимся опять разжечь огонь уже потухшей Гражданской войны» (Ермолаев Д. От национального к цивилизационному //

Российские вести. 2012. 24 янв. № 45 (2075). Несмотря на то что для автора(ов) статьи рассуждения о «полиэтнической цивилизации», по всей видимости, лишь уловка, позволяющая кандидату уклониться от четкого выбора между нацией и империей, сторонники имперского проекта предпочли истолковать ее как недвусмысленное свидетельство об отказе от строительства «национального государства». В ссылаках на «особый культурный код русского народа» усматривали признание имперскости, в силу которой Россия не может «уподобиться Литве или Эстонии, превратившись в государство одного народа, которое живет не ради каких-то великих миссий, а для себя» (Иванов В. Указ. соч.). Логическое развитие тезиса о многонациональности «исторической России» видели в «реинтеграции постсоветского пространства в Большой России» (Фурсов А. Русский ответ // Завтра. 2012. 01 февр. № 5 (<http://www.zavtra.ru/content/view/russkij-otvet/>).

Некоторые сторонники проекта гражданской нации, опираясь на рассуждения Путина о «гражданском патриотизме», увидели в статье о «национальном вопросе» готовность строить коллективную идентичность по модели согражданства. По мнению Вячеслава Никонова, Путин предложил по примеру «многих ведущих стран мира» «выстраивать модель гражданской нации... не по этническому принципу, а по принципу сообщества людей, проживающих на общей территории, разделяющих общие ценности и осознающих себя единой общностью в пространстве и времени»²⁴. Однако отказ автора(ов) статьи использовать слово «нация» и тем более

фраза о «государствообразующем русском народе» делают такую интерпретацию неубедительной. Не случайно другие приверженцы идеи гражданской нации сочли программный текст Путина «реверансом» в сторону своих оппонентов²⁵.

Гораздо более многочисленными были отклики тех, кто обнаружил в предложенной Путиным модели имперские коннотации (подробнее об этом см. подверстку на с. 87).

Русские националисты горячо приветствовали путинское высказывание о «государствообразующем русском народе». Немедленно последовало предложение зафиксировать данный принцип в Конституции РФ²⁶.

Спикер парламента Чечни Дукуваха Абдурахманов заявил, что законодательное собрание его республики готово выступить с соответствующей законодательной инициативой, если на то будет одобрение Путина ²⁷. Разумеется, эта идея Путина вызвала энтузиазм далеко не у всех. В Татарстане, например, вспомнили, как еще недавно Москва сопротивлялась закреплению в республиканской Конституции особого статуса татарского народа ²⁸, а в блогах начали обсуждать, не надо ли ввести статус «государствообразующего народа» в республиках в составе РФ.

демы». По словам Александра Севастьянова, «нам предложили прямо противоположное тому, что мы бы хотели услышать... В статье нет ни единого слова о русских национальных проблемах, о русских правах и интересах» ³⁰. Примечательно, что именно «нацдемы» выступили в роли ситуативных «западников», оспаривая путинскую интерпретацию опыта решения «национального вопроса» в Европе. Они доказывали, что Путин сваливает «с больной головы на здоровую», ополчаясь на европейцев именно тогда, когда они «прозрели» и готовы отказаться от «смерто-

“Попытка Путина и его копирайтеров пройти между Сциллой национализма и Харибдой империализма принесла лишь частичный успех в адресных аудиториях”.

Хотя статья в «Независимой газете» явно была нацелена на то, чтобы заручиться поддержкой национально-патриотически настроенного электората, противников в этом лагере у Путина тоже оказалось немало. Во-первых, заявленная им программа не устроила наиболее принципиальных «имперцев», которым формула «полиэтнической цивилизации, скрепленной русским культурным ядром», показалась непомерной уступкой идее «гражданской нации». По заключению публициста газеты «Завтра» Владимира Архангельского, «вариант, где русскими станут все народы, населяющие Россию, — включая тех, что имеют свои национальные государства, — качественно от ельцинизма ничем не отличается». По его мнению, ориентиром должна быть именно империя, ибо «гражданский национализм подавляет живую природу народов, унифицирует различия, особенности», а «многомерное иерархическое пространство империи сохраняет самобытность...» ²⁹.

Во-вторых, на защиту своих позиций выступили раскритикованные Путиным «нац-

носовой практики» мультикультурализма. Что касается практики строительства государств «для» этнонаций, то «это — естественно-историческая норма, которую надо не разрушать, а сохранять и поддерживать» ³¹.

Дискуссия, вызванная публикацией путинской статьи, лишней раз выявила противоречия между разными формами русского национализма. Сторонники его «имперского» варианта пытались представить своих оппонентов агентами Запада, помогающими «реализовать давний англосаксонско-ватиканский проект “ударим по России русским национализмом”» ³². Путинская идея об особой природе нашей коллективной идентичности могла бы вполне устроить «русских имперцев», считающих, что «любые попытки свести русское к европейской, буржуазной “идее нации”, порожденной Французской революцией 1789—1793 годов, обрекают русский народ на разделение, распад и гибель» ³³. Однако та же идея абсолютно неприемлема для тех, кто мечтает о «русском национальном государстве». Благодаря тому, что в этом сегменте идеологического пространства в

последние годы идет активная дискуссия, в нем постепенно происходит кристаллизация смыслов, отчего теряют эффективность прежние символические технологии, к которым прибегало государство, рассчитывая добиться «широты охвата» с помощью расплывчатых формулировок.

Наконец, путинская программа была критически встречена на коммунистическом фланге национал-патриотического лагеря, где главного кандидата били его же собственным оружием, изображая его «агентом Запада». Идеологи КППРФ, соглашаясь с «правильностью» слов, высказанных в статье, указывали, что дела Путина свидетельствуют об обратном. Так, руководитель Центрального штаба КППРФ по выборам Иван Мельников в интервью «Советской России» заметил, что премьер-министр не случайно обходит стороной «немаловажную тему насаждения западных ценностей, которые летят на общество с телеэкранов и в быту, раздражают и искажают атмосферу»³⁴. Публицисты газеты «Завтра» писали, что «если бы “болотной оппозиции” не было, ее стоило бы придумать», ибо она помогает Путину изобразить «борьбу нанайских мальчиков», маскируя тот факт, что в действительности он «пытается опираться на всё ту же обанкротившуюся в глобальных масштабах ультралиберальную идеологию “вашингтонского консенсуса”»³⁵. А статью, опубликованную в «Коммерсанте», и вовсе расценили как «упражнение» для посла США в России Майкла Макфола, подготовленное с учетом «весьма убедительных судеб Каддафи и Мубарака»: по мнению Михаила Делягина, своим «сутубо институциональным пониманием демократии» статья Путина «напоминает эссе, написанное студентом для исповедующего крайний либерализм преподавателя с полным учетом его вкусов»³⁶.

Если реакция на предложенную Путиным формулу идентичности была столь неоднозначной даже на «национально-патриотиче-

ском» фланге, что уж говорить о либерально-западническом. Оппоненты Путина из этого лагеря указывали на неадекватность представленных в его статье оценок западных практик и на отступления от единственно возможной в российских условиях модели гражданской нации³⁷, а также на невозможность прямого использования отечественного опыта национальной политики в современных условиях («ни при царе, ни при коммунистах национальный вопрос так и не был решен»³⁸) и на опасность заигрываний с русским национализмом. Представители этого фланга предлагали свой взгляд на проблему строительства нации. Как известно, долгое время российские либералы сетовали на то, что строительство гражданской нации в России упирается в отсутствие дееспособного гражданского общества. Новое качество протестной активности, казалось, дает основание надеяться на благоприятную перспективу. Как писал Дмитрий Быков, «рождение реального национализма – формирование полиэтничного, мобильного, думающего гражданского общества – происходит сегодня на площадях и шествиях, и нечего обзывать их “оранжевыми”». То, что мы видим перед собой, – именно нация, в том самом смысле, в каком о ней принято говорить с XVIII века»³⁹.

Заключение: старые технологии в новом контексте?

Хотя в статье Путина, опубликованной в «Независимой газете», и были расставлены точки над «i» по некоторым спорным вопросам (определение генеалогии современного макрополитического сообщества, осуждение русского этнонационализма), в целом она не слишком существенно отступала от тех способов мобилизации поддержки, которые использовались прежде. Предъявленная в ней формула коллективной идентичности была явно рассчитана на завоевание

симпатий людей с разными взглядами: в «полиэтнической цивилизации, скрепленной русским культурным ядром», можно увидеть туманные намеки и на империю, и на нацию-согражданство, и на отличающуюся русскую этнонацию с ее особым «имперским» характером. Представляется, однако, что на этот раз попытка Путина и его копирайтеров пройти между Сциллой национализма и Харибдой империализма принесла лишь частичный успех в «адресных аудиториях». Заявленную программу по «национальному вопросу» поддержали главным образом приверженцы «имперского» варианта русского национализма, да и то не все. При этом в своих комментариях они высказали немало соображений, которые едва ли повышают репутацию путинских идей в других сегментах идеологического спектра. Впрочем, риск, связанный с публикацией по «национальному вопросу», с электоральной точки зрения, вероятно, себя оправдал, если учесть, что имперские настроения заметно распространены среди аморфного «большинства», составляющего нынешний «центр».

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Об этих проблемах немало написано, в том числе и на страницах этого журнала. См.: *Миллер А.И.* Нация как рамка политической жизни // *Pro et Contra*. 2007. № 3 (37). С. 6–20; *Тишков В.А.* Что есть Россия и российский народ? // *Pro et Contra*. 2007. № 3 (37). С. 21–41; *Дробизжева Л.М.* Процессы гражданской интеграции в полиэтничном российском обществе (Тенденции и проблемы) // *Общественные науки и современность*. 2008. № 2. С. 68–77; *Зверева Г.И.* Учреждение «русской нации»: год 2008 // *Пути России: Современное интеллектуальное пространство: Школы, направления, поколения.* / Ред. М.Г. Пугачёва, В.С. Вахштайн. М.: Университетская книга, 2009. С. 409–428; *Зевелев И.А.* Будущее России: нация или цивилиза-

Тем не менее дискуссия, вызванная путинскими статьями, отчетливо продемонстрировала, сколь глубоки расхождения между разными представлениями о коллективной идентичности сообщества, стоящего за Российским государством. Новый этап партийного строительства, который последует за только что принятыми изменениями в законодательстве, с большой вероятностью станет катализатором острых дискуссий по этому и другим вопросам. Условия, при которых власть могла ограничиваться символической демонстрацией «единства», остаются в прошлом. Готов ли вновь избранный президент к грядущим изменениям на поле символической политики? Удастся ли новой политической команде создать условия для конструктивного общественного диалога? Характер избирательной кампании Путина не дает оснований для положительного ответа на эти вопросы. Но хотя выборы позади, новый политический цикл только начинается. Каким образом будут меняться практики публичной коммуникации, какие технологии мобилизации солидарности возобладают — покажет время. ■

ция? // *Россия в глобальной политике*. 2009. № 5. С. 88–102; *Малинова О.Ю.* Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // *Полис*. 2010. № 2. С. 90–105; *Каспэ С.И.* Политическая теология и nation-building: Общие положения, российский случай. М.: Роспэн, 2012; и др.

² Под этим термином мы понимаем деятельность политических акторов, направленную на производство и продвижение/навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих. Символическая политика опирается как на вербальные, так и невербальные способы означивания; таким образом, она не сводится к идеологической борьбе в традиционном ее понимании.

Вместе с тем вербально оформленные «идеи», несомненно, остаются ключевым ее элементом. Государство выступает в качестве важного, но не единственного актора поля символической политики.

³ *Каснэ И., Каснэ С.* Поле битвы — страна. Nation-building и наши нэйшнбилдеры // Неприкосновенный запас. 2006. № 6 (50). С. 20.

⁴ Об этой особенности политического дискурса 2000-х см.: *Петров К.* Доминирование концептуальной многозначности: «сильное государство» в российском политическом дискурсе // Полис. 2006. № 3. С. 159–183; *Малинова О.Ю.* Еще один рывок? Образы коллективного прошлого, настоящего и будущего в современных дискуссиях о модернизации // Политическая наука. 2012. № 2 (в печати) и др.

⁵ По данным газеты «Ведомости», общий бюджет Путина на продвижение кампании в Рунете составил около 1,5–2 млн дол., т. е. примерно столько же, сколько расходы на телевизионную кампанию и наружную рекламу соответственно (*Болецкая К., Костенко Н., Бирюкова Л.* Путин оценил Интернет // Ведомости. 2.03.12. № 38 (3052) (http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/276795/putin_ocenil_internet#ixzz1o4cBQt5v).

⁶ Кампания вообще носила асимметричный характер: Путин уклонился от участия в дебатах, но «вместо этого» публиковал статьи, на которые его конкуренты, в свою очередь, не сочли нужным отвечать — хотя сами печатные издания и выражали вполне естественную заинтересованность в их реакции (см.: *Сафарина А.* Безответные конкуренты Путина // Независимая газета. 22.02.12. (http://www.ng.ru/politics/2012-02-22/1_putin.html). В отличие от Путина, кандидаты от «системной» оппозиции явно не успели перестроить свои стратегии между думскими и президентскими выборами.

⁷ *Деягин М.* Путин против либералов? // Завтра. 16.02.12. № 7 (<http://www.zavtra.ru/content/view/putin-protiv-liberalov/>).

⁸ Так, шеф-редактор «Русского журнала» Александр Морозов обнаружил, что примерно треть статьи премьер-министра про «национальный вопрос» является «просто пересказом» «Проекта развития поликультурного образования в РФ», который был подготовлен Минобразования в 2010 году на основе «Концепции духовно-прав-

ственного развития и воспитания личности гражданина России», вышедшей годом ранее. (Журналисты нашли источник статьи Путина о национальном вопросе // Lenta.ru. Новости. 23.01.12. (<http://lenta.ru/news/2012/01/23/source/>). Правда, один из авторов концепции академик РАН В.А. Тишков уверял, что «в данном случае говорить о заимствовании Путиным наших идей неуместно. Хотя бы потому, что эта статья вызывает у меня ряд возражений» (*Тишков В.А.* Россия: национальный ответ // Московский комсомолец. 26.01.12. № 25852 (<http://www.mk.ru/politics/article/2012/01/25/664349-rossiya-nationalnyy-otvet.html>).

⁹ *Султанов Ш.* Мир переходит в новую эпоху // Завтра. 25.01.12. № 4 (<http://www.zavtra.ru/content/view/mir-perehodit-v-novuyu-epohu/>).

¹⁰ Эта черта характерна для программных документов «Единой России» с момента ее образования — в отличие от организаций, послуживших ее «конструирующими блоками» (см.: *Малинова О.Ю.* Программы как средство самопрезентации политических партий (на примере «Единства» и «Отечества») // Психология восприятия власти / Под ред. Е.Б. Шестопал. М.: Социально-экономическая мысль, 2002. С. 98–108).

¹¹ Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» (на выборах Президента России 4 марта 2012 года) (<http://putin2012.ru/program>).

¹² *Путин В.* Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. 2012. 16 янв. (<http://www.izvestia.ru/news/511884>); *Он же.* Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 янв. (http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html); *Он же.* Нам нужна новая экономика // Ведомости. № 15 (3029). 2012. 30 янв. (http://www.vedomosti.ru/politics/news/1488145/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah?from_ml_cc#ixzz1kv9QnPow); *Он же.* Демократия и качество государства // Коммерсантъ. № 20/П (4805). 2012. 6 февр. (<http://www.kommersant.ru/doc/1866753>); *Он же.* Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда. 2012. 13 февр. (<http://kp.ru/daily/3759/2807793/>); *Он же.* Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февр. (<http://www.rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html>); *Он же.* Россия и меняющийся мир // Московские

новости. № 225 (225). 2012. 27 февр. (<http://mn.ru/politics/20120227/312306749.html>). Далее ссылки даются в тексте указанием на издание и дату.

¹³ По нашему наблюдению, сделанному в рамках другого исследования, наибольшей популярностью в лексиконе российской политической элиты пользуется именно пассивная номинация — «люди». Однако представители исполнительной власти довольно быстро осваивают возникшую в контексте административной реформы идею «потребительства». См.: *Малинова О.Ю.* Идеологическое пространство политической элиты // *Человеческий капитал российской политической элиты* / Под ред. Е.Б. Шестопаля, А.В. Селезневой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 247–285; см. также: *Сулимов К.А.* Государство и реализация идеи гражданина как потребителя // *Идейно-символическое пространство постсоветской России: Динамика, институциональная среда, акторы* / Под ред. О.Ю. Малиновой. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 227–242.

¹⁴ В статьях Путина «предприниматели» упоминаются 44 раза, «чиновники» — 28 раз, «средний класс» — 13 раз, «молодежь» — 20, «пенсионеры» — 7, «бюджетники» — 6 раз, «креативный класс» — 6 раз, «армия» как часть общества — 36 раз, «мигранты» — 10, «общественники» — 3, «сограждане» — 2 раза.

¹⁵ Единственное исключение — порицание в адрес «некоторых деятелей», которые «просто дня не могли прожить без того, чтобы побольнее пнуть и унижить Армию» (Российская газета. 20.02.12). Однако оно относится к «лихим девятиностям».

¹⁶ Местами — за счет передергивания фактов. См., напр., утверждение, что модель «национального государства» «исторически строилась исключительно на основе этнической идентичности» (Независимая газета. 23.01.12), которому сложно найти фактические аналоги. Большинство специалистов сходится во мнении, что все современные «национальные государства» опираются на комбинацию «гражданских» и «этнических» оснований идентификации. Тенденцию к сближению моделей национальных идентичностей, которые принято считать идеально-типическими воплощениями разных подходов к нацистроительству, хорошо показал

в своей недавней статье Уильям Сафран (*Сафран У.* Национальная идентичность во Франции, Германии и США: современные споры // *Политическая наука.* 2011. № 1. С. 64–97).

¹⁷ Ниже поясняется, что носителями «русской культурной доминанты» «выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности». Таким образом, «национальные государства» строятся «исключительно на основе этнической идентичности» лишь в Европе — в России дело обстоит иначе (Независимая газета. 23.01.12).

¹⁸ Например, едва ли случайно, что, рассуждая о «полиэтнической цивилизации», автор статьи практически не использует для обозначения «исторического государства» слово «империя», с которыми связаны многочисленные нарративы, «объясняющие» «разрушение большой России» неэффективностью созданных в ней моделей адаптации этнокультурных различий. Это слово встречается лишь однажды, в квазидате из программ русских этнонационалистов про «разрушение империи, сидящей на шее у русского народа» (Независимая газета, 23.01.12).

¹⁹ См.: *Малинова О.Ю.* Тема России и «Запада» в риторике президента В.В. Путина: Попытка переопределения коллективной идентичности // Два президентских срока В.В. Путина: Динамика перемен. М.: ИНИОН РАН, 2008. С. 292–315. Модель, фигурировавшая в выступлениях Путина в 2000–2007 годах, сочетала «западническое» представление об *общности целей и ценностей* России и «Запада» с «почвенническим» акцентом на *самобытный* способ их реализации, а также представляла Россию как *актуально* (а не только потенциально) *подобную и равную* «значимому другому» и даже способную служить ему образцом в осуществлении *общих* ценностей. Весьма существенно и то, что в программных выступлениях Путина «другой» лишен географической привязки и описывается через конкретные и отнюдь не эксклюзивные признаки. Вместо «полюсов» возникает континуум, по которому можно перемещаться, акцентируя то сходство, то различия. Примечательно, что в предвыборных статьях Путина вновь активно используется слово «Запад».

²⁰ *Малинова О.Ю.* Между идеями нации и цивилизации: Дилеммы макрополитической идентичности в постимперском контексте //

Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2012 (в печати).

²¹ *Тишков В.А.* Указ. соч.

²² *Рогозин Д.* Русский ответ Владимиру Путину // Известия. 2012. 1 февр. № 17 (<http://izvestia.ru/news/513702>).

²³ *Радзиховский Л.* Квадратура круга // Независимая газета. 2012. 25 янв. № 9 (5495) (http://www.ng.ru/ideas/2012-01-25/5_kvadratura.html). По мысли Радзиховского, «государственный» подход к национальному вопросу может заключаться только в том, что все группы *действительно* равны в правах; однако этот принцип «почти невозможно последовательно реализовать, вопреки инстинктам общества».

²⁴ *Никонов В.* Тонкая материя // Независимая газета. 2012. 26 янв. № 10 (5496) (http://www.ng.ru/politics/2012-01-26/2_materia.html). Ср.: *Радзиховский Л.* Указ. соч.

²⁵ См.: *Тишков В.А.* Указ. соч. По оценке Эмиля Паина, идея о «государствообразующем» народе – «еще один разрыв с политикой времен Ельцина», ибо в принятой в 1996 году Концепции государственной национальной политики «все коренные народы России признавались историческими участниками формирования и развития российского государства» (*Пайн Э.А.* Цивилизационный национализм // Новая газета. 2012. 01 февр. № 10).

²⁶ *Фурсов А.* Русский ответ // Завтра. 2012. 01 февр. № 5 (<http://www.zavtra.ru/content/view/russkij-otvet/>).

²⁷ *Парламент Чечни* предлагает признать русскую нацию государствообразующей // Русская

служба новостей. 23.01.12 (<http://pda.rusnovosti.ru/interviews/183736>).

²⁸ *Сулейманов Р.* Государствообразующий статус русских в России: реакция в Татарстане // Агентство политических новостей. 12.03.12 (<http://www.apn.ru/publications/article26161.htm>).

²⁹ *Архангельский В.* Имперообразующий // Завтра. 2012. 23 февр. № 8 (<http://www.zavtra.ru/content/view/imperoobrazuyuschij/>).

³⁰ *Севастьянов А.* Переиначить свою историю? // Литературная газета. 2012. 1 февр. № 4 (6355) (<http://www.lgz.ru/article/18167/>).

³¹ Там же.

³² *Фурсов А.* Указ. соч.

³³ *Картец В.* Битва за историю // Завтра. 2012. 1 февр. № 5 (<http://www.zavtra.ru/content/view/bitva-za-istoriyu-5/>).

³⁴ *Мельников И.* Хорошо изучены доклады Г.А. Зюганова // Советская Россия. 2012. 24 янв. (<http://sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=589943>).

³⁵ *Гордеев А.* Встречный бой // Завтра. 2012. 25 янв. № 4 (<http://www.zavtra.ru/content/view/vstrechnyj-boj/>).

³⁶ *Деягин М.* Указ. соч.

³⁷ *Тишков В.А.* Указ. соч.; *Пайн Э.А.* Указ. соч.

³⁸ *Злобин Н.* Многонациональная страна: национальность земли // Ведомости. 2012. 22 февр. № 31 (2797) (http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/255424/nacionalnost_zemli).

³⁹ *Быков Д.* Абсорбируем всех // Московские новости. 2012. 27 янв. № 206 (206) (<http://mn.ru/friday/20120127/310442983.html>).

Изобретение традиции

Георгиевская ленточка и другие символы в контексте исторической политики | **АЛЕКСЕЙ МИЛЛЕР**

Георгиевская ленточка, придуманная в РИА «Новости» в 2005 году, — пример политического символа, изобретение и последующее функционирование которого тесно связаны с политикой памяти. 60-летний юбилей Победы был отягощен целым рядом острых политических проблем. В 2000-е годы в самой России власти с новой силой стали акцентировать символическое значение Победы, которая оставалась практически единственным историческим мифом, вызывавшим если не общие, то, по крайней мере, сопрягаемые эмоции у большинства россиян. Подтверждение роли СССР (и России как его наследницы) в победе над нацизмом играло важную роль и в международной политике. Приглашения на празднование юбилея президент Владимир Путин отправил лидерам более чем пятидесяти стран.

В то же время мифологема Победы оказалась под ударом исторической политики в целом ряде стран — соседей России. В странах Прибалтики май 1945 года трактуется как начало новой советской оккупации. Вопрос о поездке лидеров Литвы, Латвии и Эстонии в Москву на празднование Дня Победы был предметом острой политической полемики внутри этих стран и скандалов в отношениях Вильнюса, Таллина и Риги с Москвой. В результате лишь президент Латвии Вайра Вике-Фрейберга приехала в Москву. Скандалами в самой Польше и в России сопровождалась поездка на празд-

нование Дня Победы и президента Польши Александра Квасьневского. Под благовидным предлогом отказался от поездки в Москву Виктор Ющенко, только что пришедший к власти в результате «оранжевой революции».

В этих обстоятельствах изобретение георгиевской ленточки было весьма удачным ходом. Дореволюционная Георгиевская лента, восстановленная в правах как гвардейская во время Великой Отечественной войны, до революции была принадлежностью наград за *солдатскую* доблесть — Георгиевского креста и ордена Славы. Таким образом, георгиевская ленточка стала символом, который, в отличие от прежних символов Победы (например, Красного знамени), не был жестко привязан к коммунистическому прошлому. Она «освежала» символику Дня Победы, фокусировала ее на воинской доблести, то есть самой бесспорной части военного мифа, и была приемлема для более широкого круга людей, чем традиционные символы Победы, связанные с советским временем. Неслучайно наиболее активная критика георгиевской ленточки поначалу исходила именно из коммунистических кругов.

Доподлинно неизвестно, чем именно вдохновлялись журналисты РИА «Новости» в процессе изобретения этого символа, но у него есть несомненные предшественники. Во-первых, ленты различных цветов, которые к тому времени широко использовались как удобный и неотъемлемый способ

демонстрации поддержки различным общественным и политическим кампаниям.

Другой аналог — цветки мака, которые с 1920 года прикрепляют к одежде британцы в память о погибших в Первой, а затем и во Второй мировой войне.

Маковый цветок как символ укоренился в Британии весьма прочно и практически не ставится под вопрос какими бы то ни было политическими силами. В этой связи показателен следующий недавний эпизод. Осенью 2011 года между английской федерацией футбола и ФИФА возник конфликт. Английская сборная проводила очередной товарищеский матч в ноябре, то есть именно в то время, когда англичане отмечают окончание Первой мировой войны, прикрепляя к одежде цветков мака. Футболисты хотели выйти на матч, прикрепив цветки мака на футболки. Однако ФИФА запретила это делать, сославшись на то, что правила запрещают размещение на футболках игроков любых политических символов. После весьма эмоциональных переговоров выход был найден — англичане вышли на игру с нарукавными повязками, к которым и прикрепили маки. Для нас в этой истории особый интерес представляет вмешательство в конфликт британского премьер-министра Дэвида Кэмерона, который утверждал, что цветы мака символизируют единение нации в памяти о погибших и заботе о ветеранах и не являются политическими символами. Возможно, Кэмерон полагал, что «политическое» относится исключительно к сфере межпартийной борьбы. Маковый цветок действительно предметом борьбы не является: в центральной церемонии поминовения погибших солдат, происходящей каждый год у Кенотафа, памятника павшим в Лондоне, представители всех британских партий в строгой очередности возлагают одинаковые венки сразу за венками членов королевской фамилии. Однако это не отменяет политической природы символа, что мог бы объяснить

Кэмерону любой из тех многочисленных преподавателей политологии, которые потеряли за последний год работу в результате его реформы высшего образования. Скорее участие всех политических партий в церемонии свидетельствует об успешности этого символа, чье значение пока не решаются оспорить даже сепаратистские партии Шотландии и Уэльса.

Пожалуй, ключевое отличие георгиевской ленточки от британского макового цветка состоит в том, что британцы цветки мака покупают — вырученные средства идут на финансовую поддержку домам ветеранов. В 2007 году в рамках акции по распространению цветков мака, которые можно купить за 1 фунт, было собрано около 25 млн фунтов. В России же ленточка раздается бесплатно, что специально подчеркнуто в ее кодексе. Кодекс георгиевской ленточки, составленный ее изобретателями, лукаво заявляет, что она не должна использоваться как политический символ. Однако политическая природа символа георгиевской ленточки еще более очевидна, чем маковых цветков. Уже в 2006-м из общественной акции раздача георгиевской ленточки превратилась в политическую акцию центральных и региональных властей. В бюджете Петербурга, например, на нее начиная с 2008 года выделяется ежегодно более 8 млн рублей.

С 2012 года в кампанию распространения георгиевской ленточки включился уже центральный аппарат МИД России, а еще раньше этим занимались отдельные иностранные представительства. Дело в том, что практически сразу после «изобретения» георгиевская ленточка стала использоваться как символ поддержки «русского мира» в соседних с Россией странах. Здесь, в условиях обостренной негативной реакции на коммунистические символы, «некоммунистический» характер ленточки оказался как нельзя кстати. Пророссийски настроенные

общественные движения на Украине уже несколько лет состязаются в изготовлении самой длинной или самой большой по площади георгиевской ленточки. Обладателями рекордов в разные годы были Симферополь, где в 2009 году развернули ленточку длиной 50 метров, затем Севастополь, уже с ленточкой трехсотметровой длины. В мае 2010 года лидерство перехватил Кишинёв, где была продемонстрирована георгиевская ленточка длиной в 360 метров.

Вполне закономерно, что антироссийски настроенные активисты радикально-нацио-

«Слабость» символа георгиевской ленточки — в его очевидной привязке к нынешнему российскому политическому режиму. Если режим начинает терять популярность, может пострадать и привлекательность ленточки как политического символа. Если в год создания символа его критиковали почти исключительно коммунисты, то теперь больше критики раздается из лагеря либеральной оппозиции, которая указывает на присвоение символа государством. Появился и сайт «защитников» ленточки, но не от критики, а от профанации акции самими организатора-

“Георгиевская ленточка — удачно сконструированный политический символ, притягательность которого обусловлена отсылкой к прежним историческим символам”.

налистической партии «Свобода» во Львове срывали ленточку у тех, кто участвовал в церемонии возложения венков к памятникам погибших советских солдат. В 2011 году дело дошло до физического противостояния. В Латвии латышские националисты переписьвали номера автомобилей, украшенных ленточками, «для передачи данных о пятой колонне в компетентные органы». В Эстонии, по некоторым сведениям, действовала негласная инструкция для СМИ, запрещающая упоминать акцию. Показательно, что именно в этих странах происходит частичная реабилитация символов, связанных с национальными частями, сражавшимися на стороне Рейха.

Таким образом, будучи удачно сконструированным символом, георгиевская ленточка в соседних с Россией государствах заключает в себе целый набор смыслов. Это и реакция на «исторический ревизионизм», бросающий вызов мифу Великой Отечественной войны, но при этом свободная от коммунистических обертонов, и способ продемонстрировать солидарность с Россией, и политическая идентификация в конкретном политическом ландшафте.

ми, которые, по мнению «защитников», превращают акцию в кич¹.

Весьма интересная ситуация возникла в последние месяцы, с появлением в политическом ландшафте России белой ленточки как символа протеста против фальсификации на выборах и в целом оппозиции режиму. Создатели символа, по крайней мере, косвенно вдохновлялись успехом георгиевской ленточки. В это же время лидеры государства, которые стали главной мишенью критики протестного движения, активно используют георгиевскую ленточку. И Владимир Путин, и Дмитрий Медведев носили ее на параде Победы, георгиевская ленточка была на лацкане пиджака Путина, когда он представлял Медведева в Думе в качестве будущего премьера. Пока еще не ясно, как люди, использующие белую ленточку, решат для себя вопрос о ее совместимости с георгиевской. Кто-то, вероятно, запишет георгиевскую ленточку в число «режимных» символов, и в этом случае можно говорить об отторжении символа как скомпрометированного. Но это не единственная возможная позиция. Автор сам видел на

московском бульваре девушку, у которой в одну косичку была вплетена белая ленточка, а в другую — георгиевская. Здесь речь идет о готовности оспаривать символ у власти.

Семь лет существования георгиевской ленточки это, во-первых, история удачно сконструированного политического символа, притягательность которого во многом обусловлена отсылкой к прежним историческим символам и важным «местам памяти». Во-вторых, это история постепенного утверждения георгиевской ленточки в России как некоммунистического символа Победы, а в бывших советских республиках еще и как символа русской идентичности и/или симпатии к России. С недавних пор это еще и история о том, что из-за тесной привязки к теряющему популярность политическому режиму привлекательность символа георгиевской ленточки для части общества может оказаться подорванной.

Голодомор и «свеча памяти»

Свеча как символ памяти имеет богатейшую традицию в различных странах и тесно связана с христианской символикой. Указом президента Украины Леонида Кучмы от 26 ноября 1998 года четвертая суббота ноября была провозглашена днем памяти жертв Голодомора. В 2003-м в этот день впервые была проведена акция «Зажги свечу». Она задумывалась как общенациональная акция поминовения тех, кто погиб в результате массового голода 1932–1933 годов. Участники акции приносили свечи и лампы к памятникам жертвам голода или зажигали свечи в окнах своих домов.

Вопрос об интерпретации голода 1932–1933 годов был и остается весьма чувствительной политической темой на Украине. Выкованное в среде украинской эмиграции понятие Голодомор представляло голод как геноцид украинского народа. Понятие постепенно было усвоено на Украине, однако тема геноци-

да не акцентировалась властями до 2005 года, когда президент Ющенко сделал ее одним из ключевых вопросов своей исторической политики. Он стремился добиться признания Голодомора актом геноцида на международном уровне, а внутри страны пытался законодательно закрепить эту интерпретацию как единственно возможную. В 2006-м украинский парламент силами президентских фракций принял закон о Голодоморе, который квалифицировал голод 1932–1933 годов как геноцид, и объявлял публичное отрицание этого тезиса аморальным и противоправным. Впоследствии Ющенко и депутаты его фракции неоднократно вносили в парламент законопроекты, предусматривавшие уголовную ответственность (вплоть до трехлетнего срока заключения) за отрицание Голодомора как акта геноцида. На Украине была проведена интенсивная пропагандистская кампания, в авральном порядке готовились книги памяти с именами жертв. Ющенко, а за ним и другие государственные деятели пытались утвердить необоснованный тезис о 7–10 млн жертв Голодомора, что делало бы трагедию более масштабной по численности жертв, чем Холокост.

Пик мероприятий, связанных с Голодомором, пришелся на 2008 год, когда отмечалась 75-летняя годовщина голода. Важным элементом пропагандистских усилий как в самой Украине, так и за рубежом стала «Негасимая свеча» высотой около полутора метров и весом в 200 кг, изготовленная в виде снопа колосьев из пчелиного воска, собранного в разных частях Украины. Она путешествовала по миру в рамках акции «Украина помнит — мир признаёт», призванной убедить правительства и парламенты разных стран признать Голодомор геноцидом. Свечу провезли по 33-м государствам — в память о 1933 годе, когда умерло большинство жертв голода, а затем — по всем областям Украины, причем президентская администрация инструктировала местные

власти о том, как должна проходить церемония встречи «Негасимой свечи».

22 ноября 2008 года состоялось торжественное открытие сооруженного рядом с Киево-Печерской лаврой мемориального комплекса, центральным элементом которого стала «Свеча памяти» — 32-метровая бетонная часовня, выполненная в форме белой свечи. Открытие комплекса было приурочено к проведению в Киеве международного форума по увековечению памяти жертв геноцида украинского народа 1932–1933 годов «Украина помнит — мир признаёт». Одним из первых экспонатов мемориала стала гигантская «Негасимая свеча».

В обращении Ющенко к мировому украинству и международному сообществу по случаю 75-й годовщины Голодомора 1932–1933 годов на Украине свеча выступает как центральный символ. Там, в частности, говорилось: «Обращаюсь к вам в связи с 75-й годовщиной наиболее трагического события в истории украинского народа — Голодомора 1932–1933 годов. <...> Правда о преступлении геноцида, сознательно совершенном сталинским режимом на благодатной украинской земле, десятилетиями пыталась пробить себе дорогу. <...> Только освободившись от пут коммунистического тоталитаризма, независимая Украина смогла в полный голос заявить о покушении на жизнь целого народа, совершенном в далекие 30-е годы прошлого века. <...> Глубокое уважение и признательность за гуманизм и солидарность с миллионами невинных жертв геноцида. <...> Мы не говорим о том, что мир мог бы сделать 75 лет назад, если бы знал всю правду. Мы говорим о том, что он должен сделать сегодня в знак уважения к погибшим и к тем, кому удалось выжить в аду Голодомора. 22 ноября в Киеве миллионы свечей, зажженных украинцами в память о замученных голодом соотечественниках, сольются с пламенем «Негасимой свечи», которая прошла через 33 государства мира и всю Украину, вобрав в себя огонь сердец искренних людей разных стран и народов».

Таким образом, в рамках исторической политики в период президентства Ющенко свеча была превращена в центральный символ Голодомора как специфической культурной и политической реальности², то есть стала символом символа. В результате зажжение свечи в день памяти Голодомора оказалось нагружено целым набором дополнительных политических смыслов, превратилось не просто в символ памяти о погибших во время голода, но в знак поддержки интерпретации этих событий как Голодомора-геноцида. Подобно георгиевской ленточке, усиленная эксплуатация «Свечи памяти» в государственной исторической политике наносит ущерб этической привлекательности символа.

«Смоленский крест»

В Польше на протяжении многих веков копилась богатая история использования христианского креста как политического символа. В посткоммунистической Польше первый конфликт, связанный с политическим использованием креста, произошел осенью 1997 года. Два депутата недавно победившей на выборах, но не имевшей большинства в Сейме «Избирательной акции «Солидарности»» в ночь на 20 октября 1997 года повесили над дверью зала заседаний сейма крест. Это был акт самоуправства, поскольку сам Сейм светского польского государства по этому вопросу не принимал никакого решения. Более того, депутаты «Солидарности» знали, что им не удастся сформировать большинство в поддержку этого акта. Однако их расчет оказался верным — противники присутствия религиозного символа в Сейме не решились инициировать обсуждение этого вопроса, и крест остался висеть. Только после выборов 2011 года Януш Паликот, лидер «Движения Паликота», которое сенсационно заняло третье место на выборах с откровенно антиклерикальной программой, пообещал инициировать обсуж-

дение уместности креста в Сейме и начать процесс по этому поводу в Конституционном суде. Реакция церковной иерархии не заставила себя ждать. Во время торжественных мероприятий, посвященных 33-й годовщине избрания Папой Римским поляка Кароля Войтылы, было объявлено, что католическая церковь организует путешествие креста Папы Иоанна Павла II по городам Польши в качестве ответа на пренебрежительное, по мнению Церкви, отношение некоторых политиков к ценностям и символам христианства.

“Подобно георгиевской ленточке, эксплуатация «Свечи памяти» в исторической политике Украины наносит ущерб этической привлекательности символа”.

На таком фоне в 2010–2011 годах развернулись события, в которых центральную символическую роль играл «смоленский крест». Сразу после крушения самолета президента Леха Качиньского под Смоленском 10 апреля 2010 года в рамках траурных мероприятий у президентского дворца в Варшаве был установлен большой деревянный крест, к которому скорбящие возлагали цветы и ставили свечи. Его принесли харцеры — польская молодежная организация скаутского типа. Когда траур закончился, полиция попыталась перенести крест с площади перед президентским дворцом в близлежащий костел Святой Анны, однако натолкнулась на ожесточенное сопротивление сторонников братьев Качиньских и партии «Право и справедливость». Они организовали движение «защитников креста», которое настаивало на том, чтобы он оставался перед президентским дворцом, и отказалось отдать его даже харцерам, которые принесли его на площадь. Из религиозного символа скорби «смоленский крест» превратился в политический символ.

Дело в том, что катастрофа президентского самолета произошла незадолго до

очередных выборов президента Польши. Лех Качиньский должен был в них участвовать, как и Бронислав Коморовский, председатель Сейма, который после гибели Качиньского по конституции стал исполнять обязанности президента и переехал в президентский дворец. Его главным соперником становился теперь брат-близнец Леха Качиньского Ярослав. Ярослав Качиньский и «Право и справедливость» (ПиС) постарались извлечь максимальный политический капитал из сложившейся ситуации. Отчасти

им помогала в этом иерархия польской католической церкви, потому что ПиС выступает главным защитником «религиозных основ польского общества». Так, в дебатах о кресте в зале заседаний Сейма Ярослав Качиньский говорил: «В залах заседаний всех парламентов независимой Польши, и для нас это очень важно, был крест; распятие — это наша ценность и традиция, те, кто хочет ее уничтожить, на самом деле хотят уничтожить наше общество, наш народ. Нужно этому решительно противостоять». Благодаря позиции Церкви Лех Качиньский был похоронен в замке Вавель в Кракове, среди польских королей. Сторонники Качиньских сознательно конструировали культ погибшего президента как инструмент политической борьбы.

Уже после избрания Коморовского новым президентом Польши летом 2010 года администрация президента предприняла активные усилия для переноса «смоленского креста» в костел. Объясняя свою позицию, президент Коморовский и его сторонники говорили о том, что пространство у президентского дворца должно быть нейтральным, свободным, в том числе и от религиозных

символов. Вместо креста администрация предлагала установить мемориальную доску на стене президентского дворца.

Однако в 2011 году Польше предстояли парламентские выборы. В этом контексте «защита смоленского креста» как символа присутствия «настоящего президента» во дворце, занятом теперь Коморовским, становилась важной задачей. «Защитники креста» отвергли идею мемориальной доски и требовали полноценного памятника перед дворцом. 10 сентября 2010 года Ярослав Качиньский участвовал в митинге у президентского дворца и обещал подать в суд на власти города за то, что те установили заграждения и не пускали граждан к кресту. «Защитников креста» поддерживала значительная часть епископата, в том числе архиепископы Гданьска и Пшемисля. «Смоленский крест» хорошо вписывался и во внешнеполитическую риторику партии Качиньского. Он подчеркивал катынскую мартирологию антироссийски настроенных братьев и их скептицизм в отношении постхристианского ЕС.

В то же время происходила мобилизация противников сохранения креста на площади. Городская молодежь, настроенная против Качиньских и епископата, организовав через сеть *Facebook*, в ночь с 9 на 10 августа 2011 года устроила на центральной улице Варшавы Краковском предместье многотысячный митинг с требованиями перенести крест. Участники митинга издевались над «защитниками креста» и размахивали лозунгами «Надо убрать дворец — он не дает рассмотреть крест!». Вскоре многие из участников

этого митинга проголосовали за Паликота, который обещал убрать крест из Сейма.

Только после того, как «Право и справедливость» проиграла вслед за президентскими также и парламентские выборы, активность «защитников креста» пошла на спад. В ноябре 2011 года, когда они прекратили ночные дежурства возле креста, он был перенесен в часовню президентского дворца, а затем в костел. «Смоленский крест» исполнил свою роль политического символа. Впрочем, не исключено, что при определенных обстоятельствах его еще достанут из костела и снова понесут впереди демонстрации.

Заключение

У рассмотренных нами недавно изобретенных символов можно выделить некоторые общие черты. Во-первых, их успех во многом связан с использованием потенциала исторической традиции. Это верно в случае с георгиевской ленточкой, не говоря уже о свече и кресте. Важный элемент эмоционального воздействия этих символов — апелляция к мартирологии. Сторонники символов неизменно отрицают их политический характер. При этом чем яснее прослеживается связь символа с определенной политической силой, тем более ограниченным становится его воздействие на тех, кто сторонником этой силы не является. Все рассмотренные случаи, с более (в случае с крестом) или менее (в случае с ленточкой и свечой) интенсивной динамикой, демонстрируют интенсификацию использования символа определенной политической силой, а следовательно, и подрыв его общенациональной легитимности. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ <http://www.za-lentu.ru/>

² Характеристика Голодомора как специфической формы культурной реальности, в которой понятие Голодомор становится символом и оказывается нераз-

рывно связано с понятием геноцид, принадлежит Георгию Касьянову. См.: *Касьянов Г. В. Danse macabre. Голод 1932–1933 років у політиці, масовій свідомості та історіографії (1980-ті — початок 2000-х)*. К., 2010.

Brian D. Taylor. State Building in Putin's Russia: Policing and Coercion after Communism. Cambridge Univ. Press, 2011. xvii + 373 p.

По существу, книга Брайана Тейлора — это подробный отчет об итогах двух первых сроков Владимира Путина в деле построения государства в России. Именно построение государства (а не, скажем, рост экономики или борьба с коррупцией) выбрано в качестве критерия успешности путинского правления оттого, что с первых дней пребывания у власти Путин настойчиво представлял слабость государства главной проблемой российской политики. Строительство государства и восстановление порядка в стране новый российский лидер объявил своей первостепенной задачей. Неутешительный вывод, к которому приходит Тейлор, состоит в том, что задачу эту Путину решить не удалось и в деле построения государства он не преуспел.

Тейлор идет к этому выводу двумя дорогами: длинной и короткой. С одной стороны, он собирает и сводит воедино, кажется, всю имеющуюся информацию о силовых ведомствах: о том, как их сотрудники работают на низовом уровне, как функционируют отдельные министерства, как главы этих министерств — правительственные силовики — ладят или не ладят между собой, как они рекрутируются и назначаются. Эта богатейшая энциклопедия русской жизни собрана автором из прессы, из имеющихся аналитических обзоров и комментариев экспертов, а также на основании многочисленных интервью со знающими людьми (в том числе с военными и милиционерскими чинами, журналистами, пишущими о силовиках, юристами, социологами, политическими советниками и т. п.) со всех концов страны. Более полного рассказа о российских силовиках англоязыч-

ному читателю не найти. Русскоязычному читателю, впрочем, может показаться, что большую часть того, что рассказывает Тейлор, он и так знает, но это ложное впечатление. Во-первых, Тейлор собрал много новых материалов (которые, правда, несколько теряются в общем обилии информации). Во-вторых, изложение Тейлора систематично: отдельные факты сводятся в нем воедино, и читатель получает возможность увидеть путинский проект государственности целиком и во всех его измерениях.

Особенность анализа Тейлора состоит в том, что сила государства оценивается исключительно по его милиции — то есть буквально через имеющийся у государства потенциал принуждения. Этот подход отсылает к веберовской традиции, для которой центральными характеристиками государства являются сила и легитимность. Остроумный Тейлор идет даже дальше и, отчасти в шутку, отчасти демонстрируя эрудицию, цитирует высказывание Ленина о том, что «постоянное войско и полиция суть главные орудия силы государственной власти».

В принципе, такая позиция безупречна. Действительно, чтобы узнать, способно ли то или иное государство выполнять стоящие перед ним задачи, мы можем взять за точку отсчета деятельность полиции, которая должна принуждать граждан действовать в соответствии с законами, принимаемыми государством для осуществления этих задач, и посмотреть, насколько ей это удастся. Тейлору, впрочем, не нужно оправдываться за ограниченность подхода, поскольку помимо слабости российской полиции он использует и иные показатели эффективности

государства, не связанные с качественной оценкой деятельности силовых структур. Например, он приводит данные о собираемости налогов и количестве убийств, совершаемых в стране ежегодно. Этот, второй путь, естественно, короче первого; он ужимается буквально до нескольких графиков, когда Тейлор обращается к данным индексов *Worldwide Governance Indicators (WGI)*, составляемых с 1996 года под эгидой Всемирного банка и оценивающих отдельные аспекты функционирования государства (такие как верховенство права или контроль над коррупцией).

Индексы *WGI* дают возможность кросснационального и кросстемпорального сравнения: используя эти индексы, можно проследить эволюцию силы российского государства с 1996-го по 2010 год, а можно сравнить Россию с другими странами. Из этих несложных упражнений следует два замечательных вывода. Во-первых, российское государство оказывается неожиданно слабым по сравнению с другими странами сопоставимого экономического достатка. Во-вторых, ситуация в этой области не менялась с ельцинских времен: динамика отдельных показателей *WGI* либо неясная (то есть сила государства то чуть-чуть подрастает, то снова снижается, но в целом одинакова), либо и вовсе отрицательная.

Наблюдая, как эволюционировала силовая политика при Путине, Тейлор задается вопросом о том, почему популярный президент, распоряжающийся весьма изобильным бюджетом, не смог улучшить ситуацию: почему не стали лучше работать силовые структуры, почему не снизилась коррупция, не упрочилось верховенство права и т. д. Ответ на этот вопрос Тейлор, по сути, постулирует — он пишет, что путинская политика в отношении силовых ведомств просто была неправильной. Во-первых, она строилась на кадровом патримониализме.

Во-вторых, Путин не предложил силовикам новой корпоративной миссии. И в-третьих, он устранил все механизмы независимого гражданского контроля над их деятельностью (то, что в теории принципал-агента называется «пожарной тревогой», *fire alarms*), оставив только «полицейские патрули» (*police patrols*) — практику личного контроля принципала за поведением агента.

Автор уделяет изрядное внимание доказательству того, что путинская политика в отношении силовых министерств действительно строилась описанным выше образом. Это доказательство нужно Тейлору для одного из двух его сильных утверждений — о том, что слабость российского государства является следствием именно дурной стратегии его политического руководства, и ничего больше.

Это утверждение заслуживает отдельного рассмотрения. Чтобы установить, насколько отдельные факторы способствуют силе государства, нужно понять, что это за факторы, найти страны, которые будут схожим с Россией образом подвержены их влиянию, и сравнить Россию с этими государствами. Тейлор проделывает все это посредством статистического анализа: он создает из нескольких показателей *WGI* индекс слабости государства и на большом числе случаев оценивает то, насколько слабость государства зависит от таких факторов, как ресурсное богатство, уровень экономического благосостояния, а также от того, была ли страна частью Советского Союза. Затем, узнав, как эти факторы влияют на силу государства, он рассчитывает тот показатель силы государства, который предсказывает для России модель, и сравнивает его с той реальной оценкой, которую Россия имеет в рейтинге *WGI*. Россия, как выясняется, сильно недотягивает до «норматива», что Тейлор связывает именно с плохой политикой руководства. При этом Тейлор

намеренно ступает на территорию другого влиятельного исследования России — а именно статьи Андрея Шлейфера и Дэниела Трейсмана «Обычная страна»¹. Тезис Шлейфера и Трейсмана состоит в том, что многие неурядицы, которые принято считать российскими патологиями, особенностями именно российского развития и проч., на самом деле свойственны всем развивающимся странам. Соответственно, достаточно выбрать для России честного спарринг-партнера, и мы увидим, что ничего экстраординарного в России не происходит. Тейлор, проделав примерно ту же операцию, которую предлагают Шлейфер и Трейсман, приходит к противоположному выводу: он показывает, что на самом деле Россия — страна, как минимум, с ненормально слабым государством.

Есть, однако, некоторая натяжка в том, чтобы связывать эту слабость исключительно с неумной политикой Путина, поскольку, как уже отмечалось выше, Путин не сделал государство ни сильнее, ни слабее; по большому счету, в 2008 году оно оставалось таким же, каким было, например, в 1996-м. А раз так, то, возможно, правильной было бы задаться вопросом о том, что за неведомая сила неизменно сковывает волю российских реформаторов, не давая им залатать очевидные для них бреши очевидным для них способом.

Кроме того, тезис о том, что в своих попытках построить в России сильное государство Путин просто использует неправильную стратегию, вызывает сомнения еще и по другой причине: разумеется, политики иногда ошибаются, но когда они это делают с таким упорством, политологу впору задуматься, правильно ли он понимает, что это именно ошибка. Не следует ли предположить, что ошибку делает он сам, неверно трактуя целеполагание политика? Вот, например, как Тейлор подводит итог путинского правления: «В целом усилия

Путина по строительству сильного государства привели к противоречивым результатам. Собираемость налогов выросла, и расширились возможности репрессировать политических противников. За время второго срока снизилось число убийств, хотя, по сравнению с мировыми показателями, оно осталось довольно высоким». Прочитав это описание, сам Путин наверняка подумал бы, что он молодец: и собираемость налогов повысил, и может репрессировать противников — ну не красота ли? Для Тейлора, однако, такая трактовка неприемлема, поскольку его взгляд на мир нормативен: когда Путин отклоняется от более «правильного» политического курса, для Тейлора это только ошибка, а не признак того, что Путин, возможно, с самого начала проводит другой курс и ставит перед собой другие задачи.

Эта нормативность, в частности, проявляется в том, что помимо категории силы государства Тейлор вводит еще одну — его качество, и в анализе российского случая уделяет ей большое внимание. Вообще-то классической парой для литературы о государстве являются его сила и автономия — *state capacity* и *state autonomy*. Две эти концепции были введены в обращение Тедой Скочпол² в начале восьмидесятых, когда в политологии и социологии возродился интерес к государству. Силу государства Скочпол определила как его способность выполнять решения, принимаемые правительством, а автономию — как независимость правительства от интересов отдельных социальных групп, классов или общества в целом в формулировании таких решений. Как видно, в совмещении этих категорий есть особая логика взаимодополнения, поэтому их, как правило, не используют порознь. Тейлор же отказывается от понятия автономии, а вводит новое — качество государства — и на нем строит свой

второй сильный аргумент. Чтобы построить сильное государство, утверждает он, необходимо одновременно стремиться к тому, чтобы оно было качественным.

Делая это утверждение, Тейлор оговаривается, что оно носит нормативный характер. На мой взгляд, однако, проблема тут не в нормативности, а в том, как именно определяется понятие качества. Говоря о силе государства, Тейлор предлагает проводить различие между его способностью выполнять рутинные, предписанные ему функции (бороться с преступностью, собирать налоги и т. д.) и исключительные задания, формулируемые *ad hoc* и часто незаконные (например, разогнать оппозиционный митинг). Соответственно, смещение баланса в сторону выполнения рутинных задач и отказ от выполнения задач исключительных в понимании Тейлора является показателем более высокого качества государства. Определив таким образом качество, Тейлор соотносит его с силой государства и путем перекрещивания разных вариантов (например, низкая сила — низкое качество, высокая сила — низкое качество) получает некую типологию государств.

Удивительным свойством этой типологии является то, что, будучи изначально построенной как матрица два на два, она на выходе дает не четыре типа, а только три: слабых, но качественных государств не бывает. И уже это дает основания задуматься, насколько осмысленно соотносить между собой две категории, одна из которых определена через другую. Действительно, если качество государства — это лишь разновидность его силы, то, соотнося их между собой, мы искусственно задаем градацию от ситуации слабого государства к ситуации, когда оно сильное и при этом его сила используется для достижения всеобщего блага, а по пути проходим промежуточный вариант, где государство как будто сильное, но его сила используется правительством в дурных целях.

Эта классификация хромает на одну ногу, чтобы не сказать, что у нее вообще всего одна нога. Работа с такой классификацией чревата соблазном провозгласить тренировку этой единственной ноги — то есть усиление государства — самой верной дорогой к построению государства, которое служило бы всеобщему благу. Вообще говоря, ключом к построению такого государства может быть что-то иное — а не только его усиление, — просто ничего, кроме силы, автор в свое теоретическое построение не включил. Неудивительно, что сам Тейлор поддается этому соблазну и заявляет, что наблюдаемая им градация является признаком того, что сначала государство становится сильным и уж потом — качественным. На самом деле это утверждение не только не обоснованно — оно может быть попросту неверным. Так, Стивен Левитски и Лукан Уэй убедительно показывают в своей последней книге, что если какое-то свойство государства и способствует становлению демократии, то это его слабость и проистекающая из этой слабости неспособность правителей узурпировать власть³.

Помимо этого, некоторая частная проблема возникает с тем, чтобы в терминах силы и качества государства описать российский случай, который не отличается ни силой, ни качеством и к тому же не показывает никакой временной вариации по этим показателям. Российское государство было слабым при Борисе Ельцине и осталось слабым при Владимире Путине. Его качество было низким, и оно не повысилась. Единственное измерение, в котором как будто произошли какие-то содержательные изменения, — это автономия: при Путине государство стало зависеть в формулировании повестки дня от группы давления, которая при Ельцине оставалась на вторых ролях, а именно от силовиков, и, по-моему, странно, что Тейлор лишает себя

удовольствия порассуждать о том, как это переподчинение должно было сказаться на развитии государства в России: привело ли оно к росту или снижению его автономии, и есть ли какая-то существенная разница между ситуациями зависимости государства от силовиков и от крупного бизнеса.

Может показаться, что все это теоретические тонкости, не имеющие реального значения, но на самом деле это не так. История, которую Тейлор рассказал бы с использованием другой теории, звучала бы иначе. Это была бы история о том, как была построена политическая машина Путина, какую роль в этом процессе сыграли силовики и какую роль они играют в российской политике сегодня. При этом многие ложные загадки — вроде той, почему Путин предпочитает «полицейские патрули» «пожарной тревоге» — были бы сняты. На эти вопросы не пришлось бы давать мало что проясняющие ответы (вроде того, что Путин проводит такую политику по ошибке), а взамен мы получили бы замечательный анализ, на практике показывающий, почему политика, которая наилучшим образом обеспечивает удержание власти, обыкновенно не служит интересам граждан (или, вспоминая

название недавней книги Брюса Буэно де Мескиты и Алистера Смита, «почему дурное поведение почти всегда оказывается хорошей политикой»⁴).

Притом возможность такого анализа в данном случае не является фантазией рецензента: контуры этого анализа видны во всех разделах книги, где присутствуют элементы сравнения путинского и ельцинского периодов, и в особенности — в блестящей главе о путинской централизации, где к имеющейся богатой эмпирике пристегнута не хромоногая теория качества государства, а более стройная теория осуществления власти в федерациях. В этой главе мы отчетливо видим, как и почему силовики стали основной клиентелой Путина в нулевые годы и какая властная архитектура была выстроена вокруг этого клиентелизма. В принципе, перестроив собственную оптику таким образом, чтобы отфильтровывать не вполне органичный нормативизм Тейлора, читатель разглядит ту же историю и во всех остальных главах. Для такого читателя «Построение государства в России Путина» (*“State Building in Putin’s Russia”*) станет наилучшим путеводителем по путинской России. ■

ИВАН ГРИГОРЬЕВ

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Шлейфер А., Трейсман Д. Обычная страна // Рабочие материалы. № 7. М.: Московский Центр Карнеги, 2004.

² Skocpol T. Bringing the State Back in: Strategies of Analysis in Current Research // Bringing the State Back in / P. Evans et al (eds.) Cambridge Univ. Press, 1985.

³ Levitsky S., Way L. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2010.

⁴ Bueno de Mesquita B., Smith A. The Dictator’s Handbook: Why Bad Behavior Is Almost Always Good Politics. Public Affairs, 2011.

Григорий Голосов. Демократия в России: инструкция по сборке. СПб. БХВ-Петербург, 2012. 208 с.

Новую книгу Григория Голосова можно воспринимать как развитие темы, заданной в классической книге Роберта Даля «О демократии» — только на российской почве. Следует признать, попытка увенчалась успехом.

Книга в основном составлена из текстов, опубликованных автором на портале Slon.ru. Последние несколько лет Голосов ведет здесь тематический блог, в котором регулярно делится своими соображениями как о текущих событиях, так и об их долговременных последствиях для российской политической системы. Тексты изначально адресовались молодой интернет-аудитории, а не специалистам, что, по-видимому, и определило некоторую легковесность авторского стиля. Но обманываться не стоит — все рекомендации, касающиеся оптимального для России институционального дизайна, построены на прочном эмпирическом и научном фундаменте и, за малым исключением, звучат весьма убедительно.

Текст можно условно разделить на две неравные части. В первой, большей, Голосов дает четкие, аргументированные указания, как наилучшим образом обустроить политическую систему будущей свободной России, исходя из мирового и собственно российского опыта. Полупрезидентскую систему следует заменить на премьерско-президентскую (с. 71; 151–159). Избирательную систему для парламентских выборов оставить пропорциональной, но не в едином округе, а в округах малой величины (с. 125). Отказаться от региональных списков, но, вопреки чаяниям российской оппозиции, не возвращаться ни к порогу явки, ни к голосованию «против всех» (с. 106). Голосов не боится идти и против единственного, пусть и

хрупкого общественного консенсуса о необходимости возврата к прямым выборам губернаторов — предлагая взамен довольно сложную схему непрямых выборов (через местные законодательные собрания), посредством которых будет изжита манипулятивная тактика «паровозов» (с. 79–87). И так далее. Если представить на мгновение, что люди с Болотной, перейдя Большой Каменный мост, обнаружили перед собой обезлюдевший Кремль, то с этой книгой в руках молодая российская оппозиция могла бы построить сносную — или даже почти идеальную — политическую систему с устойчивыми демократическими институтами. Не зря издатель вынес благодарственный отклик Алексея Навального прямо на первую страницу обложки.

Вторая, заметно меньшая и заключительная часть книги посвящена собственно тому, нужна ли демократия в России. И хотя после «пугинского эпизода», как называет автор авторитарный поворот 2000-х, в России «не осталось сколько-нибудь заметных политиков, которые выступали бы против демократии» (с. 196), автор тем не менее чувствует необходимость подробно разобрать вместе с читателем типичные антидемократические аргументы (вроде специфики российского менталитета, определяющей неготовность россиян к демократии, большей устойчивости авторитарных систем или их эффективности в деле модернизации).

Но по мере погружения в эту исключительно добротную и одновременно легко написанную книгу нарастает смутное беспокойство. Услышат ли ее адресаты (по замыслу автора, в их число входят как рядовые избиратели, так и политики) эти толковые

советы? Если и услышат, почему обязательно им последуют? Если мы продолжим наш фантастический сценарий, то, перейдя через мост, не забудут ли лидеры демократической оппозиции о своих убеждениях? И главное, нельзя же всерьез полагать, что Кремль правда опустеет и с предыдущими элитами не придется ни о чем договариваться. Голосов и сам исходит из того, что если демократизация и произойдет, то «будет продуктом взаимодействия между нынешними властями, то есть правящей группой в целом, и какой-то несистемной, не интегрированной в нынешний порядок оппозицией» (с. 51). Но если то, что нас ждет при самом оптимистичном сценарии, будет плодом компромисса между остатками старого режима и новыми элитами, в чем смысл набросков идеального институционального дизайна, словно у нас будет шанс построить государство в чистом поле и лишь потом заселить его людьми?

Для ответа на этот вопрос необходимо резко сменить оптику и посмотреть на книгу Голосова не как на политологический текст, а как на приметку времени, объект для изучения через призму социологии протеста. Пусть начальной точкой нашего рассуждения будет чуть наивное предположение о том, что такие, адресованные «широким массам» публицистические тексты о политическом устройстве страны отражают рост реального «низового» спроса на народное представительство, причем не на бумаге, а в реальной жизни. Действительно, не претендуя на глубину анализа, легко увидеть, что в истории России было лишь два момента, когда выходили десятки, а то и сотни популярных произведений об изменении политического устройства: это 1905 и 1917 годы. Тогда, в эти два коротких периода, когда власть оказалась на развилке между авторитаризмом и демократией, подобная литература захлестнула книжный рынок. Здесь были и вполне основательные работы, вроде книги профессора Знаменского «Что нужно России

для закрепления в ней демократической республики», но было много и таких, как тоненькая брошюрка «Что нужно знать каждому свободному гражданину», в которой трогательно объяснялось, зачем, собственно, России демократия: «Жизнь в Швейцарии свободная, там нет ни воров, ни нищих, народ живет очень хорошо. Потому в Швейцарии жизнь хороша, что там народное управление — Демократическая Республика, которая и нужна России». Этот всплеск литературно-просветительской деятельности продлился лишь несколько месяцев, с тем чтобы затем надолго умолкнуть. И хотя при некотором усилии события 1991 года можно считать революцией, к массовой рефлексии о том, какой политический строй нам все же нужен, это не привело. Если не считать анекдотически-проповеднического, пафосного даже по меркам наивных перестроечных лет «Как нам обустроить Россию» Солженицына, разве что авторы афанасьевского сборника «Иного не дано» 1988 года пытались выстроить линию аргументации о деталях построения демократии в России — западного типа, а не в ее социалистическом изводе. В тот момент говорить с гражданами о таких мелочах, как институциональный дизайн, казалось неуместным. Но и затем, даже в преддверии принятия конституции 1993 года не появилось ни одного толкового публицистического текста, подобного голосовской книге, где понятным, а не кондово-канцелярским языком обсуждался бы вопрос об оптимальном государственном устройстве. Отсутствие читательского спроса на подобную литературу не может быть ответом на вопрос, были ли события начала 1990-х «революцией снизу», но, по крайней мере, это означает, что немногих тогда занимали мысли о том, при каком, собственно, режиме они хотели бы жить.

Возможно, одним из главных итогов декабрьских выборов 2011 года можно назвать консенсус между обществом и властью, в котором обе стороны призна-

ли — электоральный авторитаризм себя изжил. В главе с говорящим названием «Электоральный авторитаризм как худший из миров» Голосов доказывает, что в долгосрочной перспективе управляемая демократия — тупиковый путь. Но и мыслящая куда более короткими промежутками власть тоже осознает, что необходимо либо сдвигаться в сторону демократизации, пусть постепенно и выборочно, либо подыскивать опору для легитимности где-то вне поддержки большинства, которая становится угрожающе шаткой.

Голосов склонен считать, что в элитах наблюдается полное согласие по вопросу о необходимости демократии: «У путинского эпизода в истории России (а в широкой перспективе это очень затянувшийся, но именно эпизод, — в отличие, скажем, от эпохи Ельцина) есть один в высшей степени позитивный итог. В России не осталось сколько-нибудь заметных политиков, которые выступали бы против демократии». Но этот взгляд представляется излишне оптимистичным. Стремительный всплеск массовой политической вовлеченности, начавшийся на Болотной, развивался (и развивается) бок о бок с нарастающей архаизацией политического дискурса власти: от державно-жертвенной апелляции к памяти героев 1812 года во время «антиоранжевого» митинга на Поклонной горе в феврале 2012-го до передачи роли идеологического отдела государства Русской православной церкви (единственному в России институту, который возводит себя к царской России). И если книга Голосова преимущественно тем десяткам книжек и брошюр, где вчерашним крестьянам рассказывали о достоинствах «четырёххвостки» (прямого, равного, тайного и всеобщего голосования), то проповеди патриарха о богоугодности всякой власти или осторожные призывы к поискам легитимности в дореволюционном прошлом и «восстановлении чувства исторической справедливости»¹ генетически род-

ственны авторитарным манифестам начала XX века, чьи авторы в ответ на требования демократических перемен пытались обосновать «несостоятельность начала большинства как принципа государственно-общественного строительства» (название одной из брошюр монархиста Щечкова).

Из исходной точки — электорального авторитаризма — есть два выхода: в сторону более жесткого авторитаризма либо более последовательной демократии. Каким из двух путей страна последует, зависит от баланса сил в политической элите. Система находится в движении, и сколь бы ни были убедительны аргументы, приводимые Голосовым как в защиту демократии в целом, так и в пользу тех или иных ее форм, конечная точка зависит от общей равнодействующей множества разнонаправленных сил — это наглядно демонстрирует и сам автор в главе «Геометрия демократизации». Но раз конкретный дизайн будет определяться расположением и мощностью сил политических акторов в момент пересмотра правил игры, то и советы об оптимальном устройстве не будут услышаны. Профессиональный ученый-политолог в этом смысле похож на беньяминовского ангела истории, летящего в будущее спиной вперед, — можно лишь констатировать ошибки прошлого, но влиять на ход событий невозможно. Внутреннее противоречие между позицией честного исследователя и потребностью в указании верного пути будущим демократическим политикам порождает в тексте любопытные парадоксы. Если от прямых выборов губернаторов предлагается отказаться из-за опасности скатиться в субнациональный авторитаризм (с. 81), то прямые президентские выборы все же стоит оставить. Но если смириться с антидемократическими склонностями избирателя и элит на региональном уровне, то почему надо стесняться признать их на федеральном? Ответ прост: если идти до конца по пути честной фиксации действи-

тельности, то заявленная цель просветительства «широких масс» в области демократии окажется недостижимой.

Поэтому, например, Голосов убеждает и себя и читателя в том, что именно Конституция 1993 года привела нас туда, где мы сейчас находимся. Но все же будем честны: сложившаяся композиция институтов всегда является отражением расстановки сил на момент ее фиксации в конкретных конституционных текстах, и по сравнению с этим влиянием формализованных правил на «равнодействующую», как сказали бы физики, можно пренебречь. Действительно, у российской Конституции 1993 года есть множество существенных изъянов, на которые справедливо указывает Голосов (с. 131–135), но это не позволяет объяснить, почему авторитарный поворот произошел лишь десять лет спустя. А многочисленные изменения избирательной системы в 2000-х демонстрируют беззащитность любых (пусть и не оптимальных) правил перед стремлением власти к расширению своих полномочий, если нет влиятельных игроков, заинтересованных в их сохранении. И надо заметить, угнетенный, по словам Голосова, массовый российский избиратель тоже не подал голос в защиту тех самых прав; более того, он «не заметил, как был [их] лишен» (с. 79). Отсутствие голоса граждан объясняется, пожалуй, не тем, что у них были связаны руки (тут стоит заметить, что репрессивный характер режима стал постепенно усиливаться *после*, а не *до* авторитарного поворота), а тем, что они увлеклись быстро растущими возможностями потребления, и к тому же ущемление политических прав, по

всей видимости, в их глазах не казалось важной утратой. Несмотря на то что, по мнению Голосова, именно народ был наиболее уязвимым игроком, оказавшимся внакладе в результате движения к авторитаризму в течение 2000-х, граждане до недавнего времени сохраняли молчание. Причиной столь затянувшейся паузы может быть лишь «нулевая равнодействующая» — негласный контракт, в рамках которого власть расплачивалась с обществом за его политическую апатию, нечто вроде аналога «Большой сделки» Сталина со средним классом в 1930-х, по Вере Данхем², или «Малой сделки» при Брежневе, по Джеймсу Миллару³. Но какой бы ни был размер и природа путинской сделки с российским средним классом в 2000-х, сейчас очевидно — срок ее действия вышел.

Но если очертания будущей политической системы все равно сформируются в результате борьбы разнонаправленных сил (подобно тому, как, по мнению Чарльза Тилли, формировалась демократия в Европе⁴), означает ли это, что задумываться об институциональном дизайне нет смысла? Разумеется, нет. Именно работа мысли, вызванная чтением блога Голосова на «Слоне» или его книги, осознание того, что государственные институты — лишь сумма индивидуальных предпочтений, а не спущенная сверху директива, ускоряют превращение советского человека в гражданина посткоммунистической России. В этом достоинство книги Голосова, несмотря на то, что сами его рекомендации, к сожалению, имеют мало шансов воплотиться в жизнь в реальном политическом пространстве. ■

ФИЛИПП ЧАПКОВСКИЙ

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ См.: *Зубов А.* Откуда нам плыть // Ведомости. 2012. 5 мая.

² *Dunham V.* In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction. Durham: Duke, 1990.

³ *Millar J. R.* The Little Deal: Brezhnev's

Contribution to Acquisitive Socialism // *Slavic Rev.* Vol. 44. No 4. Winter 1985. P. 694–706.

⁴ *Tilly Ch.* Contention and Democracy in Europe: 1650–2000. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 2004.

Daron Acemoglu, James A. Robinson. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty. Crown Publishing Group, 2012. 529 p.

Дарон Эйсеоглу и Джеймс Робинсон только что опубликовали объемистую книгу «Почему нации терпят неудачу: Истоки могущества, процветания и бедности». Этот труд, посвященный проблемам развития, наверняка привлечет внимание читателей. В среде тех, кто занимается тематикой развития, наметилось повальное увлечение рандомизированными контролируруемыми исследованиями, в ходе которых респондентам предлагается ответить на множество частных вопросов, вроде такого: «Способствует ли доленая оплата москитных сеток для кроватей их продвижению на рынок?» Весьма сомнительно, чтобы подобные исследования, даже в их совокупности, приблизили нас к пониманию закономерностей развития. Напротив, Эйсеоглу и Робинсон сосредоточены исключительно на макропроблемах: их интересует, как современные институты формировались на базе институтов колониальных; почему регионы мира, которые по состоянию на 1500 год были самыми богатыми, сегодня оказались в числе беднейших и как побудить состоятельные элиты делиться своими богатствами. В рецензируемой книге авторы заново формулируют и развивают положения, выдвинутые ими в более ранних статьях «Колониальное происхождение институтов» и «Непостоянство Фортуны», но в отличие от этих академических работ новая книга написана доступным для массового читателя

языком и речь в ней не идет о таких сложных материях, как регрессии или теория игр.

Эйсеоглу и Робинсон выдвигают две взаимосвязанные идеи: они считают, во-первых, что институты влияют на экономический рост и, во-вторых, что институты существуют в их нынешнем виде по той причине, что в любом обществе есть политические силы, заинтересованные в этом. Подобные сентенции могут показаться общим местом, тем не менее многие люди, занятые проблематикой развития, недооценивают их. У специалистов по развитию популярна гипотеза — авторы книги называют ее «гипотезой невежества», — гласящая, что провалы развития случаются потому, что руководители той или иной страны не знают, что такое хорошая, правильная политика (это старая идея вашингтонского консенсуса), или — поскольку сейчас акцент сместился на институты, — не знают, что такое хорошие институты и как их создать. Многие агентства по вопросам развития ведут себя так, словно лидеры в развивающихся странах жаждут проводить правильную политику, да вот не знают, как это сделать. Поэтому содействовать развитию должны умные парни из таких мест, как Вашингтон, командируемые с целью научить местных лидеров уму-разуму, ну, может быть, не без некоторого «выкручивания рук», призванного подтолкнуть их к перестройке существующих структур.

Напротив, утверждают авторы книги, плохие институты являются порождением политических систем, работающих на обеспечение частных выгод для элит в развивающихся странах, даже если этим усугубляется бедность общества в целом (вспомним Нигерию,

ПЕРЕВОД РЕЦЕНЗИИ ФРЭНСИСА ФУКУЯМЫ (FRANCIS FUKUYAMA) "ACEMOGLU AND ROBINSON ON WHY NATIONS FAIL", ОПУБЛИКОВАННОЙ НА САЙТЕ ЖУРНАЛА THE AMERICAN INTEREST ([HTTP://BLOGS.THE-AMERICAN-INTEREST.COM/FUKUYAMA/2012/03/26/ACEMOGLU-AND-ROBINSON-ON-WHY-NATIONS-FAIL/](http://blogs.the-american-interest.com/fukuyama/2012/03/26/acemoglu-and-robinson-on-why-nations-fail/)) © 2012, THE AMERICAN INTEREST LLC. ПУБЛИКУЕТСЯ С ЛЮБЕЗНОГО РАЗРЕШЕНИЯ THE AMERICAN INTEREST

в которой много мультимиллионеров, в то время как 70 проц. населения живет за чертой бедности). Политически «правильно» было бы лишить такие элиты ренты, которую они сейчас получают. Иначе никакие запугивания и угрозы отказать в предоставлении очередного кредитного транша не окажут на их поведение ощутимого влияния. В данном случае авторы утверждают практически то же самое, к чему в 2009 году пришли авторы книги «Насилие и социальный порядок» (*Violence and Social Orders*) Дуглас Норт, Джон Уоллис и Барри Уэйнгайт. Согласно им наиболее отсталые общества — это те, которые они называют обществами «с ограниченными возможностями доступа» (*limited access orders*) и в которых коалиции рентополучателей блокируют остальным гражданам доступ к участию в политической и экономической системе. Честно говоря, я не вижу большой разницы между дихотомией «экстрактивное/инклюзивное общество» у наших авторов и дихотомией «общества ограниченного/открытого доступа» у Дугласа Норта с соавторами.

Вывод о ключевой важности институтов и политики развития влечет за собой важные последствия применительно к выбору политического курса, отмечают Эйсемогу и Робинсон. Если экономический рост является продуктом вовсе не хорошей политики, например, либерализации торговли, которую теоретически можно включить и выключить, как электричество, а продуктом базовых институтов, то перспективы иностранной помощи начинают выглядеть отнюдь не радужно. «Плохие» правительства способны тратить впустую огромные ресурсы, предоставляемые им извне с самыми благими намерениями, притом поток долларовой помощи бедным странам может ухудшить качество их управления, в результате чего ситуация в обществе оказывается — из-за финансовой непрозрачности — хуже, чем она была бы в ином случае. Более того, как показывает

опыт США, приобретенный в ходе государственного строительства в Афганистане и Ираке, внешние усилия, имеющие целью помочь в создании базовых институтов, зачастую встречают ожесточенное сопротивление. Плохие институты в бедных странах существуют потому, что в их существовании заинтересованы влиятельные политические силы, стремящиеся к сохранению статус-кво. Хамид Карзай прекрасно понимает, как должно работать «чистое» правительство; все дело в том, что он не нуждается в таком правительстве. Если внешние акторы не найдут способ, позволяющий изменить подобный политический расклад, внешняя помощь в значительной степени окажется бесполезной.

Со всем этим трудно не согласиться. За прошедшие годы Эйсемогу и Робинсон многое сделали для того, чтобы сфокусировать внимание как теоретиков, так и политиков на институтах и сформировать в сообществе экономистов консенсус относительно важности политики развития. В свете этого особенно обидно, что их подробная и полная красочных деталей книга практически не идет дальше этих общих выводов, обходя важнейший вопрос о том, какие именно институты необходимы для стимулирования роста, и оставляя без объяснения некоторые чрезвычайно важные исторические факты.

Первая проблема, к которой они обращаются, — концептуальная. Авторы проводят резкое различие между тем, что они называют хорошими «инклюзивными» экономическими и политическими институтами, которые они иногда обозначают также как «плюралистические», и плохими «экстрактивными», или «абсолютистскими», институтами. К сожалению, эти термины настолько широки, что Эйсемогу и Робинсон так нигде и не дают четкого определения всего, что они под этим понимают, и не показывают, как они соотносятся с другими концепциями. Например, «инклюзивные» экономи-

ческие институты вроде бы включают в себя формальное право собственности и судебную систему, но должны учитывать и социальные условия, обеспечивающие конкретным людям доступ на рынок, такие как уровень образования и местные традиции. Да, «инклюзивные» политические институты предполагают современную электоральную демократию, но они имеют дело с обезличенным централизованным государством, а также доступом к правовым институтам и таким формам участия в политической жизни, которые имеют мало общего с современной демократией. Мы обнаруживаем, например, что в Англии после «Славной революции» 1688–1689 годов общество уже становилось «инклюзивным», несмотря на то, что право голоса имело значительно меньше 10 проц. населения. Когда авторы рецензируемой книги впервые использовали определение «экстрактивный» в своих ранних статьях, оно в буквальном смысле относилось к «экстрактивной», то есть добывающей, деятельности, как это было на оловянных и серебряных рудниках Потоси (Боливия) или на сахарных плантациях Карибских островов, когда соответствующие продукты добывались-экстрагировались благодаря труду рабов. Между тем в этой новой книге «экстрактивным», как кажется, называется любой институт, в той или иной степени препятствующий политическому участию граждан, от племенных общин до фермеров-скотоводов в Аргентине XIX века и — далее — до современной Коммунистической партии Китая.

Поскольку каждое из этих общих понятий («инклюзивный»/«экстрактивный» и «плюралистский»/«абсолютистский») охватывает множество разных значений, очень трудно зафиксировать их конкретный смысл. И столь же трудно проверить любое построенное на них утверждение. Поскольку же большая часть обществ в реальном мире

являют собой сочетание «экстрактивных» и «инклюзивных» институтов, любые факты роста (или его отсутствия) можно постфактум объяснить и «инклюзивными», и «экстрактивными» качествами системы.

Использование столь широких категорий и неспособность провести различие между компонентами политической «инклюзивности» в значительной мере снижают ценность этой книги, потому что хочется знать, как же каждый из компонентов влияет на развитие и как они взаимодействуют друг с другом. Во многих работах сравниваются, например, влияние — по отдельности — современного государства, верховенства закона и демократии на экономическое развитие, и похоже, что первые два из этих факторов гораздо сильнее влияют на конечный результат, нежели демократия. Действительно, есть много оснований полагать, что в очень бедной стране расширение электоральных прав может подорвать эффективность государства, так как при этом значительно расширяется поле для различных форм коррупции и клиентелизма. Индийская политическая система настолько «инклюзивна», что в ней практически невозможно реализовать крупные инфраструктурные проекты, потому что тут же начинаются судебные иски и демократические протесты (это особенно ярко контрастирует с «экстрактивной» китайской системой). Кроме того, как еще много лет назад отметил Сэмюэль Хантингтон, расширение участия граждан в политической жизни может дестабилизировать общество (и тем самым повредить развитию), если институты начинают действовать несогласованно. Иными словами, плюсы, которые обеспечивает «инклюзивность», необязательно суммируются в одно положительное целое: в некоторых случаях они могут вступать в противоречие друг с другом. Однако из книги мы об этом практически ничего не узнаём, поскольку авторы, кажется, полагают, что

чем больше «инклюзивности», тем лучше во всех отношениях.

Как и во многих других работах, активно апеллирующих к истории, но написанных экономистами, в рецензируемом томе порой встречаются довольно спорные факты и интерпретации. Например, авторы пишут, что «инклюзивную» республику в Риме сменила «абсолютистская» империя и что именно это и привело к последующему экономическому упадку Древнего Рима. Но как быть с тем, что власть и богатство Рима продолжали возрастать в течение еще двух столетий после правления Августа (а восточная часть империи просуществовала на удивление долго — до XV века)? Можно утверждать, что переход от узкоолигархической республики к монархии с развитыми правовыми институтами, наоборот, обеспечил обычным гражданам более широкий доступ к политической системе, одновременно решив и острую проблему политической нестабильности, которая под конец затерзала позднюю Республику.

Точно так же, следуя традиции, заложенной Нормом и Уэйнгастом, авторы рецензируемой книги указывают, что «Славная революция» 1688–1689 годов сыграла критически важную роль в становлении надежных и защищенных прав собственности, а также «инклюзивной» политической системы. Последнее утверждение в значительной мере справедливо, но право собственности у англичан уходит корнями в гораздо более древнюю традицию обычного права, начинающуюся еще с Нормандского завоевания Англии, и развитая торговая цивилизация возникла здесь задолго до 1689 года. «Славная революция» сыграла гораздо менее важную роль в становлении прав собственности как таковых, нежели в превращении короны в активного заемщика, чем и объясняется взрывной рост английского государственного долга в следующие сто лет.

Труднее всего авторам объяснить, исходя из предложенной ими схемы, ситуацию в современном Китае. КНР сегодня, по их мнению, является государством более «инклюзивным», нежели маоистский Китай, но все еще далеким от стандартов «инклюзивности», сложившихся в США и Европе. И тем не менее на протяжении последних трех десятилетий Китай развивается быстрее, чем любая другая крупная страна. Пекин ограничивает доступ на свой рынок, практикует меры финансового давления, не обеспечивает права собственности и верховенство закона по западному типу, а руководит им непрозрачная олигархия, именуемая Коммунистической партией Китая. Как же тогда объяснить экономические успехи Китая? Вместо того, чтобы увидеть, что этот факт не укладывается в рамки их модели (глящей: чем больше «инклюзивности», тем быстрее рост), авторы его попросту игнорируют, утверждая, будто китайский рост долго не продлится и что эта система в конечном счете рухнет (как Рим, через 200 лет???). Я тоже считаю, что Китай в конечном итоге рухнет. Как бы то ни было, но теория развития, неспособная объяснить наиболее выдающуюся историю экономического успеха наших дней, на мой взгляд, оставляет желать лучшего.

И все же общие выводы авторов рецензируемой книги представляются мне бесспорными и политически важными: именно поэтому я оцениваю ее в целом положительно. Хочется только пожелать, чтобы авторы активнее обращались к базовым категориям, уже давно используемым в других областях социальной науки, таким как «государство», «верховенство закона», «патримониализм», «клиентелизм», «демократия» и т. п., вместо того, чтобы изобретать неологизмы, которые больше затемняют, чем раскрывают проблему. ■

ФРЭНСИС ФУКУЯМА

David C. Engerman. Know Your Enemy: The Rise and Fall of the America's Soviet Experts. Oxford Univ. Press, 2009. 459 p.

В наши дни житель американской столицы встречает на лотках букинистических магазинов старые книги, посвященные советской армии и флоту, выцветшие биографии Иосифа Сталина и Никиты Хрущёва, русско-английские военные словари. Все это остатки библиотек покидающих сей мир специалистов по Советскому Союзу, чьи наследники избавляются от ненужных книг. Здесь можно увидеть экземпляры с дарственными надписями бывшим министрам обороны и эклибрисы людей, чьи имена были тайной за семью печатями. Некогда остроактуальное чтение, которое в русских переводах распространялось в сам- и тамиздате, сочинения, которым давали решительный отпор советские пропагандисты, теперь идут по три доллара за штуку. Как, например, пройти мимо валяющегося на вашингтонском книжном развале русско-турецкого военного словаря 1960 года издания? Как не обратить внимание на сборник «Советская военная мощь»? Его ежегодно выпускал Пентагон, а в ответ в СССР выходила брошюра «Откуда исходит угроза миру». XX век с его холодной войной, конфликтом двух общественных систем, ракетно-ядерным противостоянием ушел в прошлое, оставив любопытным искателям теней возможность покопаться в том, какие дискуссии разворачивались в сообществе советологов и кремленологов.

Именно таким искателем оказался американский историк Дэвид Энгерман, написавший книгу «Знай своего врага» (*Know Your Enemy*). Энгерман работал в архивах, провел около ста интервью и осуществил детальную инвентаризацию американских организаций, исследовательских центров, программ науч-

ного обмена, дискуссий, споров, существовавших вокруг того государственного, культурного, военного, экономического и политического явления, которое представлял собой Советский Союз. Энгерман написал книгу, которая позволяет читателю глубоко проникнуть в мир политики, американских учреждений, идей и личностей, столь типичных для времен холодной войны.

«Знай своего врага» охватывает период с окончания Второй мировой войны до распада СССР в 1991 году. Энгерман описывает американские исследования Советского Союза как полную жизни интеллектуальную отрасль, изучавшую не только «советскую угрозу», но и советское общество и культуру, историю России и русскую литературу: «Учреждения американского правительства и благотворительные фонды, которые поддерживали российские исследования, не только создали среду для изучения Политбюро ЦК КПСС, одновременно они способствовали подготовке специалистов по Пушкину. Хотя они искали сведения о Брежневле, но также поддержали изучение Булгакова и, возможно, Бахтина».

Оборачиваясь назад, можно говорить о том, что американские силовые структуры сыграли среди прочего позитивную просветительскую роль в распространении в США знаний о России. По оценке Энгермана, эта широкая сеть настолько прочно связала Пентагон с американскими «мозговыми центрами», что в какой-то мере эта связь сохраняется и сегодня. Советология, по мнению Энгермана, выступила моделью для других региональных исследований, включая изучение ислама.

Подзаголовок книги «Взлет и падение американских экспертов по Советскому Союзу», разумеется, указывает на то, что экспертное сообщество оказалось не способно предсказать главное событие в истории Советского Союза — его распад. Американская советология неоднократно подвергалась за это критике, а советологов (экономистов, историков, военных аналитиков) упрекали за излишнюю ангажированность, а также за то, что из-за чрезмерного внимания к деталям они не смогли разглядеть общую картину происходящего в СССР. Широко распространен образ советолога, который бесконечно анализирует порядок расположения членов Политбюро на мавзолее Ленина во время парада и из этого делает выводы о расстановке сил в правящей верхушке Советского Союза.

Главным провалом советологии Энгерман считает неспособность предсказать появление Михаила Горбачёва или объяснить его политику. При этом автор считает, что это «не было следствием фундаментального порока в структуре советских исследований или политического или интеллектуального влияния на них. Этот провал произошел из-за внутренних противоречий в самой этой сфере, нараставших в 1970-е и 1980-е годы. <...> В результате в тот момент, когда предмет исследования переживал экзистенциальный кризис, эксперты оказались не способны его объяснить. <...> В 1990-е годы дело осложнилось спорами о том, что пошло не так в советологии и какие именно ошибки были допущены исследователями СССР».

По окончании Второй мировой войны очень немногие в правительстве США или в научных кругах были осведомлены о происходящем в Советском Союзе. Чтобы восполнить этот пробел, группа исследователей, военных, шпионов и филантропов создали отрасль, получившую название «советские

исследования», или *Soviet Studies*. Вместе они выработали некую интеллектуальную составляющую политологического сообщества, которая помогала вести холодную войну и определила способ мышления тех времен.

Вторая мировая война принесла кардинальные перемены в жизнь научного сообщества и исследовательских центров. Многие ведущие университеты США испытали кадровый голод, в то время как легионы профессоров отправились в Вашингтон, пишет Энгерман: «Они стали работать в секретных лабораториях, причем не только в тех, что разрабатывали новые радарные установки или атомную бомбу, но также в исследовательских группах, занимавшихся природой лояльности американских военнослужащих своему правительству, японской культурой, последствиями разрушений немецких городов и тем, каким образом СССР смог выстоять в войне с нацизмом».

Тем не менее, когда Уинстон Черчилль заявил в марте 1946 года о «железном занавесе», опустившемся над Европой, правительство США оказалось в значительной степени не подготовленным к миру, разделенному на Восток и Запад. «В его распоряжении было несколько десятков экспертов по Советскому Союзу и еще меньше экспертов по странам Центральной и Восточной Европы», — говорится в авторском предисловии к книге Энгермана. «Двумя годами позже, когда кризисы холодной войны уже охватили мир, только что образованное ЦРУ приняло на работу тридцать восемь аналитиков, занимавшихся советской проблематикой, из которых только двенадцать человек говорили по-русски, у одного была докторская степень, а по специальности они могли быть инженерами или библиотекарями; многие из этих экспертов никогда не были в СССР», — отмечает Энгерман.

«Как американский чиновник может предложить внешнеполитический план, не зная,

что происходит в Кремле, не зная точно, кто находится там внутри, не зная, чем живут люди в этой огромной и разнообразной стране?» — задается вопросом автор книги.

В конце 1940-х годов американский страх перед коммунистической угрозой усиливался по мере советизации Восточной Европы, появления у СССР атомной бомбы и подъема Китайской Народной Республики.

В советологических кругах пытались осмыслить происходящее после смерти Сталина, медленную оттепель, свержение Хрущёва в результате «дворцового переворота» и приход к власти Брежнева.

После подавления Пражской весны 1968 года Ричард Никсон попытался снизить напряженность в советско-американских отношениях и объявил политику «разрядки», что, в свою очередь, способствовало политизации советологических исследований. «С появлением в рядах геронтократического политбюро 1980-х годов молодого Михаила Горбачёва у политологов возникли новые надежды и новые страхи», — пишет Энгерман, а мы добавим, и новые споры, и новые ошибки.

Энгерман отмечает важную роль Фонда Рокфеллера в финансировании исследований СССР в послевоенный период. Особую роль Фонд Рокфеллера сыграл в создании Русского института при Колумбийском университете в Нью-Йорке, который возглавил Героид Робинсон, историк, проработавший в университете два десятка лет. (Первоначальная сумма, выделенная Фондом Русскому институту, составляла 250 тыс. долларов.)

Робинсон неоднократно указывал на необходимость более глубокого анализа большевизма, «коммунистического эксперимента», который, по его мнению, «коренился в российском прошлом». Движущей силой российской истории Робинсон считал проблемы аграрного производства и деревенской жизни. Этому посвящена его книга

«Деревенская Россия при старом режиме», опубликованная в 1932 году и основанная на тщательном изучении архивных материалов. Книга принесла автору славу одного из лучших историков России в Америке. «Но ни долголетие, ни ученые степени не объясняли полностью причин, по которым Робинсон был избран в качестве руководителя Русского института; в военное время он был руководителем отдела СССР в Управлении стратегических служб, разведывательном управлении США, предшествовавшем ЦРУ», — пишет Дэвид Энгерман. За работу в Управлении стратегических служб Робинсону в 1947 году была присвоена Медаль свободы.

Героид Робинсон отличался исключительной дотошностью и требовательностью, заставляя своих сотрудников работать по ночам. Под его руководством создавались уникальные исследования и обзоры, касающиеся узкоспециальной тематики, такой как организация транспорта и связи в Юго-Восточной Сибири, или положение с системой здравоохранения в этом регионе, или специальные инструкции по взаимодействию с бойцами Красной армии при общении с ними в оккупированной Германии.

Для составления этих докладов требовалась кропотливая работа по собиранию разрозненных кусков информации в единое целое. Даже статьи из «Правды» поступали в Русский институт с опозданием на несколько недель, если приходили вообще. Робинсон решил, что эту проблему можно решить, если в американском посольстве в Москве будет находиться исследователь из Управления стратегических служб, который будет собирать и отправлять в Америку как можно больше газетных и журнальных материалов. Преодолев сопротивление со стороны Госдепартамента, Робинсон смог отправить в Москву молодого политолога Роберта Такера — в будущем автора знаменитых книг о Советском Союзе. Затем к Такеру присоеди-

нился Мелвилль Рагглиз, чьи должностные обязанности состояли в приобретении газет и журналов. Купленную в киосках прессу затем паковали в ящики и отправляли в Америку.

Робинсон считал, что анализ событий в Советском Союзе нельзя поручать эмигрантам, поскольку они не могут быть объективны. По его мнению, этим должны заниматься американцы, но только те, кто провел некоторое время в России. Робинсон рассчитывал на расширение обмена между двумя странами и надеялся, что сможет направлять американцев для ведения исследований в советских архивах и библиотеках, а советских исследователей приглашать в США в качестве преподавателей. Энгерман пишет, что в архивах Русского института содержится переписка о возможностях приглашения советских лекторов. Речь шла об историках Исааке Минце, Евгении Тарле, экономистах Петре Лященко и Евгении Варге. Среди возможных лекторов упоминается даже Андрей Вышинский. Однако попытки привезти в США советских ученых не увенчались успехом: приглашаемая сторона не выказывала заинтересованности в поездках в Америку, тем более что, по американскому законодательству, каждый коммунист, въезжавший в США, должен был сдавать отпечатки пальцев. Советская сторона не приветствовала приглашения из Колумбийского университета, а советские газеты называли Русский институт «основным звеном в системе тотального шпионажа».

Весьма детально Энгерман описывает так называемый Проект советской уязвимости (*The Soviet Vulnerability Project*), участники которого занимались сбором информации и вырабатывали рекомендации по формированию политики в отношении СССР. Основной задачей была разработка стратегии по подрыву контроля советского правительства за своим населением и территориями посредством сочетания дипломатии и пропаганды. «Несмотря на агрессивный тон доклада,

в нем отвергнуто одно из предложений, которое время от времени циркулировало в Вашингтоне, а именно идея о том, что США могут “оторвать” от СССР важные республики, такие как Украина и Армения», — утверждает Энгерман. Тем не менее доклад включал в себя предложения о том, как ослабить советский контроль над восточноевропейскими сателлитами, о развитии программ радиовещания на страны советского блока и о действиях на случай смерти Сталина. Доклад в итоге был издан в виде книги под названием «Динамика советского общества».

Обширная информация, получаемая от этого и других проектов, один из которых был посвящен сбору сведений от беженцев из Советского Союза или тех, кто оказался после войны в Западной зоне немецкой оккупации, создавала массив данных, которые затем использовались в составлении докладов и публикации научных монографий. Например, экономист Джозеф Берлинер написал работу под названием «Фабрика и управленец в СССР», в которой он проанализировал сведения, полученные от бывших управленцев, информацию из открытых источников, а также материалы из советских журналов от юмористического «Крокодила» до «Цветной металлургии». Результатом стало довольно детальное описание советской экономики. В частности, Берлинер ввел в американский оборот понятия «блат» и «толкач». Берлинер утверждал, что нажим, который советское руководство оказывает на население, чтобы добиться быстрого экономического роста, оказывается подорванным тактикой «толкачей». Взгляд Берлинера и его оценки оказались достаточно точными. Экономические реформы 1957 года, объявленные в СССР после того, как книга вышла в печать, подтвердили критические оценки, сделанные Берлинером в отношении практического управления советской экономикой.

Отдельный раздел Энгерман посвящает советской «перестройке» и краху американской советологии, случившемуся после распада СССР. Он отмечает, что в начале 1980-х годов политизация в американской советологии приобрела огромные масштабы. В Белом доме находился Рональд Рейган, а в составе Совета национальной безопасности США заседал Ричард Пайпс. Ученые-советологи, которые надеялись снизить напряженность холодной войны и подвергали критике политику администрации в отношении Советского Союза, находились в оппозиции. Экономическая советология переживала демографический упадок — немногие молодые экономисты стремились прийти на смену уходящим на пенсию.

Нарастающие политические споры способствовали разногласиям между группами исследователей. Александр Даллин из Стэнфорда и Маршалл Шульман из Колумбийского университета писали глубокие аналитические обзоры текущих событий, больше похожие на комментарии экспертов, чем на специализированные научные исследования. В начале 1970-х годов к ним присоединились экономист Маршалл Голдман и политолог из Принстона Стивен Коэн, которые также активно подключились к политическим дебатам. Они поддерживали политику «разрядки» и советско-американского сотрудничества, считая, что такой курс ускорит реформаторские настроения в советском обществе. Для того чтобы противостоять этой группе, консервативные исследователи присоединились к сенатору Генри Джексону, который в 1970-е годы выступал против политики «разрядки», проводимой Ричардом Никсоном и Генри Киссинджером. Обе стороны столкнулись в администрации Джимми Картера, где Шульман работал советником в Госдепартаменте, а Збигнев Бжезинский служил помощником президента по национальной безопасности. Сокрушительная победа

Рональда Рейгана на президентских выборах 1981 года завершила все разговоры о разрядке и привела к власти многих людей Генри Джексона, включая Ричарда Пайпса.

Стремительные изменения, начавшиеся с приходом Михаила Горбачёва, окончательно запутали всех, утверждает Энгерман. События в СССР, которые ежедневно освещались американской прессой, очевидным образом не вписывались в рамки существующих политологических теорий. Как пишет автор книги «Знай своего врага», Горбачёв смог вывести СССР из эры брежневской стагнации, но его политика мало способствовала выходу из застоя американских советологов.

Некоторые американские исследователи того времени ожидали, что основной движущей силой перемен станет старение советской элиты. Сторонники разрядки отмечали плохое состояние здоровья стареющих членов политбюро ЦК КПСС. Когорта Брежнева во многом состояла из выдвиженцев сталинской поры, было ясно, что они недолго пробудут во главе Советского Союза. К 1980-м годам в составе Политбюро было всего два человека моложе 65 лет, одним из которых был Горбачёв. Основываясь на анализе этой группы, такие исследователи, как Арчи Браун, Стивен Коэн и Джерри Хоу (*Hough*), утверждали, что новое поколение может принести с собой в СССР значительные перемены. Однако Коэн отмечал, что «сама по себе смена поколений» недостаточна, чтобы гарантировать новую эпоху «реформ сверху» по хрущёвскому образцу.

С приходом Горбачёва оценки американских советологов резко разошлись. Роберт Конквест считал, что гласность предначтена исключительно для иностранного потребления, и утверждал, что Горбачёв мало что предлагает для кардинальной перемены всей системы. Адам Улам призывал к бдительности перед лицом советской агрессии. Даже те, кто был убежден в искренности

Горбачёва, сомневались в том, что он сможет довести свои намерения до конца.

Все соглашались в одном: западная советология потерпела провал, потому что не сумела разработать соответствующую основу для понимания происходящего. Многие исследователи того времени критиковали западных наблюдателей, одновременно восхваляя работу советского диссидента Андрея Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», изданную в 1970 году. Но хотя Амальрик действительно предсказывал, что СССР не переживет 1980-е годы, он считал, что его гибель наступит в результате поражения со стороны Китая. Труды американских советологов, написанные в начале 1980-х годов, указывали на многочисленные проблемы, с которыми столкнулся Советский Союз, но они не

предполагали, что страна окажется не в состоянии их преодолеть.

Дэвид Энгерман создал содержательное и информационно насыщенное сочинение о зарождении и конце советских исследований. Он показал, что советология была полем борьбы, на котором различные игроки сражались за влияние на остальных и на правительство США. Судьба такого сложного организма, как американская советология, была неразрывно связана с противником Америки, каким был Советский Союз, и завершилась с его распадом. Но, как сказано в одной из рецензий на книгу Энгермана, «некий образ далекого и малоизвестного противника продолжает влиять на новые поколения американцев, все еще недоумевающих по поводу событий, происходящих в этой части мира». ■

ПЁТР ЧЕРЁМУШКИН

АНИСИМОВА АЛЛА АЛЕКСАНДРОВНА — старший преподаватель кафедры общей социологии экономического факультета Новосибирского государственного университета.

ГРИГОРЬЕВ ИВАН СЕРГЕЕВИЧ — младший научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге.

ГУДКОВ ЛЕВ ДМИТРИЕВИЧ — директор Левада-Центра, доктор философских наук.

ЕЧЕВСКАЯ ОЛЬГА ГЕННАДЬЕВНА — научный сотрудник отдела социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, доцент кафедры общей социологии экономического факультета Новосибирского государственного университета, кандидат социологических наук.

МАЛИНОВА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА — главный научный сотрудник ИНИОН РАН, профессор МГИМО (У) МИД России, профессор НИУ—ВШЭ, почетный президент Российской ассоциации политической науки, доктор философских наук.

МИЛЛЕР АЛЕКСЕЙ ИЛЬИЧ — ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, приглашенный профессор Центрально-Европейского университета (Будапешт, Венгрия), доктор исторических наук.

СОЛОДОВНИК СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА — обозреватель интернет-издания «Ежедневный журнал».

ТРОИЦКАЯ ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА — специалист по миграции и конфликтологии, кандидат политических наук.

ФУКУЯМА ФРЭНСИС — старший научный сотрудник Института международных исследований Фримэна и Сполли (*Freeman Spogli Institute for International Studies*) Стэнфордского университета (США).

ЧАПКОВСКИЙ ФИЛИПП ИГОРЕВИЧ — журналист, аспирант Европейского университета в Санкт-Петербурге.

ЧЕРЁМУШКИН ПЁТР GERMAHOVIЧ — журналист, политический обозреватель.

Vol. 16, No 3 (55)

COVER STORY

SOCIETAL SHIFTS IN RUSSIA

Social capital and ideological orientations

BY LEV GUDKOV

The stages and the nature of political evolution in Russia will be determined by the calendar of future electoral campaigns, first of all, in the regions. The events around these elections will have bigger implications for the urban population, especially in Moscow, where there are conditions for alternative social and political structures to emerge. At the same time, no radical change can be expected in the foreseeable future. Scenarios of a revolutionary transformation, split of the elite, or a takeover of power by one of factions in the government that would subsequently initiate radical democratic reforms are all unlikely. This is due to the fact that the society has not yet formed cohesive forces that would be able to offer new forms of social organization.

Two nations, two churches

BY SVETLANA SOLODOVNIK

Today in the “broad society” at one pole there is the authoritarian regime and its supporters (genuine and coopted), and at the other – democratically-minded citizens. Within the Orthodox community at one pole there are church leaders and their allies, who have demonstrated their readiness to support the authoritarian state and oppose the democratic movement, at the other – Orthodox citizens who have just begun to realize their own political opportunities. So far the transformation is reduced to the level of perception, as the civic Orthodox forces do not rush to institutionalize themselves.

Russia’s migration dilemma

BY OLGA TROITSKAYA

The contradiction between the policy of the Russian state that is aimed to preserve liberal

visa regime with the CIS countries and the mostly restrictive sentiments of the population, hinder any effort to make Russia’s migration policy coherent and effective. As a result, the government refuses to introduce restrictive measures (in particular, the introduction of visa regime), while the widespread public opinion blocks any attempts to liberalize the policy.

Siberian identity as a form of political statement

BY ALLA ANISIMOVA AND OLGA ECHEVSKAYA

The growth of regional self-identity observed in Siberia over the recent years is largely due to a perception that the federal center does not treat the local population fairly. At the same time, the *sense* of injustice among the people or the *desire* to change the unfavorable situation fail to generate civic *activism* as a way to realize the emerging regional interests. Such inconsistency can be explained by local factors (living conditions, mentality, migration), as well as by people’s lack of trust in their own ability to change the situation. People do not believe that civic engagement and collective action can be successful.

Symbolic unity of the nation?

BY OLGA MALINOVA

The debate, provoked by Putin’s campaign articles has clearly demonstrated how fundamentally divergent are the views on collective identity within the community that forms the Russian state. The new stage of party building that will follow the amendments to the legislation on political parties is likely to be a catalyst for heated debates over this and other issues. In a changed environment symbolic demonstration of the “unity” is not enough. It is still not clear how the nature of public communication will change and what technologies of civic mobilization will prevail.

The invention of tradition

BY ALEXEY MILLER

Several common features can be identified among the recently invented symbols (Ribbon of St. George, “memorial candle”, and “Smolensk Cross”). First of all, their success relies on the usage of historical tradition. This is true in the case of Ribbon of St. George, not to mention the Ukrainian “memorial candle” and the cross in Poland. The appeal to the martyrology is

also an important element of emotional impact produced by these symbols. Their supporters consistently deny their political character. At the same time, the more pronounced is the link between a symbol and a particular political force, the more limited is its impact on people, who do not support this political force.

Book Reviews

Our Authors

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

ФОНД КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР